

Мы
НЕ ЗНАЕШЬ МЕНЯ

АЖОРАЖИЯ ЛЕ КАРР

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Это отдельная книга, но сначала стоит прочесть серию «Босс русской мафии» 2 книги

Таша Я поняла, что Ной Абрамович одна большая проблема в тот первый раз, когда наши глаза встретились. Мне было шестнадцать тем летом, я сидела у бассейна, ела мороженое и до сих пор помню, как оно текло по моим пальцам и капало на ноги, пока я пялилась на него во все глаза. Он не только был похож на греческого Бога, анималистический Альфа-самец, высокий с сильным накаченным телом, а вокруг него была своеобразная аура, которая просто кричала: «Не шути со мной!». В шестнадцать я хотела его со страстью женщины, но в моем мире существуют неписанные правила. Правила, стоящие гораздо больше, чем человеческая жизнь. И мне даже не стоило интересоваться — он был тем, кого я не смогу получить никогда. Он больше не смотрел на меня, я же наблюдала за ним издали, его улыбка скрывала множество секретов. Темный и загадочный, казалось, он никого не боялся, даже моего отца. Я сильно боялась. Шли годы, и день, когда время остановилось, стало так же нереальным, как мечта. Сейчас мне двадцать два, через полгода я буду замужем за человеком, которого выбрал мне отец. Я исполню свой долг, привнесу респектабельности в династию отца, но прежде чем я отдамся этому человеку, я должна попробовать запретное. Всего одна ночь с мужчиной моих тайных фантазий, и когда я буду лежать на смертном одре, я не сожалею, что не рискнула и не попробовала того, чего больше всего хотела в жизни. Но что, если я многое себе на придумывала, только и всего. Что если одного раза не хватит? Ной В мире мафии, ваше прошлое никогда не останется позади. Если вы были небрежны, прошлое может просочиться в ваше будущее и убить вас. Когда я окончательно поверил, что отошел от всего этого, она внезапно появилось у меня в кабинете. Таша Эванофф, так, наверное, выглядит первородный грех. Блондинка, красивая, фигуристая, с таинственными сапфировыми глазами, заглядывающими в мою испорченную душу. Она пришла, предлагая откусить от красного яблока. Если бы я не видел никакого смысла, закрыл перед ней дверь и отправил обратно к отцу, психопату высшей степени. Но это не похоже на меня. Если красивая принцесса имеет мужество войти в логово Льва, мать твою, я приму вызов. Я откушу от ее яблока. Почему, бл*дь, нет? Я жаждал ее в течение многих лет. Я буду наслаждаться ее нежной плотью. У нее будет все болеть после меня, и она не сможет больше быть ни с одним мужчиной. Она наивно полагает, что вернется к тому, что было раньше, но я знаю, что не вернется, не будет уже как раньше. Невозможно иметь только одну ночь страсти, тело всегда жаждет большего. Она вернется, я не выкажу никаких эмоций. Но кого я обманываю, я никогда не отпущу... Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

«Мальчики будут мальчиками, и по молодости они должны грешить, и женщины не должна ожидать от них чуда».
«Маленькие Женщины», 1869

Таша Эванофф! Блондинка с голубыми глазами, пухлыми губами, с кожей такой бледной, почти голубой, пока до нее не дотронется летнее солнце, тогда она становится пшенично-золотистой.

Какого хрена *она* делает у дверей моего кабинета?

На долю секунды мне кажется, что я грежу наяву. Как такое может быть? В этот миг я снова слышу старческий хрипчатый голос своей бабушки.

«Слушай меня внимательно, Ной. Когда новорожденный появляется на свет в этом мире, он теряет свою магию. Он приспособливается и начинает действовать в интересах жизни, но могучее желание вернуть свою магию никогда не уходит. Эта жажда сидит глубоко в подсознании, выжидая, потому что иногда случается, что человеку может повезти и его магия пересечется с ним».

Таша Эванофф — моя магия.

Ни одна живая душа не знает, что я тайно вожделем ее в течение многих лет. Я с трудом заставлял своим глазам не следовать за ней по великолепной гостиной ее отца и не пялиться на ее красивое тело в бикини, когда она лежала на шезлонге у бассейна, поскольку точно знал, что наши миры никогда не должны пересечься.

Сегодня без приглашения она забрела в мой мир.

Прикрыв за собой дверь, она обольстительно прислоняется к ней, ее сексуальная энергия струится через всю комнату. Она одета именно так, как я и ожидал, именно так может одеваться дочь неприлично богатого и испорченного властью человека. Безупречно. Прекрасно облегающее белое платье до колена, в сочетании с нежно-розовым кардиганом, не высокие туфли на белой танкетке с круглым носком. Ее единственным украшением является тонкая нитка тусклого белого жемчуга на шеи, и бархатные длинные черные заколки, поддерживающие ее блестящие вьющиеся волосы, достигающие до плеч.

Она явно выбирала наряд не для соблазнения. Скорее решила показать девственную чистоту, но сексуальное напряжение, исходящее от нее, искрится между нами, словно встряхнули бутылку с шампанским. Напряжение заставляет мои нервы вступить в состояние повышенной боевой готовности.

Я поднимаюсь из-за стола.

— Привет, Ной, — говорит она, растягивая слова. Ее отец — русский ублюдок, мать происходит из британского рода голубых кровей, поэтому ее речь полностью соответствует высшему классу.

— Зачем ты пришла, Таша? — спрашиваю я. Я чувствую, как все мое тело напряжено, тестостерон зашкаливает, но голос звучит спокойно, без эмоций.

— Без сомнения для начала ты мог бы предложить мне присесть, — немного раздраженно отвечает она.

— Без сомнения, — я указываю рукой в сторону кресел, стоящих напротив моего стола.

Она идет к креслу слева, садится и сжимает колени вместе. Глаза у нее красивые, словно голубые звезды, зрачок — темный омут.

— Хочешь что-нибудь выпить? — вежливо предлагаю я.

— Благодарю, нет, — отказывается она, но потом передумав, добавляет:

— На самом деле, да, я бы выпила что-нибудь.

— Что бы ты хотела?

Ее взгляд мерцает.

— Эм... коньяк, если он у тебя есть, — и после небольшой паузы, — двойной.

Я иду к бару и чувствую, как ее взгляд сверлит мне спину, пока автоматически вытаскиваю бутылку из шкафа. Слишком много мыслей у меня роится в голове. Я достаю бутылку коньяка, открываю. Одно могу сказать точно — она не просто так забрела ко мне.

Я наливаю щедрую порцию.

Продолжая анализировать, что могло привести ее сюда, я не нахожу причину, из-за которой она могла прийти ко мне в это время ночи. Я перестаю хмуриться и оборачиваюсь к ней. Неторопливо подхожу и протягиваю стакан.

Она проходится подушечками пальцев по моей руке, когда забирает стакан. Конечно же, ее кожа — чистый шелк, как и положено избалованной дочери властного и опасного человека.

— Ты не будешь? — спрашивает она, выгибая одну бровь.

— Нет, — мой голос звучит несколько низко и немного странно.

— О, — восклицает она, глядя на меня своими потрясающими глазами.

Словно она видит перед собой то ли ангела, то ли привидение. Ее взгляд оказывает на меня почти гипнотическое, парализующее действие, вероятно, потому что я никогда так близко не стоял с ней рядом. Я борюсь с умопомрачительным желанием схватить ее и разграбить, поглощая ее пухлые губы.

Бл*дь! Мне нужно, чтобы между нами было приличное расстояние или какой-нибудь предмет. Я обхожу свой стол и сажусь. Молча я наблюдаю, как она осушает стакан. Как движется белая кожа у нее на горле, пока она глотает, движение настолько эротичное, что мой член пробуждается. Она сжимает пальцами пустой стакан, опуская его на колени, переведя на него взгляд. Молчание по-прежнему стоит между нами.

Странная, густая тишина. Напряженная.

Но я держу язык за зубами, ожидая, когда она ее нарушит.

Наконец, она поднимает на меня глаза.

— Я... выхожу замуж через полгода, — тихо говорит она.

Я уже знаю этот маленький факт, Таша. Ты выходишь замуж за непутевого сына свихнувшегося миллиардера. Это брак однозначно был заключен в аду ее жирным ублюдком отцом, ужасным и омерзительным. Если он узнает, что она находится здесь, то хорошим это не кончится. Кровопролитие будет самое меньшее из зол.

Я продолжаю молчать, и ее взгляд становится немного нервным.

— Ну, мне показалось, что прежде чем остепениться, было бы не плохо немного попробовать вкус жизни.

— Да? — я не могу поверить в то, что она говорит, уже догадавшись, что она собирается мне сообщить.

— Да. Я хочу, чтобы ты переспал со мной сегодня, — говорит она очень быстро, явно нервничая, и ее слова повисают в напряженном воздухе между нами.

Все мое тело тут же реагирует на ее слова. Сердце бешено колотится в груди, кровь несется к моему члену, он начинает болеть, но годы тренировок не прошли даром, я сохраняю «покер фейс». До сегодняшнего дня она даже не смотрела в мою сторону, а теперь хочет, чтобы я ее оттрахал. Здесь явно что-то не так. Я соединяю руки на столе.

— Тебе придется объяснить мне более подробно.

Она беспечно, элегантно пожимает плечами, меня даже бесит это ее движение.

— Что объяснить?! Я хочу, чтобы мы... трахнулись, — принцесса все же смогла пересилить себя и вымолвить последнее слово.

— Почему?

— Потому что... потому что я хочу... кого-то похожего на тебя.

Похожий на меня. Теперь, я понимаю. Избалованная, скучающая богатая девушка собирается выйти замуж за избалованного, скучающего бесхребетного мудака, но перед тем как она окончательно погрузиться в эту бесконечную скуку, хочет испытать что-то грязно-сексуальное с каким-то парнем, относящемуся к совершенно другому слою общества, кардинально противоположному ее собственному.

Принцесса хочет побыть шлюхой одну ночь. И для этого она выбрала меня. Я откидываюсь на спинку кресла и сверлю ее взглядом. Ну и ну, хорошо. Эта неприкасаемая красота сейчас готова лечь передо мной, чтобы я ее запятнал и обесчестил.

— Что заставило тебя решить, что я захочу провести с тобой ночь?

У нее на гладком лбу появляются морщины.

— Разве не все мужчины хотят секса без обязательств, я имею в виду, провести одну развратную ночь с незнакомкой?

Я смотрю ей в глаза. Вот что происходит, когда ты до безумия оберегаешь свою дочь.

Она ошибочно принимает мое молчание за нежелание. Наверное, нет на земле мужчины, находящегося в здравом уме, способного ей отказать. С трудом сглотнув, она выпрямляется, стальной блеск решимости сверкает в ее глазах. В конце концов, в ней все же течет кровь своего отца.

— Для тебя не будет никаких последствий. Никто никогда не узнает. После сегодняшней ночи, скорее всего, мы никогда больше не встретимся, но даже если случайно где-то пересечемся, сделаем вид, что этой ночи никогда не было.

— Где находится твой отец в данный момент?

Она облизывает губы, мне хочется сжать губами ее нижнюю губу.

— Дома, в постели. Спит.

Словно мои собственные похотливые мысли передались ей, и она прикусывают свою нижнюю губы своими белыми зубами. Я резко выдыхаю через нос. Желание, жажда, похоть — это мощный, завораживающий коктейль. Я всю жизнь ненавидел слабаков, находивших себе единственное оправдание:

«Это было сиюминутно. Я просто ничего не мог с собой поделать».

Именно в эту минуту, я понимаю, о чем они говорили. Каждая клетка моего тела взывает ко мне, не дотрагиваться до «отравленной чаши», но будто она наложила на меня заклинание — я встаю, обхожу стол, двигаясь к ней как зомби, протягиваю руку.

Она хочет грязного секса.

Я знаток в этом.

Уверен, я предоставлю ей этой ночью настолько грязный секс, что у нее загнутся пальцы на ногах. Я сделаю его настолько незабываемым, что пока вялый член ее мужа будет трудиться внутри нее, она с закрытыми глазами будет вспоминать мой трахающий х*й.

Проблеск улыбки появляется у нее на губах. Она кладет свою руку в мою, я дергаю ее к себе, и она падает мне на грудь. Ее тело мягко изгибается и словно прилепляется ко мне. Ее духи достигают моего носа. Я вдыхаю. Прошло слишком много времени, я даже не могу вспомнить, когда в последний раз женщина могла обезоружить меня подобным образом. *Но она хочет всего лишь грязного секса с тобой. Она твоя, но только на сегодня.*

— Ты мокрая? — резко спрашиваю я.

Она отрицательно качает головой, глядя на меня своими огромными глазами.

Я приподнимаю брови.

— Уверена?

— Да, — демонстративно нахально заявляет она.

Без предупреждения я хватаю ее за округлую задницу и запускаю свою руку под целомудренное платье. Она изо всех сил пытается вырваться, но я жестче прижимаю ее к себе, ее сопротивление бесполезно. Ее глаза сверкают раздражением, пока моя рука скользит в ее трусики, и я прикасаюсь к ее киске. Погружаю два пальца в ее вход. Она выдыхает и сжимается вокруг меня.

— Тогда... — я извлекаю пальцы. — Как это называется? — тихо спрашиваю я, проводя своим пальцами по ее бархатной щеке.

Ее глаза наполнены удивлением.

Я наклоняю голову и еле дотронувшись провожу языком по ее щеке, слизывая ее соки. На вкус — мускусный мед. Незабываемый. Я знаю, мне будет не хватать ее вкуса, когда она уйдет рано утром. Глубоко вдохнув ее запах, я с силой погружаюсь в ее рот. Сначала она заторможено стоит просто так, а потом начинает отвечать — сосать мой гребанный язык. Бл*дь, эта женщина сводит меня с ума. Я отстраняюсь и смотрю ей в глаза. Мой член выпирает, готовый разорвать молнию на джинсах.

— У тебя больше никогда не будет такой ночи, как сегодня, поэтому никаких игр и лжи в эту ночь, поняла?

Она молча кивает.

— Ты мокрая?

— Да.

— Насколько мокрая?

— Я теку, — возбужденно отвечает она.

Я слабо улыбаюсь.

— Ты будешь делать все, что я скажу?

— Да. Все что угодно.

<https://www.youtube.com/watch?v=M6G10QgJm1o>

Мокрая

Он внезапно отпускает меня и делает несколько шагов назад, и у меня такое ощущение, как будто кто-то заменил мои колени, превратив их в железные конфеты Rowntree. Он опирается на край своего стола и скрещивает руки на груди.

Под ярким освещением комнаты его волосы черные, переливающиеся, глаза темные, полуприкрыты, я не могу прочесть их, но я чувствую его похотливый взглядом, не спеша бродящий по моему телу. Первобытный, дикий животный магнетизм исходит от него волнами, которые ударяются о меня, вызывая прилив тепла внизу живота. Я чувствую себя перед ним уязвимой и открытой, будто стою голая.

— Сними трусики, — тихо говорит он, и теплая волна проходит у меня по телу.

У меня перехватывает дыхание. Конечно, он же не собирается проделывать *это* здесь, в этом кабинете?! Может, он вообразил, что имеет право унижать, поскольку я предложила ему свое тело, словно какая-то проститутка, которую он нанял на ночь. Такого обращения я точно к себе не потерплю. Я распрямляю плечи.

— Мы будем... хм... делать это здесь?

— Нет.

— Тогда почему...?

Он остается неподвижным.

— Потому что я так хочу.

Никто никогда не разговаривал со мной подобным образом — с таким неуважением и безразличием, как будто совершенно не боится моего отца. Внутри я чувствую трепет возбуждения. Воздух в комнате потрескивает от сексуального напряжения, я медленно, не спеша, приподнимаю платье и стягиваю свои трусики вниз. Они падают на пол, я переступаю.

— Принеси их мне, — рычит он.

Я наклоняюсь, подбираю маленький комочек кружев, и держа на одном пальце, подхожу к нему. Он выставляет руку вперед, ладонью кверху, и я бросаю кружевную вещицу.

Он улыбается, и его взгляд сглаживается, и в уголках глаз появляются маленькие морщинки. Он моргает (у него ресницы! Девушки бы убили за такие) у меня перехватывает дыхание. Я чувствую себя так, словно он меня околдовал. Я с трудом соображаю. Воздух в кабинете кажется таким густым, что каждый вдох дается мне с трудом.

Я так подпала под его чары, что даже не замечаю, как он прячет мои трусики. Мгновение он только что держал их в руке, а потом рука пустая, и он дотрагивается до моих губ. Кожа на его большом пальце загрубевшая.

— Таша Эванофф, — тихо выдыхает он.

У меня раскрываются губы.

Он нежно вытаскивает заколки из волос.

— Они тебе не понадобятся там, куда мы поедem, — заколки бесшумно падают на

ковер.

Он запускает пальцы в мои волосы, наматывает на кулак на затылке и тянет, голова запрокидывается назад, открыв доступ к моей шеи. У меня стягивает живот от нескрываемого желания, как он смотрит на меня. Он резко притягивает меня к себе с каким-то неистовством, которое меня поражает. Я падаю на его твердую грудь и заморожено смотрю в тлеющий огонь в глубине его черных глаз. Ответное возбуждение проходит сильной волной по всему моему телу, вызывая дрожь. Между ног у меня все горит и пульсирует. Господи, я никогда даже не могла вообразить себе такого мужчину, как он.

— Черт, мне не хватит одной ночи, что я хочу с тобой проделать, — вдруг говорит он и одним плавным движением ставит меня в вертикальное положение, отстраняясь.

Он звонит какому-то Виктору и говорит, чтобы забрал нас у черного входа. Мы пробираемся к черному входу через его ночной клуб, я так сильно нервничаю, что очень напряжена. Иногда его рука опускается мне на спину, направляя мое движение в нужном направлении. Он кладет большую руку на двойные двери и толкает. Мы оказываемся на кухне, где каждый человек, присутствующий на кухне, замирает глядя на меня с Ноем. Мне кажется, что у него нет такой привычки выходить через черный вход с женщинами. Снаружи холодновато, и я поеживаюсь.

— Холодно? — спрашивает он, поглядывая на меня.

— Немного.

Здесь же у входа нас поджидает машина, и водитель, скорее всего именно тот Виктор, стоит рядом с открытой задней дверцей. Его глаза слегка расширяются при виде меня, но он ничего не говорит. Интересно, узнал ли он меня, скорее всего крайне маловероятно. Мой отец старается оберегать от дел «своего общества». Я благодарю его и залезаю внутрь, Ной обходит машину и садится рядом со мной, с другой стороны.

— Включи печку, — говорит он водителю.

— Спасибо, — в ответ шепчу я.

Он оборачивается и внимательно смотрит на меня, свет уличного освещения скользит по его скуле и выражение, которое я вижу в его глазах, заставляет меня облизать губы.

<https://www.youtube.com/watch?v=vvvX5QM4z3Y>

Порочная игра

Мои глаза тут же опускаются на ее пухлую нижнюю губу, которая соблазнительно поблескивает в темноте салона. Мать твою, это еще больше меня заводит. «*Спокойно*», — говорю я себе, хотя возбуждение, как электрический ток струится в моей крови. Бл*дь, я никогда не ощущал такой настойчивой слепой потребности.

Я хочу схватить ее и взять прямо здесь и сейчас, и потом. И будь я проклят, если это не будет хорошо.

Я сжимаю челюсти и отворачиваюсь. Насмешливый голос в моей голове говорит: «*Будь тверд, Ной. Это всего лишь одна ночь. Не лезь в бутылку!*» Я гляжу в окно, проезжая по знакомым улицам. Я проделывал этот путь тысячи раз, но сегодня, этой ночью, есть что-то нереальное.

Ее зовут Таша Эванофф. Ее духи. Ее присутствие здесь, у меня в машине, сливочная белизна ее нежной кожи, невинность в ее больших глазах. Я монстр. Я ничего не могу ей дать, кроме боли и надломленности. Даже не касаясь, а всего лишь смотря на Принцессу, я уже оскверняю ее, и все же, я не могу остановиться.

Она — одна из моих слабостей. Любимая дочь Короля Мафии, ставшая моим худшим кошмаром. Но я не могу устоять перед ее вызовом. Слишком часто я проигрывал эту ночь в своих фантазиях. Только одну ночь. Я знаю, это всего лишь похоть. Когда взойдет солнце, все будет кончено. Я не буду преследовать ее. Я не хочу разрушить ее жизнь. Но она будет моей только одну ночь.

С такой же скоростью, как автомобиль пожирает милю за милей, каждая клеточка моего тела нагревается, испытывая супер потребность. Словно волк, я слышу, как стучит ее сердце, чувствую тепло, исходящее от ее тела.

Автомобиль плавно останавливается. Мы прибыли к моему дому, я со своей фантазией, женщиной. Я выхожу, и Виктор бросается открывать ей дверь. Она ступает на тротуар и оглядывается на меня. Я благодарю Виктора, он уезжает.

Холодный ветер подхватывает подол ее платья и крутит волосы. Она обхватывает себя руками.

— Мой дом, — тихо говорю я.

— Очень милый, — отвечает она без сарказма. Обычный городской дом с шестью спальнями, с высокими потолками и высокими окнами. Скромный. Конечно, он ничто по сравнению с золотым и мраморным дворцом, в котором живет она. Русские с деньгами похожи на арабов. Кричаще, выпячивают свой достаток. Они любят показуху.

— Уверена, что хочешь продолжить?

Она протягивает руку и указательными пальцами, снимает что-то у меня с правой щеки. Потом поднимает на меня глаза, подняв свою открытую ладонь к моему лицу. Да, старая русская примета: если выпадает ресничка, ты можешь загадать желание. Я чувствую, как в груди стало слишком тесно. Мама всегда так делала, брала мою выпавшую ресничку, клала

себе на ладонь, я ударял по ее ладони, предварительно загадав желание.

Я ударяю. Пряди ее светлых волос подпрыгивают на плечах.

Она моргает.

— Ты загадал желание?

Я киваю. Она, однозначно бы удивилась, узнай какое желание я загадал. Я и сам удивился своему желанию. Ни одно из моих желаний, которые я загадывал раньше, когда мама держала ресничку, не сбылось. И сейчас тоже не будет чуда, чтобы сбылось это.

Мы поднимается по лестнице, я вставляю ключ в замок. Я закрываю за нами входную дверь и смотрю на нее, пока она оглядывается по сторонам.

— Хочешь выпить? — предлагаю я.

— Если только ты будешь, тогда и я.

Я вхожу в гостиную и включаю свет.

Она смеется, задыхаясь, восклицая:

— Вау, как красиво.

Я оглядываю свой интерьер, как будто вижу его впервые. Я смотрю на него ее глазами, будто раньше никогда его не замечал. Я наблюдаю, как она проходит взглядом по бледным, покрашенным в крем стенам, темно-серому полу и темным шелковым шторам. По белому дивану с красными бархатными подушками. Она проходит вглубь комнаты, рассматривая бледно-лиловый ковер с длинным ворсом.

— Я не могла себе представить, что ты можешь жить в таком доме.

Я небрежно пожимаю плечами. Да, это мой дом, но не совсем дом. Фактически я не живу здесь. На самом деле, я редко сюда приезжаю. Чаще я заваливаюсь в квартиру над своим рестораном.

— Это не я украшал дом. Я нанял людей для этого.

— Конечно, я поняла, что не ты, но ты одобрил выбор дизайна.

— Когда я покупаю собаку, и начинаю заботиться о ней, совсем не означает, что со временем я тоже буду лаять.

Она снова смеется, но на этот раз громко. Прекрасный звук. Не думал, что у нее может быть такой смех — густой, сексуальный и волнующий.

— Я ожидала увидеть черную кожу и хром, — она останавливается и пожимает плечами. — Я имею в виду то, что больше присуще *bratve*.

— Я больше не в братстве, — тихо отвечаю я.

Она приподнимает бровь.

— Когда же ты ушел?

— Года прошли, — спокойно отвечаю я.

— Значит, ты просто ушел от них? — спрашивает она с любопытством.

— Ты никогда не сможешь уйти от этого. Оно будет следовать за тобой.

— Что это значит?

— Мои грехи и каждого из нас, они никогда не оставят, неважно, как далеко я смогу убежать или сколько проживу.

Она пялится на меня.

— Но ты пришла сюда не для того, чтобы говорить о моих грехах.

Она молчит, я иду к бару и наливаю нам добротную порцию коньяка. Она берет стакан из моих рук и приподнимает его.

— За эту ночь, — произносит она.

— За ночь, — отвечаю я, и мы оба выпиваем.

К моему удивлению, она выпивает также быстро, как и я. Она так прекрасна во всем, что заставляет мой член просто рыдать. Я хочу сорвать с нее одежду, но она ей потребуется, когда она рано утром соберется уходить домой. Сама мысль ее ухода мне не очень нравится. Я уже испытываю дискомфорт от того, что мне придется ее завтра отпустить. Как только я ее получу...

Она протягивает руку и расстегивает мою рубашку, обнажая грудь. Проходится своими жемчужно-розовыми покрашенными ногтями по татуировке ревущего тигра у меня на груди.

— Такой *oskal*, ты был вором, — выдыхает она.

Я молчу. Мои татуировки сами за себя могут рассказать всю мою историю кровопролитий, насилия и негласного морального кодекса моего прошлого. Когда моя жизнь проходила по тонкой границе между жизнью и смертью. Когда я зарабатывал очередную татуировку за наказание, лишение свободы, все тату могут быть моей краткой биографией, а поскольку она была дочерью Короля мафии то, может читать и понимать их.

Она расстегивает оставшиеся пуговицы на моей рубашке, тянет ее вниз, полностью оголяя мой торс. Я с жадностью смотрю в ее огромные глаза, они сияют, рассматривая татуировку эполета на моем правом плече.

— Высокопоставленный, — шепчет она.

Она поднимается на цыпочки и целует череп в середине эполета. Это жест поклонения. Она знает, что он означает — я никогда никому не буду прислуживать.

Я неподвижно стою, как статуя, когда она прикасается к розе. В голове роятся уйма разных воспоминаний. Ни одна женщина с таким трепетом не прикасалась к ней. Так, наверное, Далила держала волосы Самсона.

— Ты провел свой восемнадцатый день рождения в тюрьме, — отмечает она глухим голосом.

Затем ее пальцы медленно передвигаются к клинку кинжала.

— Ты забирал жизнь, — она касается капли крови, стекающей с клинка, считая вслух жизни, которые я забрал. — Одна, две, три, четыре..., — там еще есть капли, но она останавливается и не проводит по ним пальцем. Она поднимает на меня глаза, наши взгляды встречаются, и она глубоко выдыхает. Ее выдох похож на сожаление или боль, не могу сказать.

Она обходит меня и изучает мощную татуировку Мадонны с младенцем в окружении святых, ангелов у меня на спине. Они стоят на фоне кафедрального собора. Это воровской талисман. *Я знаю, что я великий грешник, но надеюсь, что Мадонна защитит меня, будет вести по жизни и принесет мне удачу.*

— Так... ты был вором с раннего возраста, — говорит она. Я чувствую ее дыхание на своей спине.

— С пятнадцати лет, — тихо отвечаю я.

— Мммм, — она кладет ладонь мне на спину, я закрываю глаза от невероятного ощущения ее мягкой и бархатистой кожи.

Она читает вслух по-русски:

— Господи, прости меня за мамины слезы.

Я резко разворачиваюсь и хватаю ее за запястье.

— Хватит!

Что-то мелькает в ее глазах, что-то не понятное для меня, но не страх.

— Итак, теперь ты слишком много знаешь обо мне, — говорю я. — А что нужно знать о Таше Эванофф?

— Только одну вещь, тебе следует знать обо мне — сегодня я твоя.

— Тогда покажи мне, что сегодняшняя ночь принадлежит мне, — говорю я.

Она краснеет, розовый оттенок распространяется по ее шеи и щекам. Она с силой прикусывает нижнюю губу и протягивает мне свой пустой стакан. Я забираю его, и она сбрасывает туфли. Как мило. Никакая другая бы женщина ни за что не сняла бы первую деталь одежды — туфли. Фактически каждая женщина знает, что туфли — это сексуальная часть, которую предпочтительно не снимать, особенно если она голая.

Она снимает свой кардиган... складывает и аккуратно опускает на край дивана, стоящий рядом. Ее руки перемещаются за спину, я вижу, как они дрожат, она адски нервничает. Она расстегивает молнию на платье и медленно спускает его. Под ним только белый кружевной бюстгальтер. Она даже не пытается поднять платье с пола и так же аккуратно сложить его на диван, оно просто падает к ее ногам. С трудом сглотнув, она снимает свой последний элемент одежды, который также падает на ковер.

И я вижу всю ее — у нее классические формы.

Я непроизвольно сильно сжимаю пальцы вокруг стакана. Одним словом, я никогда не представлял ее такой. Стройной и гибкой. Ее груди маленькие, округлые, соски розовые и торчат, талия имеет плавный изгиб, переходя в стройные бедра, между которыми виднеются розовые складочки.

У нее нет волос, кроме как на голове. Ее безупречная светлая кожа мягко мерцает при освещении комнаты. Ее тело не имеет ни царапин, ни шрамов, словно в детстве она никогда не падала, не сбивала колени и локти. Я передвигаю взгляд вверх к ее лицу.

От предвкушения и волнения ее глаза становятся ярко-синими. Вот она — респектабельная, интеллигентная, богатая с самым худшим из плохишей. Опасным, хладнокровным убийцей. И в ее глазах застыло ожидание, так, наверное, хорошие девочки ждут грязную, волнующую, дикую, запретную ночь, наполненную похотью и страстью.

Ночь, другой которой у нее никогда не будет.

И она получит ее.

Глядя в ее сияющие глаза, я вспоминаю свой День рождения и подарок, который мне преподнесли Василий и другие мои сотрудники. Все выглядело шуткой. Они подарили мне надувную куклу для сексуального удовольствия. Только намного лучше, чем просто сексуальную куклу. Даже я был удивлен, насколько невероятно реальным она выглядела, лежащая среди одеял, куклой была Таша, но я никогда не думал, что такое может осуществиться наяву.

До сегодняшней ночи...

Я подхватываю ее на руки, она такая легкая. Несу ее наверх и укладываю на постель. Она смотрит на меня своими огромными глазами, выглядит так невинно и прекрасно, я с трудом смотрю ей в глаза. Истина заключается в том, что я не хочу возвращать ее завтра домой.

Я чувствую, как где-то глубоко внутри меня, поднимается гнев из-за того, что она не может быть моей. Не только сегодня, а никогда.

Я всегда хотел ее, теперь же мне предлагают попробовать кусочек, прежде чем она рванет прочь, подальше от плохиша-убийцы, который ее явно не заслуживает.

Я уже знаю, что будет делать ее муженек, с пренебрежением будет относиться к ней.

К ней, которая является моей.

<https://www.youtube.com/watch?v=FK6wgua-kjc>

Недостаточно

Обнаженная лежа на кровати, я наблюдаю за ним, он с голым торсом идет в гардеробную, от падающего света ему на спину, переливается его тату, когда он поводит мышцами. Я вижу свое отражение в зеркале, когда он открывает шкаф и с верхней полки достает большой пакет. Он приносит его к кровати и кладет рядом со мной.

— Открой, — шепотом приказывает он.

Я сажусь и с любопытным открываю. Я заглядываю с удивлением внутрь и немного смущенно.

— Это настоящее, в натуральную величину влагалище и попка, — объясняет он совершенно очевидные вещи.

— Это мастурбатор для мужчин, — медленно говорю я. Прикусывая, от волнения свою нижнюю губу, я поднимаю на него глаза. — Что ты собираешься с этим делать?

Он медленно улыбается.

— Не я. А ты.

Я внимательно смотрю на него.

— Я? Что я должна с этим делать?

— Я хочу увидеть, как ты будешь сосать эту киску.

— Ты хочешь, чтобы я сосала пластиковую киску? — в недоумении повторяю я. Это слишком странная сексуальная причуда для меня.

— Она не пластиковая. Это версия CyberSkin делюкс. Потрогай.

Я опускаю взгляд, потом опять поднимаю на него глаза.

— Прости, но мне не нравятся женщины. Даже ни капельки.

— Прикоснись к ней, — призывает он.

— Я...

— Я хочу, чтобы ты дотронулась до нее.

— Хорошо, — я дотрагиваюсь до одной ягодицы, действительно, ощущается слишком реальной и мягкой. Я отдергиваю свою руку. — Да, хорошо, очень реалистично, но какой в этом смысл? Это мне ничего не даст, и, откровенно говоря, я предпочла бы попробовать тебя.

— Для меня это визуальное удовольствие, но элементарное табу для тебя.

Я опять опускаю на нее глаза. В принципе похоже на женские бедра, когда женщина лежит лицом вниз и ее задница поднята кверху, открывая полный обзор ее киски, со всеми набухшими складочками.

— Позволь я покажу тебе, как это легко, — говорит он, в мгновение ока хватая меня за ноги, потянув к себе своими сильными руками, и опустив взгляд на мою открытую киску. Словно в трансе, он опускается на колени между моих ног. Его голова наклоняется вниз и губы соединяются у моего пульсирующего центра. Я дергаюсь, словно меня ударило током.

Он поднимает голову.

— Расслабься, — приказывает.

Я устремляю взгляд в потолок, злясь на себя, потому что реагирую, как испуганный кролик или какая-нибудь викторианская девственница-недотрога. Я собираюсь, что-то сделать этой ночью или нет? Или таким образом или как-то по-другому. Я мечтала об этом слишком долго. Он опускает голову между моими бедрами.

— О, Боже, — стону я, мое тело непроизвольно выгибается, как только его язык погружается в мокрые складки, а потом и внутрь входа. Удовольствие — сладчайшее.

Его руки бродят по моему телу, пока язык кружит внутри, облизывая, проходясь сверху вниз, дегустируя мои глубины, поедая, словно он изголодавшийся волк. Я соединяю щиколотки в замок у него за головой, моя киска сжимается вокруг его жаждущего языка. Как только мне кажется, что он нашел самое чувствительное место, он входит еще глубже или меняет угол проникновения и находит еще одно чувствительное местечко.

— Да, здесь, — всхлипываю я, извиваясь всем телом и прижимаясь, двигая своими бедрами к его рту, чтобы приблизить оргазм. Когда я почти кричу от удовольствия, он вытаскивает свой язык и сжимает губы вокруг набухшего клитора, начиная сосать.

— Я уже так близко, — стону я.

Его ответ — он сосет жестче и быстрее.

— О, Ной, — кричу я, схватив его за голову, кончаю. Жестко! Мир завлакивает белым от интенсивности моего оргазма. Мой оргазм находится за всеми пределами того, что я испытывала раньше. Он ударной волной проходит по моему телу, я превращаюсь в единый комок нервов и смутно осознаю, что его язык по-прежнему во мне.

— Это было восхитительно, — сипло говорю я.

Он поднимает голову, его рот и подбородок блестят от моих соков.

— Ты восхитительна, — отвечает он, запуская в меня свои пальцы. Я вздрагиваю и сжимаю внутренние мышцы вокруг них. Широко раскрытыми глазами наблюдаю, как он собирает мои соки и смазывает влагалище игрушки. Он даже вставляет пальцы внутрь игрушки, чтобы смазать и там.

Я встречаюсь с его темным, непроницаемым взглядом, и вдруг мне хочется стать дикой, необузданной, развратной и испытать что-то необычное. Я знаю, что он будет вечно преследовать меня в моих воспоминаниях. Пусть не только он сможет оставить свой неизгладимый след в моей памяти. Но и я тоже хочу оставить в нем неизгладимый след, поэтому сделаю то, что он никогда не сможет забыть.

Я встаю на колени и наклоняю голову к игрушке, к розовым половым губам. Я прохожусь по ним языком и, впервые пробую свои собственные соки. Стоя перед ним на коленях, лаская языком киску сексуальной куклы, измазанной своими соками, я слышу, как он резко выдыхает. Краем глаза замечаю, как расстегивает молнию на джинсах. Мне хочется увидеть его член, но он перемещается мне за спину. Я жадно сосу ртом так же, как и он проделывал со мной, погружая свой язык в мягкое отверстие.

У себя за спиной я слышу звук разрываемой фольги презерватива, все мое тело горит, словно наэлектризованное. Каждая клетка находится в ожидании его прикосновений. Сначала он обхватывает меня за бедра своими большими, грубыми руками, затем головка его члена дотрагивается до входа. Я очень мокрая, но его член такой большой, что я вскрикиваю от боли, он с силой притягивает мои бедра к себе. Я чувствую, как он растягивает мои внутренние мышцы, его жесткая эрекция входит глубже и глубже. Я подстраиваюсь под его толстый член внутри себя, ощущение наполненности такое замечательное.

К этому и стремилась моя киска.

— Раздвинь ноги шире, — глухо приказывает он

Я повинуюсь.

— Еще шире и толкай свою задницу, — командует он.

С киской, нанизанной на его член, я чувствую себя такой беспомощной и уязвимой. Весь мой организм готовится к оргазму. Я стону, клитор у меня между ногами пульсирует, как сердце. Мне ужасно хочется, чтобы он начал двигаться, у меня такое чувство, если он сейчас не начнет двигаться, то я взорвусь и распадусь на тысячу маленьких осколков.

Он медленно двигает бедрами, останавливается, потом опять делает плавное движение, постепенно увеличивая темп, врезаясь в меня до конца, я чувствую внутри себя его таким огромным. Его толчки становятся все более яростными, увеличивая и увеличивая почти невыносимый темп. Он трахает меня нещадно, быстро, и мои бедра поднимаются к нему, на встречу его движению. До тех пор, пока каждый нерв моего тела не закричит о наступившем освобождении.

— Поласкай сама себя, — рыкает он.

Только я опускаю пальцы на свой клитор, как почти мгновенно чувствую приближающийся оргазм.

— Засунь свой язык в киску, пока я буду трахать тебя своим большим членом, — приказывает он, и вдруг меня, словно подбрасывает вверх огромная волна. Видно, он сам сдерживался, поджидая меня, потому я слышу его рев, когда он взрывается вместе со мной.

Мой клитор пульсирует так, что перебивает пульс сердца. Вибрация устремляется вверх по всему телу, как волна при бомбежке и заканчивается в моих конечностях. Сила, заставляет открыть меня рот, но ни звука не выходит, я трясусь всем телом. Не знаю, где заканчиваюсь я и начинается эта безумная волна. Мы едины, превратившись в один бесконечный поразительный оргазм.

Как только мне кажется, что уже все, что лучшего ощущения быть не может, Ной по-прежнему вбивается в меня своей длиной, все начинается заново, следующая волна оргазма накрывает первую с такой же силой, словно я ударюсь в кирпичную стену. Мой мозг зашкаливает, рот открыт в беззвучном крике, руки и ноги трясутся сами собой. Ничего похожего я никогда не испытывала, никогда, ни сама, ни с каким-либо парнем, ничто не может сравниться с этим умопомрачительным ощущением.

Когда, наконец, волны перестали накатывать, я чувствую свинцовую тяжесть во всем теле, я не в состоянии даже удерживать себя на руках, поэтому боком заваливаюсь на кровать. Его руки по-прежнему на моих бедрах. Он не разъединяет нас, моя киска сжимается вокруг его члена, наполняя моими соками. Он перестает двигаться и выходит из меня.

Он падает на кровать рядом со мной. Я оборачиваюсь и гляжу на него с каким-то трепетом.

— С тобой так всегда?

Он отрицательно качает головой, его глаза смотрят как-то загадочно.

Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до его подбородка.

— Ты такой красивый, — шепчу я.

Призрак улыбки пересекает его лицо. Странной печальной улыбки. Мне хочется прижать его к себе, поближе к сердцу и никогда не отпускать. К моему удивлению, мои глаза наполняются слезами. Вообще то я не плакса.

Он тут же прищуривается.

— Что случилось? Я сделал тебе больно?

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не начинать всхлипывать.

— Нет. Видно эмоции зашкаливают, я так думаю.

Он кивает.

— Ты не эмоционален, не так ли?

Она совсем не такая, как я себе представлял. Мне кажется, что я специально представлял ее избалованной Принцессой. Невоспитанной, равнодушной, безответственной, мелочной, бестолку коротавшей свое время, как и должна дочь очень богатого человека, имея армию слуг, которые во всем обслуживают ее. Несмотря на свое нелестное представление ее, я все равно ужасно хотел ее, но теперь, когда я попробовал ее сладкий нектар, я жажду ее так, как умирающий жаждет стакан прохладной воды.

— Ты не хочешь поговорить со мной? — спрашивает она, ее глаза становятся темными, в них видна растерянность, перемешанная с обидой.

Бл*дь. Как может взрослая женщина быть такой невинной, такой чертовски бестолковой по поводу того, что хочет мужчина? Как случилось, что такая женщина, как она, вдруг забрела в мою дерьмовую жизнь?

Какого хрена? На самом деле, я оказываю ей «гостеприимство», что за безумные мысли посещают мою голову? *Черт возьми, Ной, ты просто подставляешь себя. Ты никогда не сможешь иметь Ташу Эвановф.* Ее отец скорее предпочтет сварить меня заживо, чем допустит с ней отношения. Бл*дь, он бы уже сварил меня заживо, если бы только узнал, что я прикоснулся к ней. Я чувствую, как у меня сжимается челюсть. Ярость готова выплеснуться наружу из-за того, что ты ничего не можешь поделать, когда до смерти хочешь что-то получить.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, Таша? — резко и грубо спрашиваю я.

Ее глаза расширяются от испуга моего тона.

— Через несколько часов ты уйдешь навсегда. Что я должен сказать? Было здорово. Спасибо. Или еще лучше, ты хочешь, чтобы я сказал, что готов сражаться за тебя? Что убью твоего отца и мужчину, за которого ты собираешься выйти замуж, и всех, кто встанет на моем чертовом пути.

Ее нижняя губа начинает дрожать. Она сжимает губы в одну прямую линию, сдерживаясь и отворачивается от меня, смотрит в потолок.

— Не стоило тебе настолько отталкивать меня. Мы всего лишь корабли, проходящие в ночи. Ты мужчина. И несомненно у тебя еще будет много таких ночей, как эта. Ты так же грубо и ужасно ведешь себя и с ними? — ее голос срывается. Она начинает усиленно моргать, но слеза все равно скатывается из уголка ее глаза на волосы у виска.

У меня начинает болеть в груди. Внутри я чувствую, что веду себя как мудака. Я не могу понять, как и когда она так легко успела проникнуть мне под кожу. Я — крутой. Никто никогда не добирался до меня. Никогда. Но я становлюсь пластилином у нее в руках. Я упираюсь на локоть и очень нежно слизываю ее соленые слезы.

— Прости.

Она поворачивает ко мне свое лицо, ее прекрасные глаза смотрят мне прямо в душу.

— Хорошо. Я прощаю тебя. Я никогда не хотела с тобой ссориться, — произносит она.

Она так быстро согласилась с моими извинениями — это мило по-детски. С каждой секундой она все больше и больше, плотно, обвивается вокруг моего сердца. Я дотрагиваюсь до ее живота, ее рука скользит по моему торсу вниз, она обхватывает ладонью еще наполовину твердый член. Она начинает увеличиваться в размере, и она улыбается,

почувствовав себя сильной, обладая какой-то властью надо мной.

Она поднимается, я наблюдаю, как она склоняет голову и берет в рот головку члена. Ее рот — это рай, мягкий, теплый и бархатистый. Медленно она скользит губами по нему, доходя до середины, а потом мой длинный член упирается в заднюю стенку ее горла. Она ритмично начинает сосать. Монашка с зубной болью сделала бы это намного лучше, но ее неопытность и неспособность проглотить его полностью возбуждает меня с такой силой, что я чувствую накатывающий оргазм. Я приподнимаюсь и вытаскиваю его из ее рта, тут же лишаясь изысканного наслаждения ее языка.

— Встань на колени, — говорю я.

Я тоже встаю и обхватываю ее за голову под определенным углом, ее шея выгнулась назад. Зарывшись пальцами в ее волосы, я направляю ее голову, проскальзывая ей в рот. Я тут вхожу глубже, чем это делала она. Ее глаза расширяются от паники, но я удерживаю ее за голову, и она послушно позволяет мне действовать. Я наслаждаюсь моментом полного тотального контроля над ней. *Пометить рот Таши Эванофф.*

Предсеменная жидкость должно быть коснулась ее горла, потому что она сглатывает. Я вытаскиваю свой член, позволяя сделать ей глубокий вдох, я уже на грани и не в состоянии больше сдерживаться. Я хочу, чтобы моя сперма была у нее горле, и она проглотила ее. Я притягиваю ее голову к моему пульсирующему члену, она обхватывает его губами. Я начинаю двигаться и выпускаю горячую струю ей в рот, из меня словно бьет фонтан, я не свожу глаз с Таши, наблюдая как она все глотает. До последней горячей капли.

Я заставил Ташу Эванофф проглотить свою сперму.

Я смотрю на нее, ее глаза блестят, сочные губы нежно слизывают последние капли с моей головки. Напряжение покидает мое тело. Я заставил ее подчиниться себе. Женщина, которая продолжает облизывать и сосать ваш член после того, как вы кончили ей в рот — эта женщина принадлежит вам.

Я отстраняюсь и, схватив ее за плечи, опускаю на кровать. Она смотрит на меня удивленными глазами, как только я начинаю поклоняться ее телу так, как я никогда не дала ни одной женщине. Она непорочная. Она — чистейший экстаз. Ее вкус и сильный сладковатый запах возбуждают меня, у меня начинается слюноотделение, словно я вижу перед собой кусок сладкого вкусного пирога. Я лижу, сосу, прикусываю, глажу, массирую каждый дюйм ее тела. Я сосу ее розовые соски, пока они не увеличиваются в два раза. Чем больше она умоляет меня войти в нее, тем больше я ее мучаю.

— Возьми меня, — умоляет она, похотливо расставив ноги и показывая мне свои распухшие, блестящие складочки. Я поднимаю голову, чтобы насладиться зрелищем. Все ее тело судорожно выгибается, она лежит передо мной разгоряченная, влажная, окруженная ореолом своих шикарных волос.

— Пожалуйста, — жалобно просит она.

— Трахни меня, Ной. Трахни меня, — она беспомощно приподнимает бедра вверх. Я испытываю дешевое острое ощущение от ее «трахни», как она рискнула его произнести.

— Скажи оттрахай мою п*зду, — выдыхаю я.

Она не колеблется, слишком далеко зашла.

— Оттрахай мою п*зду, — стонет она. — Пожалуйста... Ной... пожалуйста.

Но я продолжаю мучить ее, пока ее бедра не начинают бесконтрольно подрагивать, только тогда я останавливаюсь.

— Теперь ты можешь получить свое освобождение, но тебе придется делать все

самой, — говорю я, падаю на спину на кровать. Я окидываю ее тело взглядом — мокрое от слюны, жаждущее быть наполненным моим членом, она переползает ко мне и начинает перебрасывать одну ногу через меня.

— Стой, — требую я, и она замирает над головкой моей эрекции, ее киска ярко-красная, набухшая, блестящая, на лице у Таши написано разочарование.

Я стараюсь запомнить ее похотливый образ, она больше не Принцесса, а похотливая, распутная девица, которая застыла в позе, перекидывая через меня свою ногу, чтобы опуститься на мой член.

— Что? — выдыхает она.

— Давай, — отвечаю я.

Она тут же опускается на него до конца, я полностью нахожусь внутри ее сжимающейся киски. Постанывая и извиваясь от облегчения и ощущений, она двигается, вращая бедрами, ударяясь своими половыми губами о мой лобок. Ее глаза прикрыты, на лице отражается блаженство.

Когда она начинает двигаться взад-вперед, как только оказывается рядом со мной, беру в рот ее распухший, покрасневший сосок. У нее вырывается низкий писк и стон, то ли от боли, то ли от удовольствия, я начинаю усиленно сосать. Пока я прикусываю и занимаюсь одним соском, я запускаю руку между ее ног, а потом кладу ей в рот, заставляя сосать мои пальцы, смазанные ее собственными соками.

— Попрыгай на нем, — рычу я.

Она сжимает свои мышцы и приподнимается вверх на два или три дюйма, но мои руки на ее бедрах тянут ее еще выше, так что показывается головка моего члена и тут же я с силой опускаю ее тело вниз на него.

— Грязные разговоры.

Она облизывает губы и смотрит на меня полуприкрыв глаза.

— Я грязная шлюха. Трахай меня жестко и быстро!

— Бл*дь да.

— Я хочу, чтобы ты вставил свой большой член мне в рот и позволил его отсосать, пока не кончишь, чтобы твоя сперма стекала у меня по горлу.

Конечно, и в этих чертовых грязных разговорах она выглядит очень натурально.

— Не только мой рот. Я не могу дождаться, когда ты заполнишь каждое отверстие моего тела своей горячей спермой.

Она продолжает двигаться, а я начинаю вбиваться жестче и сильнее в ее сладкую киску, пока нас не накрывает ураган нашей кульминации.

— Ты проголодалась? — спрашивает он.

Я усмехаюсь.

— Я думала, ты никогда не спросишь.

Он улыбается, и я вижу насколько он становится красивым. Я никогда не видела его широкую улыбку. Он завораживающе красив.

Он ничего не говорит, поднимается в вертикальное положение и голый направляется в гардеробную. Возвращается оттуда в спортивных штанах по колено и рубашкой.

— Надень ее, — говорит он, протягивая мне.

Я надеваю и засучиваю рукава.

Он смотрит на меня.

— Что? О чем ты думаешь? — интересуюсь я.

— Насколько ох*ительно ты выглядишь.

Я краснею от его слов, а он смеется.

— Пойдем, — говорит он, выходя из спальни. Мы босыми ногами шлепаем по полу, спускаясь вниз.

— Что есть поесть? — спрашиваю я, отодвинув кремово-желтый стул. Его кухня выглядит так, словно ее не пользуют. Все здесь сверкает новизной и чистотой.

— Не знаю, — отвечает он, открывая холодильник.

— Ты не знаешь? Кто же все покупает? — с любопытством спрашиваю я.

— Приходящая женщина пополняет мой холодильник и шкафы.

Я встаю и присоединиться к нему у холодильника. Мы вместе изучаем его содержимое. Здесь много всего — свежие овощи, салат в полиэтиленовом пакете, различные сыры, мясо, рыба, баночки с приправами и контейнеры с уже приготовленной едой.

— У тебя есть *Khachapuri*, — восклицаю я, мой живот урчит при мысли о лепешке, заполненной внутри различными сырами и яйцом. Мммм...

— Мы съедим одно? — интересуется он.

— Одно? Я не буду с тобой делиться. Тебе придется разогреть еще и для себя.

Он улыбается, опуская глаза на меня, и на секунду отражается какая-то нежность в его взгляде, но тут же пропадает и на смену приходит отстраненность.

— Хорошо, мы разогреем два. Я просто подумал, что, возможно, ты захочешь сохранить местечко для *Morozhenoe*, — поясняет он посмеиваясь.

— *Morozhenoe*? — эхом повторяю я, глаза загораются. Я люблю русское сливочное *Morozhenoe*.

— Э-э... да, — отвечает он, взяв два *Khachapuri* и положив их на мраморную столешницу.

— О, мой Бог. В полночь праздник с *Morozhenoe*. Всегда, когда я ездила в Москву, первое что покупала — это *Morozhenoe*. Теперь я знаю, что оно у тебя есть, и мне придется бывать здесь чаще, — со смехом говорю я, и вдруг ловлю себя на мысли, что только что сказала.

Выражение его лица не меняется, пока он распаковывает *Khachapuri*.

— Хочешь, я сверху разобью яйцо?

— Да, — тихо отвечаю я, возвращаясь на свой стул. Настроение у меня уже испортилось.

Я наблюдаю, как он разбивает два яйца на хлеб в форме лодки, себе и мне, и ставить их в духовку. У него большие сильные руки, на них вытатуированы звезды. Я вспоминаю, как эти сильные, загорелые руки бродили по моему телу, и сама мысль возбуждает меня, заставляя захотеть, чтобы он опять оказался внутри.

— Ты не часто сам готовишь, не так ли? — спрашиваю я.

— Почти совсем не готовлю.

— И что же происходит со всей едой, которую ты не успел съесть?

Он небрежно пожимает плечами.

— Думаю, Ирина забирает ее к себе домой.

Я киваю, по у меня по телу проходят мурашки. Когда я попросила его об одной ночи, мне даже не пришлось в голову, что у него может быть девушка. Я все время видела его одного и наивно полагала, что у него никого нет. Неужели у меня только что был секс с чьим-то парнем?

— А кто такая Ирина? — как бы небрежно интересуюсь я.

Он хмурится.

— Моя домработница.

— Какого рода?

— Все сложно.

— Сложно, потому что она твоя девушка?

Он удивленно поглядывает на меня.

— Нет, у меня никого нет.

Получить от него какую-либо информацию, словно выдавливать воду из камня, но его ответ вызывает у меня облегчение, мне странно, что я так реагирую. Он открывает морозилку и достает бутылку водки *Tovaritch* — любимую марку моего отца. Поставив локти на гладкую холодную поверхность, я упираюсь подбородком в ладони, наблюдая, как он наполняет две маленькие стопки.

Он ставит их на стол передо мной.

— Я не хочу пить, — говорю я.

— Хочешь, я дам тебе сырое яйцо?

Это русская традиция. Если вы не хотите опьянеть, то перед началом стоит выпить сырое яйцо. Я отрицательно качаю головой.

— Выпей залпом и выдохни, — советует он.

— Поняла, — говорю я и беру стопку.

— *Vsego khoroshego!* — добавляет он.

Я останавливаюсь с поднятой стопкой. Его слова могут означать «Всего наилучшего!» или же «До свидания».

Он видно понял причину моей нерешительности.

— Всего наилучшего, — говорит он по-английски.

— Всех благ, — вторю я ему, хотя мне кажется, что это не так. Мне кажется, он прощается со мной таким образом. Я опрокидываю рюмку, водка плавно скользит вниз по горлу.

Он открывает духовку и вкусный запах горячего хлеба наполняет кухню. Мы садимся за стол и начинаем есть. Мне кажется он больше наблюдает как я ем, нежели ест сам.

— Ты не проголодался? — спрашиваю я.

— Я проголодался, но не по еде.

Когда я закончила с *Khachapuri*, он накладывает мороженое в две пиалы.

— Хорошо бы у тебя имелась шоколадная крошка, можно было бы посыпать сверху, — задумчиво говорю я, опуская глаза на мягкое сливочное мороженое. Он встает и открывает шкаф, шарит внутри рукой и достает пакет с шоколадной крошкой.

— Будешь посыпать?

— Да, — отвечаю я улыбаясь.

Стоило мне положить очередную ложку в рот и облизать ее, он оказывается рядом со мной. Обхватывает за талию, как будто я вешу не больше, чем малыш, и усаживает на мраморную столешницу. Камень холодит мои ягодицы.

— Теперь моя очередь есть мороженое, — говорит он.

Мороженое такое холодное, я хихикаю, но недолго. Я больше никогда не смогу есть мороженое, не вспоминая его.

— Сколько времени? — спрашиваю я.

Он поворачивает голову на будильник, стоящий у кровати.

— Почти четыре утра.

Ночь уже проходит, и настало время уходить. Я вздыхаю.

— Я могу воспользоваться твоим душем, прежде чем уйду? — тихо спрашиваю я. Я вся пропахла сексом.

— Конечно, — соглашается он. — За дверь висит мой чистый халат.

Он смотрит, как я вылезаю из кровати. Я иду в ванную комнату, чувствуя боль между ног. В ванная сделана в таком же стиле, как и весь дом. Стены бледно-фисташкового оттенка с огромным зеркалом в богатой сливочно-лимонной раме. Я захожу в душевую кабину, у меня все тело болит. Я включаю воду и регулирую температуру, потом увеличиваю горячую.

Я закрываю глаза и подставляю лицо каскаду воды. Я стараюсь не думать. Я не хочу думать, что это конец. Время вместе пролетело слишком быстро. Как может нечто столь прекрасное так закончиться? Вдруг, я чувствую ветерок от открывшейся двери в душевую кабину. Я поворачиваю голову и вижу входящего Ноя.

Вода льется ему на лицо.

Он молча кладет руку на мой затылок и пикирует на мои губы. Не сопротивляясь, я обхватываю его за плечи, потом прохожусь по его спине, сильнее прижимая к себе. Его настойчивые губы захватывают мои дрожащие, вызывая дикую дрожь по всему моему телу. Весь остальной мир замолкает, ничего не существует сейчас, я изо всех сил цепляюсь за него, как за единственное и что-то надежное, что появилось в моем постоянно меняющемся мире.

Всю ночь он избегал целовать меня в губы, мне казалось, что он не хотел, но этот поцелуй — горячий, наполненный диким отчаянием. словно он осужденный, решившийся на авантюру всей своей жизни — рискнуть сыграть в русскую рулетку.

Его язык вторгается ко мне в рот, я сосу его.

Он отстраняется от меня, мы смотрим в глаза друг друга. Его глаза сверкают, челюсть так сжата, что я испытываю мимолетный страх. Прежде чем я собираюсь спросить его что случилось, он отворачивается и выходит.

Завернувшись в его халат, я осторожно выхожу в спальню. Его здесь нет, но он принес мою одежду и положил ее словно на трон, на красное бархатное кресло. Я быстро одеваюсь. Я высушиваю волосы феном. Я хватаю его расческу и пару раз прохожусь по волосам. Это как-то все очень странно. Я никогда раньше не пользовалась ни чьей расческой, кроме своей собственной. Наверное, потому что мне никогда не разрешалось оставаться на ночь даже у моей подруги и устраивать пижамную вечеринку.

Надев свои туфли, я спускаюсь вниз. Ной стоит в гостиной, держа в руке стакан с какой-то янтарной жидкостью

— Спасибо, что принес мою одежду, — смущенно говорю я.

Он поднимает бокал в мою сторону, как бы принимая благодарность.

— Думаю, мне надо идти.

— Я вызвал кое-кого, чтобы тебя отвезли, — тихо отвечает он.

— Нет, это не обязательно. Мне лучше вызвать такси.

— Ты либо уезжаешь с моим парнем, либо ты не уходишь совсем. Выбор за тобой, — его голос звучит жестко и безапелляционно.

— Послушай, если я случайно кого-нибудь встречу из знакомых, лучше будет, если я буду в такси. Я не хочу никаких неприятностей для тебя.

— Не беспокойся. Сэм будет за рулем такси.

— Ах, он работает таксистом?

— Нет.

— Хорошо.

— Ты хочешь выпить?

Я отрицательно качаю головой.

— Я хочу сохранять голову светлой.

Он кивает.

— Хорошая идея.

— Я прове... очень хорошо с тобой время. Спасибо.

Он быстро выпивает свой стакан и наливает себе еще один. Он опрокидывает вторую порцию и смотрит на меня, как ему удастся пить с такой скоростью.

— Когда Сэм приедет? — нервно спрашиваю я.

— Скоро.

— Ладно. Я выпью с тобой.

Молча он наполняет нам обоим стаканы и приносит мне.

— Мы должны за что-то выпить.

Он поднимает цинично брови.

Я поднимаю свой бокал.

— Тост — за счастливую жизнь для нас обоих.

— За счастливую, — вторит он, но его голос звучит глухо и странно.

Мы чокаемся и выпиваем до дна. Он разворачивается и опять направляется к бутылке.

— Чем ты займешься сегодня? — интересуюсь я, чтобы как-то прервать напряженное молчание. Он мне кажется таким отчужденным, холодным, мне даже с трудом верится, что это один и тот же мужчина, который совсем недавно слизывал с меня мороженое, пока я хихикала как школьница. Или тот мужчина, который вошел ко мне в душ и поцеловал меня так, словно я самое дорогое и ценное, что у него есть.

Он пожимает плечами.

— Буду спать. А ты?

Ага, мы оказывается предпочитаем отвечать односложно. Я тоже могу играть в эту же игру. Поэтому фыркаю и говорю:

— Докучать слугам.

Его телефон вибрирует, и он напрягается всем телом. А внутри меня что-то происходит, пока я наблюдаю за ним, как он достает телефон и прикладывает его к уху.

— Да, она выйдет сейчас, — отвечает он.

Мне хочется дотронуться до него. Я хочу его поцеловать. Хочу, чтобы у нас еще были и другие свидания. Я чувствую... О, Боже... я не могу...

Я не хочу уходить от него.

<https://www.youtube.com/watch?v=jqpAgMxhx30>

Бег по кругу

Как только таксист отъезжает, я закрываю входную дверь и иду в гостиную. Дом похож на гробаный склеп. Неудивительно, что я никогда не приезжал сюда. Этот дом создан для семьи. Он предназначен, чтобы в нем слышались голоса женщины и детей. А не стояла такая гробовая тишина.

Я испытываю жгучее желание что-нибудь разбить. Беру стакан, который поставил на кофейный столик и бросаю его не глядя. Он ударяется в стену и с оглушительным треском разлетается на осколки. Потом опять наступает тишина. Я нажимаю ладонью на лоб. Черт. Мать твою.

Этого не может быть, бл*дь, этого просто не может быть.

Никогда.

Я быстро иду к бутылке коньяка и наливаю большую порцию. Выпиваю залпом, жидкость обжигает горло и пустой желудок, и наконец, появляется тупая ноющая боль. Я опускаюсь на диван и наливаю себе еще. Таша Эвановфф. Мои конечности тяжелеют и деревенеют. Я хватаю бутылку и делаю большой глоток из горлышка.

Ну и хер с ней. Она всего лишь обычная женщина.

Есть такая китайская поговорка. Люди как вода на пальцах. Вытаскиваешь пальцы из воды, и она быстро стекает, даже воспоминаний не остается. И сколь бы значительными не были эти люди, их отсутствие ничего не значит, черт побери, потому что жизнь берет свое.

Я смотрю на пятно и вмятину на стене. Нужно будет вызвать какого-нибудь специалиста, что закрасил или зашпаклевал это дерьмо. Мне придется сделать то, что, наверное, больше всего привело в бешенство моего дизайнера. Пока эта мысль крутится у меня в голове, я отправляюсь на кухню. Останавливаюсь в дверях и смотрю на столешницу, измазанную мороженым. Я снова вижу Ташу, лежащую на моей темной мраморной столешнице, полностью покрытую сладким таявшим мороженым, извивающуюся, смеющуюся, липкую.

Я опять вижу, как наклоняюсь, медленно слизывая капли с ее груди, живота, мой язык проходится везде, исследую каждый сантиметр, делая вид, что я не очень-то заинтересован в ее сладком нектаре между ног. Еще больше мороженого появляется на ее хихикающем теле, теперь есть больше что слизывать, пока она не перестает извиваться и хихикать.

Я отворачиваюсь от измазанной столешницы. Я никогда не чувствовал себя таким одиноким, никогда в своей жизни. Я сажусь на диван и вытягиваю ноги. Начинает светать, она должна была уже приехать домой, звоню Сэму.

— Все сделано, — сухо говорит он.

— Где ты ее посадил?

— Недалеко, в соседнем квартале.

— Спасибо.

Я пью до тех пор, пока у меня не начинает двоиться перед глазами, но желание никуда

не деваётся. У меня нет сил даже взглянуть на кровать. Я закрываю глаза и иду спать. Просыпаюсь от звуков на кухне. В голове стучат тысячи молоточков. Я вижу пустую бутылку, катающуюся по полу.

У меня вырывается стон, когда появляется Ирина.

Она входит в комнату, неся в руке блюдец.

— *Nikolashka*, — зовет она. Ее голос отдается у меня в голове гребанным колокольным звоном.

Есть старинное русское средство от похмелья — ломтик лимона, чайная ложка сахара и чайная ложка кофе с горкой.

Я отрицательно качаю головой, и режущая боль тут же простреливает висок.

— *Nyet*, — шепчу я.

— Или это, или *haash*, — в ее голосе не слышится ни грамма сочувствия. Бл*дь. *Haash* — это густое рагу из кавказской кухни, его варят в течение шести часов из требухи и ножек говядины, и добавляют туда, что может быть еще хуже, редьку и много чеснока. Я бы скорее умер, чем позволил хотя бы одной капли этого дерьма попасть ко мне в рот.

Я опускаю ноги на пол, но стреляющая боль отдается в голове.

— Черт, — ругаюсь я, обхватив голову руками и начиная ее укачивать.

Ирина терпеливо стоит рядом со мной с блюдцем.

Я протягиваю руку, беру ломтик лимона, зажимаю его сухими губами и медленно жую. Как только проглатываю, она удовлетворенно кивает и идет обратно на кухню. Я медленно поднимаюсь с кровати, нога за ногу отправляюсь в ванную комнату. Включаю душ и стою под горячими струями. Наконец-то кровь в моих венах начинает двигаться. Я начинаю ворочать шеей в разные стороны, потом плечами. Прошлая ночь как во сне. Я выхожу из душа, чищу зубы и голый иду в спальню.

Блики солнечного света через окна заставляют меня прищуриться. Я поднимаю глаза на неубранную постель. Таша была не сон. Я иду к кровати, хватаю постельное белье и тяну его к носу. Ее запах остался на нем, как ранний утренний туман на озере.

Я не могу просто так отпустить ее. Она принадлежит мне.

Я подхожу к окну и открываю створки. Ярко-желтый солнечный свет ослепляет на мгновение, а потом я вижу их. Предзнаменование. В голове я слышу голос своей бабушки, которая говорит: «*Eto magiya*». По обе стороны от моих ворот на столбах сидят два дрозда.

Давнишнее воспоминание, как будто было вчера, всплывает в голове.

Руки с распухшими костяшками бабушки быстро движутся. Она шелушит красный лук, делая заготовки на зиму. Она всегда в это время делает заготовки и от этого, уксусом пахнет на весь дом. Вокруг головы у нее повязан треугольником сложенный платок, пока она работает я читаю ей газету. Вдруг птица влетает в открытое окно и садится внутри на подоконник.

— Видишь, бабушка? — вскрикиваю я.

Она смотрит на птицу.

— Что это за птица? — шепотом спрашиваю я.

— Это дрозд, — говорит она и улыбается.

— Это хороший знак? — спрашиваю я с любопытством. Бабушка во всем видит своеобразные знаки, она суеверна и даже в маленьком событии видит предзнаменование.

Она бросает очищенную луковицу в ведро и берет другую.

— Все птицы в черном одеянии приходят, чтобы сообщить нам, что семена перемен уже

брошены в нашу жизнь. Часто они приносят весть о смерти, потому что это самые большие перемены для всех нас.

— Кто-то умрет в нашем доме? — в ужасе спрашиваю я.

— Никто не умрет. Когда ты видишь черного дрозда, ты должен улыбаться. Это великое благословение. И раннее предупреждение, которое говорит нам быть готовыми. Сильнее любить тех, кто вокруг нас, чем это возможно, потому что в один прекрасный день они больше не будут с нами.

Она улыбается, и я улыбаюсь ей в ответ.

— Теперь пой, — говорит она.

И я для нее пел. Мне было восемь лет.

Той зимой впервые я узнал, что мама была больна. Потом врачи вылечили ее. В следующий раз, когда болезнь вернулась, мне было уже тринадцать и она мучилась в течение двух лет, двух месяцев и пяти дней, а потом оставила меня и бабушку навсегда.

Мгновение я просто стою и молча смотрю на дроздов. Какие семена перемен они принесли мне? К чему я должен быть готов? Кого я должен любить сильнее, чем возможно, прежде чем отнимут у меня навсегда?

Я не двигаюсь, но дрозды, наверное, почувствовали, что я за ними наблюдаю, повернули головы и смотрят на меня, прежде чем одновременно улетают. Я отхожу от окна, и Таша Эванофф опять возвращается в мои мысли.

Ее восхитительные формы, теплое сладкое дыхание и глаза, наполненные обычной радостью. Неважно, насколько я пытаюсь заставить себя поверить, что прошлая ночь была лишь сексом двух животных, решивших выполнить все свои самые смелые и похотливые желания, но я знаю, что эта ночь была совсем другой. Я также знаю, что медленно тьма будет следовать за мной, после того, как я взял то, что запрещено. Но меня это не волнует. Я пожимаю плечами.

Я долго ждал, сделав все так, чтобы эта киска плакала обо мне и черт меня побери, я это сделал, и на х*й все. Бл*дь, я не могу вспомнить последний раз, когда женщина заставляла меня чувствовать себя таким живым. Я ложусь обратно на кровать, мой член жесткий, пульсирует, кровь приливает от моего мозга к нему. Я сажусь и крепко обхватываю его. Двигаю рукой медленно и представляю сладкую розовую киску, которая объезжала меня с такой похотью и разворотом несколько часов назад.

Я вспоминаю, как мой член с силой входил в нее, нещадно трахая, как дикарь, как альфа-волк свою женщину. Я брал ее, словно это был последний мой день на этой земле. Какой на хрен славный конец! Свободной рукой сжимаю грудь, сердце ухает, стоит оргазму мчаться вперед, набирая силу, как грузовой состав.

Ой, бл*дь, ой, мать твою. Член пульсирует, лихорадочно приветствуя мою руку, как будто обладает гребанными мозгами. Я двигаю рукой все быстрее и быстрее и чувствую, как у меня появляется испарина на лбу. Все мое тело застывает на мгновение, и я выстреливаю горячее семя в воздух.

Бл*дь. Пошел ты на х*й, Никита Эванофф.

Это, мать твою, только *начало*...

Я стою в одном квартале от моего дома. Оглядываюсь по сторонам, никого. Еще слишком рано, в такое время в этом районе никто не ходит по улицам. Осенний воздух промозглый, но мне тепло в мягкой, коричневой кожаной куртке Ноя, которую он настоял, чтобы я надела.

— Я не могу появиться в ней дома, — сказала я ему.

— Тогда брось ее, прежде чем пойдешь домой, — небрежно ответил он.

Я тихо стояла, пока он помогал мне ее надевать. Он убрал мои волосы с воротника и застегнул молнию на мне, как будто я была маленьким ребенком. Затем отошел.

— Ну, прощай, — сказала я, отчаянно желая, чтобы продлились эти последние мгновения.

Он ничего не ответил. Просто кивнул и открыл дверь, его рука так сильно сжала ручку двери, что костяшки пальцев стали белыми. Я не хотела уходить, но мои ноги двигались сами собой, как только я вышла за порог, спустилась по ступенькам и напрямик направилась к такси. Я автоматически улыбнулась мужчине по имени Сэм, когда он закрыл за мной дверцу.

Он опустился на водительское сиденье, я повернула голову и посмотрела на Ноя. Его высокая фигура заполнила почти весь дверной проем, он стоял темный и таинственный. Я подняла руку и помахала, но он не помахал мне в ответ. Затем машина двинулась и мне захотелось закричать, чтобы он остановился, и оставил меня с ним, где я и должна быть.

Но я не стала.

Я просто сидела в салоне онемевшая и молчаливая, пока мы почти не доехали до моего дома. Вот когда мое чувство самосохранения топнуло ногой, я наклонилась вперед и попросила Сэма высадить меня за квартал от моего дома.

— У того почтового ящика будет отлично.

Вот как я здесь оказалась, в квартале от своего дома, закутытая в куртку Ноя. Холодный октябрьский ветер треплет мои волосы, я делаю первый шаг в сторону места, которое называю своим домом и мои ноги начинают сами двигаться. Я делаю еще один шаг и еще один. С каждым шагом мое тело приходит в себя. Я сделала то, что хотела, это была самая прекрасная фантазия, о которой я могла мечтать, но теперь все закончилось, и настоящая жизнь начинается снова.

Когда я прохожу уже половину квартала, снимаю куртку, но не могу заставить себя ее выбросить. Я сворачиваю ее и иду дальше по тротуару. У меня руки чешутся выбросить. Если меня поймают... начнется настоящий ад, расплата ждет не только меня, но и Ноя тоже, но мое сердце не позволяет мне выбросить *его куртку*. Это единственное, что у меня осталось от него.

Как только я ровняюсь с домом моей лучшей подруги Лины, я проскальзываю в ее садик перед домом и опускаю куртку в синий контейнер для переработки отходов, стоящий на углу. Сегодня его должны забрать. Я знаю, что грузовики приезжают в середине дня. Я либо вернусь через пару часов и заберу куртку, либо позвоню Лине и попрошу ее забрать и спрятать для меня, пока не поздно.

Приблизившись к своему дому, я достаю мобильный телефон и звоню бабушке.

Несмотря на то, что всего лишь пять тридцать утра, она отвечает на первый же звонок, словно не спала. Бабушка просыпается в четыре каждое утро, чтобы прочитать молитвы. Она молится за душу моего отца.

— Таша, — говорит она.

— Ба, ты можешь мне помочь?

Секунду она молчит. Потом резко выдыхает и говорит:

— Конечно.

Я иду к стене с задней части дома и жду на противоположной стороне тротуара. Ворота имеют камеры видеонаблюдения, которые работает 24 часа в сутки, но только на стенах камеры поворачиваются на 180 градусов. Так что, если вы правильно высчитаете время или будете подальше держаться от стены, вы никогда не попадете в поле их видимости. Я жду, скрываясь за вишневым деревом. Через пять минут веревочная лестница появляется на стене, и я бегу к ней.

У меня меньше чем 45 секунд, прежде чем камера вернется на это же место. Я бегу через дорогу и поднимаюсь проворно по лестнице. Я занимаюсь этим с шести лет. Я прыгаю, пружиня на траву, и тяну лестницу за собой. Вместе с ней я несусь к старому тисовому дереву. Все заняло десять секунд. Я наклоняюсь к корням дерева и дергаю за спрятанный в траве металлический крюк. Я дергаю еще раз, но он застрял.

Дерьмо.

Осталось пять секунд.

Я упираюсь ногой и стараюсь его потянуть, но он отрывается, и я выкидываю его. Прижав веревочную лестницу к груди, я перекатываюсь по земле, прячась за дерево. Прислоняюсь спиной к нему. Мое сердце так стучит, адреналин кипит в венах, но я улыбаюсь. Три ротвейлера лижут мне руки и лицо.

Я сделала это.

Я тихонько разговариваю с ними, поглаживая их мускулистую натренированную спину и достаю из кармана кардигана маленькие вкусняшки.

— Вперед. Марш отсюда, — говорю я им, и они рысью несутся прочь, продолжая охранять периметр дома.

Я встаю, выжидая, пока камера не сделает свой поворот, прежде чем бегом пуститься к дому. Я забрасываю веревочную лестницу в черный полиэтиленновый мешок и отряхиваюсь. Слава богу, что нет дождя. Хотя я и поехала к нему в дождь, но катаясь по мокрой земле, я бы была в жутком виде. С пакетом я спокойно захожу вхожу в дом на кухню.

Здесь никого нет, кроме ба. Она сидит за кухонным столом в толстом халате, который надевает, когда собирается ложиться в постель. Ее короткие жесткие с сединой волосы растрепаны, на губах нет помады. На столе стоит чайник, две чашки с блюдцами. Я подхожу к столу, бросаю пакет на пол и сажусь перед ней. Молча она наливает чай в чашки.

— У тебя назначена сегодня примерка свадебного платья? — спрашивает она по-русски. Баба — единственная, кто говорит со мной по-русски.

— Да.

— Во сколько?

Я смотрю на пар, поднимающийся от чая.

— В половине двенадцатого.

Она передвигает сахарницу ко мне.

— Где ты была?

Я поднимаю взгляд к ее глубоким, темным глазам. Они такого же цвета как у папы, но у него холодные глаза, таящие опасность, у бабушки — добрые, в них виднеется беспокойство.

— Я была с мужчиной, — тихо признаюсь я.

В ее глазах появляется страх и растерянность. Она кладет дрожащие руки на столешницу.

Я люблю свою бабушку, и хотя я заранее знаю, что она не одобрит мой поступок, если честно, я не ожидала, что она так будет реагировать... так испугается за меня. Я не собиралась причинять никому вреда или неудобств. Я всего лишь получила то, что хотела лично для себя, и я старалась быть осторожной, чтобы никто не пострадал и не было никаких последствий. Я протягиваю к ней руки и накрываю ее.

— Ох, ба, пожалуйста, не расстраивайся и не пугайся, — умоляю я. — Ничего плохого не случилось и не случится. Я хотела его очень долгое время, года и очень бы сожалела потом, если бы у меня не было этой ночи, но сейчас, она у меня есть, и я могу двигаться дальше. Я оставлю все это в прошлом, и опять стану послушной дочкой своего папы.

Она медленно моргает.

— Ты хотела его долгое время, года? — повторяет она как в тумане.

— Да, в течение очень долгого времени.

Она качает головой не веря.

— Я столько еще не знаю о тебе, *Solnyshko*?

— Ты знаешь обо мне все, баба. Этого хотело мое сердце, — я улыбаюсь. — Это также, как ты иногда очень хочешь свою *smokva*.

— *Smokva*? Да, мы так называли сушеные райские яблочки в нашей деревне, — говорит она, и ее глаза становятся немного отрешенными, видно от воспоминаний. — Они стоили очень дорого, но я ни разу не карабкалась по стене в середине ночи, и... не рисковала жизнью другого человека.

Я убираю свою руку от нее.

— Папа никогда не узнает.

Она качает головой.

— Тебя могли поймать... или кто-то мог увидеть тебя.

— Нет. Я была очень и очень осторожна. Я никому не говорила. Ни маме, ни тебе.

Она горестно вздыхает.

— Ты знаешь, первоначально *smokva* была сушеным инжиром, и поскольку он очень дорого стоил для обычного человека, у кого-то появилась идея варить в меде или сахарном сиропе местные яблоки, айву, сливу или рябину? *Smokva* — это заменитель инжира для бедного человека. Тебе не нужно иметь заменитель, Таша. Ты можешь получить реальную вещь на самом деле.

Я смотрю ей в глаза и шепчу:

— Я и получила реальную вещь на самом деле, ба. Это было настолько реально. Все, что будет после него, будет заменителем.

Ее глаза расширяются и у нее перехватывает дыхание.

— Кто он?

— Ты его не знаешь.

Она прищуривается, сейчас она очень похожа на папу.

— Но мой сын его знает?

Я киваю.

Она резко втягивает воздух.

— А не может этот мужчина рассказать о тебе или кому-то похвастаться?

Я отрицательно качаю головой.

— Он не ребенок. Он понимает, что это может стоить ему жизни.

— И он не будет создавать проблем?

Я снова киваю.

— А когда ты снова встретишься с ним?

— Никогда, — говорю я совсем тихо. Я вижу, что моя ба выглядит испуганной. —

Никогда, — расстроенно говорю я, — теперь я знаю, каков сушеный инжир на вкус.

— О, *Solnyshko*, ты даже не представляешь, что ты наделала.

— Я ничего не наделала. Это было всего лишь раз. Я сделала это лично для себя. Вся моя жизнь была одним длинным Великим постом, и я впервые не отказала себе в удовольствии.

— Ты думаешь, что попробовав плотские удовольствия, ты вот так легко сможешь от них отказаться, никогда не оглядываясь при этом назад? Ты своими действиями пробудила демона желания.

Мы обе в упор смотрим друг на друга, когда дверь на кухню вдруг резко открывается. Мы обе подпрыгиваем, повернув головы. В дверях стоит отец. И на нем по-прежнему вчерашняя одежда. Мой отец — лысеющий, небольшого роста, тучный мужчина. Если вы увидите его на улице, даже не обратите на него внимания, но если мимолетно вы случайно загляните в его черные глаза, молча содрогнетесь. С таким же успехом вы можете заглянуть в глаза насекомого. Нет в них нет злости, просто там ничего нет, ни единой эмоции, полностью бездушные. Этот человек может убить другого человека, испытывая такие же эмоции, словно он чихнул или пошел отлить.

Его холодные, безжалостные глаза тут же превращаются в щелочки при виде нас — бабушки в своем халате, и меня одетой явно для выхода куда-то или... нет, такой мысли даже не приходит ему в голову, что я могу осмелиться провести одну ночь, занимаясь грязным сексом. Тихонько, медленно, я ногой подальше запихиваю под стол черный пакет с веревочной лестницей.

— Доброе утро, папа.

— Почему ты так одета в столь ранний час? — спрашивает он, нахмурившись, отчего на лбу появляются морщины.

— У девочки сегодня первая примерка свадебного платья, она так разволновалась по этому поводу, что проснулась ни свет, ни заря.

Лицо у моего отца тут же разглаживается. Он поворачивается ко мне.

— С кем ты пойдешь?

— С Линой.

— Хорошо, — он входит на кухню. Я встаю, подхожу к нему и послушно чмокаю в щеку. От него пахнет алкоголем и духами, тяжелый запах. Я побыстрее отхожу подальше, переживая, что он может почувствовать на мне запах Ноя, он рассеянно потирает щеку и поворачивается к матери. Когда я была маленькой, то в какой-то момент почему-то решила, что ему не нравится, что я целую его в щеку, он все время ее потирал после моего чмокания, и я перестала это делать, тогда он посмотрел на меня своими холодными глазами и спросил, почему я не поцеловала его как обычно. «*Никогда не забывай целовать своего папу*», —

сурово сказал он мне.

— Василий сегодня днем прилетит из Москвы, — говорит папа бабушке, — и он привезет тебе *Ptichie Moloko* из ресторана «Прага».

Ptichie Moloko торт, изготовленный из французского зефира и сверху залитый шоколадом. Он король всех российских десертов и любимый торт бабушки.

Бабушка смотрит на меня и улыбается, но ее улыбка не доходит до глаз.

— О, хорошо. Никто не делает настоящий торт, как в ресторане «Прага». Остальное всего лишь пластиковый заменитель.

Я начинаю краснеть. Отец переводит на меня взгляд.

— Ты краснеешь. Почему?

Я с трудом сглатываю.

— Оставь ребенка в покое, Никита. Она краснеет из-за назначенной примерки, — говорит ба, потянувшись за чашкой чая. Она спокойно делает пару глотков холодной жидкости.

Папа хмыкает.

Баба никогда не перестает меня удивлять своим тоном, как она разговаривает с сыном. С человеком, который заставляет дрожать взрослых мужчин. Он никогда не поднимал на меня руку. Ему было и не нужно. Единственный раз я увидела жестокое и пугающее в его лице, когда вернулась домой из школы и назвала его Daddy (папочка), также, как делали все другие дети в школе, где я училась. Он так резко повернулся ко мне, словно кобра перед атакой.

— Почему ты меня так называешь? — так тихо спросил он, что я чувствовала, как у меня по рукам поползли мурашки. Если бы кто-нибудь наблюдал за нами со стороны, то подумал бы, что я употребила слово на букву F.

Мне показалось, что он, должно быть, ослышался.

— Daddy, — повторила я.

— Я тебе не Daddy. Я твой папа. Никогда не пытайся походить на тех жалких идиотов, с которыми ты ходишь в школу. Ты можешь тусоваться с ними и притворяться, что ты одна из них, но никогда не забывай, что ты русская и только русская. У тебя в венах течет моя кровь. Больше никогда не хочу слышать, что ты решила изменить русским традициям, сменив ее на что-то другое.

Он полностью игнорировал мое английское наследия, которое мне досталось от мамы. Конечно, я не стала напоминать ему об этом, поскольку мама как-то сказала мне: «*Не буди спящую собаку. Разбудишь, она укусит тебя*».

— Да, папа, — тут же ответила я, и с тех пор никогда не делала ничего подобного, чтобы заслужить такой мягкий, угрожающий тон.

На кухне вдруг становится тихо.

— Ночь была слишком длинной. Я пойду спать, — говорит папа в напряженной тишине.

— Спокойной ночи, папа, — отвечаю я и делаю шаг вперед, снова целуя его в щеку. Мой отец протягивает руку и убирает тонкую травинку с рукава моего кардигана, бросив ее на пол. Я от страха просто деревенею, но он не придает этому значение, разворачивается к двери. Я заторможено наблюдаю, как он выходит за двери, с облегчением слышу звук удаляющихся шагов по мраморному полу, который эхом разносится по пустому дому.

— Думаю, мне лучше пойти в свою комнату. Сергей ждет, — говорю я бабушке.

Она кивает.

Я наклоняюсь за черным пакетом, но она вдруг хватает меня за руку. У нее настолько сильная, стальная хватка, меня это всегда удивляет, я поднимаю на нее взгляд. Что-то странное и темное таится в ее глазах.

— *Solnyshko*, если ты будешь игнорировать свои мечты, они прихрамывая уйдут от тебя умирать печальной смертью, — предупреждает она.

Двигаясь по дому с высоким потолком, позолотой, колоннами, явными крайностями моего отца, и стуча каблуками по мрамору, я испытываю, с одной стороны, освобождение, что все осталось позади, но в то же время чувствую себя странно пустой, словно какую-то часть себя оставила в доме у Ноя, причем важную часть себя.

Я поднимаюсь в свою комнату, открываю дверь и на меня тут же налетает мой любимый четырехлетний голубой доберман Сергей, набрасываясь всем своим холёным телом. Я приседаю, хотя я тщательно вымыла лицо и все тело, он вдруг останавливается и обнюхивает меня с любопытством.

— Знаю, — шепчу я. — Я была с мужчиной, красивым, сильным, властным мужчиной.

Сергей замирает и нюхает, потом нежно начинает облизывать мое лицо, как будто он понимает, что мне грустно. Я крепко обнимаю его.

— Ах, Сергей, Сергей, что мне делать? Я никогда не думала, что все будет так. Я думала, что все, что я себе на придумывала может провалиться и у меня ничего не получится. Мне казалось, что он обычная эгоистичная скотина, а он был просто великолепен. Просто великолепен. Непередаваемо великолепен.

Я ложусь на кровать, Сергей укладывает голову мне на животе, и я вспоминаю прошлую ночь. Вспоминаю слова бабы, когда она схватила меня за руку и сказала, если я буду игнорировать свои мечты, они умрут печальной смертью. Я вспоминаю ледяные глаза моего отца, а потом вспоминаю маму.

Мне было пять лет, когда мои родители расстались, вернее не совсем так, они не расстались, я имею ввиду, что это решение было не обоюдным, как принято у цивилизованных людей. Их расставание совсем не походило на настоящее расставание. Мой отец выгнал мою мать. Буквально, открыл входную дверь и вытолкнул ее за порог, она даже упала, распластавшись на ступеньках у входа. Он плюнул в нее и запретил ей видиться со мной, никогда. Все это он проделал на моих глазах, когда я кричала и билась от страха в истерики на руках у ба. Я до сих пор помню, как мама поднялась на ноги, по щекам у нее текли слезы, и она смотрела на меня, с отчаянием пытаясь запомнить мое лицо, но дверь закрылась прямо перед ее носом.

Все это он проделал из-за того, что подозревал ее в измене. Конечно, на самом деле это было не так, но мой отец был и есть, и, вероятно, всегда будет очень параноидальным. Каждая тень — это поджидающий его Иуда, готовый предать или что-нибудь украсть у него, а может и замысливающий убийство. Он даже сделал тест на отцовство, чтобы удостовериться, что я действительно его дочь. А после этого папа был женат три раза. Ни одна из его жен не смогла родить ему еще детей. С первой он вскоре развелся. Думаю, она вернулась в Россию. Она ненавидела меня, и мне она не нравилась. Вторая была хитрее. Она стала его женой, потому что твердила, что я ей нравлюсь, но она исчезла в один день. Не знаю сбежала ли она, потому что очень боялась моего отца или мой отец покончил с ней. Третья жена моего отца погибла в автокатастрофе из-за неисправности тормозов. Когда ему сообщили об этом, он медленно кивнул, продолжая есть телячью печень, спокойно поменяв при этом вилку. Мы присутствовали на ее похоронах, одетые в черное. Никто не проронил слезу.

После того как мама ушла, я плакала в течение нескольких дней. Я бесконечно умоляла бабу, дать мне возможность увидеться с мамой. Сначала она сказала, чтобы я забыла маму, что мама уехала из страны.

— Куда она могла уехать? Вся одежда и обувь ее находятся здесь?

— Ты не можешь встречаться с ней, и чем раньше ты это поймешь, тем лучше для всех.

— Я убегу, — стала я угрожать.

— За этими стенами есть очень плохие люди. Они могут тебя поймать и сделать с тобой ужасные вещи.

— Ты не можешь попросить папу вернуть маму назад? — умоляла я.

— Нет, *Solnyshko*, не могу.

Но я не сдавалась, наоборот была полна решимости. Каждый день я умоляла ее, иногда я отказывалась есть.

И однажды в один прекрасный день мы пошли с ней по магазинам и «случайно» наткнулись на маму. О! Я испытывала необъяснимую радость. До сих пор помню, как я крепко обхватила ее за шею и заплакала, просто выла, когда пришло время расставаться, мама тоже не могла разжать своих объятий. Мама тоже плакала, ба стала меня ругать.

— Если ты не прекратишь, то мы никогда не сможем снова увидеть маму.

Каждый раз оборачиваясь я видела ее стоящую на том же месте, со слезами смотревшую на нас, потом мы повернули за угол и смешались с толпой.

В машине ба предупредила меня:

— Запомни, ты никогда никому не должна рассказывать об этом. Иначе ты больше никогда не увидишь свою маму, — она смотрела на меня очень серьезно своими темными глазами. — И возможно даже мне.

Мой рот открылся от ужаса.

— Иначе папа выгонит тебя из дому?

— Возможно, — негромко ответила она.

С этого дня я научилась быть ультра-скрытной. Держать рот на замке, наблюдая за всем, как бы что не вылезло наружу.

Когда я выросла, папа научил меня пользоваться веревочной лестницей. С тех пор я использовала ее, чтобы навещать свою маму.

Сергей вдруг поднимает голову, вскакивает с кровати и идет к двери, начиная скрестись. Я выпускаю его в коридор и звоню Лине. Уже почти девять часов.

— Что? — говорит она сонно.

— Привет, — отвечаю я. — Я... э... оставила куртку в твоём контейнере для мусора. Не могла бы ты забрать ее и положить в пакет? Я заберу ее, когда мы поедем на примерку.

Наступает небольшая пауза.

— Куртку?

— Да, коричневая кожаная.

— В моем контейнере?

— Точно, — подтверждаю я.

— Э... да. Я получу какие-нибудь объяснения об этом?

— Эм... не в данную минуту.

— Хорошо, тогда продолжай в том же духе, говорить загадками.

— Это важно.

Она вздыхает.

- Что я должна с ней сделать?
- Просто возьмите ее с собой, когда мы поедем на примерку.
- Ладно. В какое время ты приедешь?
- Примерно в десять тридцать.
- Тебе не терпится?
- Что за вопрос. Конечно, не терпится.

Лина благодарит Анатолия, нашего водителя, и проскальзывает на заднее сиденье рядом со мной. Она кладет мне на колени пакет John Lewis, Анатолий закрывает за ней дверь и идет на свое водительское место.

— Спасибо, — говорю я, целуя ее в щеку.

— Без проблем, — отвечает она. Лина — американка. У нее густые блестящие каштановые волосы, карие глаза цвета шоколада и кроваво-красная помада на губах, а также у нее смуглая кожа, и свою знойную внешность она приобрела от своей матери-итальянки.

— Ты волнуешься? — спрашивает она с ухмылкой.

— Да, — говорю я, пытаюсь придать энтузиазм своему голосу.

— Итак, не хочешь рассказать мне что-нибудь о куртке?

— Еще не время.

— Хорошо. Я была под впечатлением твоих слов, думая, что меня ждет вполне невинное объяснение, но теперь думаю, оно относится к категории скандала.

Я сжимаю ей руку.

— Я потом тебе все расскажу. Обещаю. Мы пойдем куда-нибудь выпить чаю со сладким.

— Нет, только не со сладким. Я на диете.

Я слабо улыбаюсь. Я знаю Лину с детского сада, но никогда по-настоящему не рассказывала ей свои секреты. Иногда я придумывала такое, чего в реальной жизни уж никак произойти не могло, но она всегда оставалась самой собой, говоря мне именно то, что меня успокаивало и сдерживало. Даже когда я познакомилась с Оливером, я никогда не рассказывала ей о своих настоящих чувствах к нему. Всегда в подсознании у меня крутились слова моей ба: *«Чем меньше окружающие знают о тебе, тем лучше они будут к тебе относиться»*.

Нам предстоит короткий путь к Wardour Street, здесь находится свадебный салон известного российского дизайнера Валерии Лахав. Первым вылезать из машины Вадим, мой личный телохранитель. Он подходит к черной двери с золотым колокольчиком, пару раз звонит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как только дверь открывается и выходит портье, Вадим возвращается к нам и открывает нашу дверь. Он входит вместе с нами и встает спиной к закрытой двери.

Валерия выходит из-за стойки регистрации, приветствуя нас. Ее светлые волосы убраны в хвост на затылке, который немного растрепался, она двигается к нам с широкой улыбкой на лице.

— Вы приехали, это так приятно. Я не могла вас дождаться. Платье выглядит более красивым, чем я думала, оно просто фонтанирует своей красотой.

Я вежливо улыбаюсь и следую за ней в большой зал. Здесь длинный деревянный стол и стоят несколько манекенов в углу, которыми пользуются портные. Она останавливается перед занавесом.

— Ты готова? — театрально интересуется она.

— Да, — отвечаю я с широкой фальшивой улыбкой.

Она тянет занавес в одну сторону, и я слышу, как Лина ахает рядом со мной. Платье, конечно, не скромной падчерицы. Но дизайн Леры славится своей экстравагантностью и изысканностью. Итальянские кружева цвета слоновой кости, внизу отделанные золотом, с широкими рукавами и ярдами, ярдами шелкового тюля. Здесь также присутствуют кристаллы Swarovski, изящно разбросанные по всей талии. У меня возникают противоречивые чувства, когда я смотрю на *свое свадебное платье*. Однозначно, оно выглядит ошеломляющим, экстравагантным, изящным и очень красивым, я даже не могла такое себе представить, когда смотрела эскизы и образцы ткани, предложенные Валерией, в первый раз обсуждая его, но, дело в том, что я не хочу замуж за Оливера. По крайней мере, не в этом платье.

— Все это, — говорит она, — вышито вручную самыми профессиональными швеями в России. Швы настолько маленькие, что их невозможно разглядеть без увеличительного стекла. Подойти и посмотри сама, — зовет она.

Я обхожу платье вокруг, отмечая насколько красиво отделан шлейф, раковидной кромкой.

— Застежка-молния скрыта шелковыми пуговицами, — с гордостью сообщает мне Валерия.

Я автоматически киваю.

— Платье настолько великолепно, просто убийственно, — говорит Лина.

— Прекрасное, — вторю я ей.

— Ты готова? — спрашивает Валерия.

Появляется ее помощница, и они помогают мне надеть его. Я стою неподвижно на возвышении, круглой платформы, как статуя, они хлопчут вокруг меня. Лина сидит в кресле, молча наблюдая за их действиями.

— Да. Все готово, — заявляет Валерия.

Она говорит мне повернуться и взглянуть на себя в большое зеркало на стене. Я смотрю на свое отражение. Платье, видно, будет стоить около 45 000 фунтов, и оно, несомненно, очень и очень красивое, но я не выгляжу сияющей невестой. Фактически, я ничего не вижу перед собой, с трудом вызывая у себя улыбку на лице. Я вижу, что Валерия и ее помощница не понимают почему у меня такое упадническое настроение. Они уверены, что сделали потрясающую работу, так и есть. Лина подходит ко мне.

— Не возражаете, если я поговорю с Ташей с глазу на глаз? — спрашивает она Валерию.

— Конечно, — отвечает та, и они быстро скрываются из зала.

Лина встает прямо передо мной.

— Ты не хочешь замуж, не так ли? — размеренно спрашивает она, и в ее глазах светиться боль, потому что она вдруг поняла, что все эти годы я лгала ей.

Я медленно отрицательно качаю головой и чувствую, как слезы начинают жечь глаза. До прошлой ночи я даже не могла предположить, *насколько* я не хочу замуж. Возможно, я так отчаянно хотела саму себя убедить... или вернее обмануть, предполагая, что готова выйти замуж за Оливера. И смогла бы жить с ним без любви. Я знаю, что была бы хорошей ему женой, так как была хорошей дочерью. Я бы изливала свою любовь на Сергея и своих детей, когда бы они появились.

— Зачем?

— Думаю, я люблю его, — лгу я.

— Не ври мне. Пожалуйста. Думаешь, я не знала обо всех тех других случаях, когда ты мне врала? Я просто не обращала на это внимания, но не в этот раз. Скажи мне правду хоть в раз в жизни.

Я пожимаю плечами и опускаю голову вниз.

Она вдруг вскрикивает:

— О, мой Бог. Ты делаешь это ради своего отца!

Я продолжаю молчать.

— Это настоящее сумасшествие. Так поступали в 18 веке. А ты? Ты хочешь вот так выйти замуж за человека, к которому не испытываешь никаких чувств, потому что твой отец настаивает на этом?

— Это не так. У нас взаимовыгодный союз. У отца имеются деньги. А его семья имеет титул и вход в высшее общество. Для всех будет хорошо.

— А что насчет тебя? А?

— Дети будут иметь титул.

— А у тебя не будет любви?

— Да, но у меня будет все равно преимущество, его фамильный род может очень многое мне дать.

— Я видела всех этих лордов и леди не один раз, это полный п*здец, заносчивые, слабые ублюдки. Я бы предпочла провести день с обычным человеком. Неужели ты хочешь этого для своих детей?

Слезы, которые я сдерживала, потекли.

— О, черт, — произносит Лина, роясь в своей сумочке, чтобы найти бумажный платок. Она выуживает один, смятый, в пятнах от помады, но все же он выглядит чистым. Я вытираю им глаза.

— Так кто же был в кожаной куртке?

— Тот, с кем я провела эту ночь.

— Мать твою! — выдыхает она, потом смеется. — Ты всегда все скрывала, ты не доверяешь мне?

— Оливер мне не верен и собственнo ему плевать, сплю я с другими или нет. Однажды он сказал мне, что, если я захочу иметь интрижки после свадьбы, он будет даже рад, но я должна придерживаться двух условий — что я не забеременею и буду держать язык за зубами.

— Теперь ты понимаешь, когда я говорю об этом обществе, что это полный п*здец.

Я улыбаюсь в полсилы.

— Расскажи мне об этом парне, — просит она. — Кто он?

— Ты его не знаешь, и лучше, если не узнаешь, кто он. Чем меньше ты будешь знать, тем лучше для тебя.

Она смотрит на меня со страхом.

— Что происходит, Таша? Ты боишься? Тебе угрожают? Ты пугаешь меня.

— Я не боюсь, мне не угрожают, и я не пытаюсь напугать тебя. Это прописная истина, когда дело касается моего отца, общества, в котором он привык общаться. Чем меньше ты знаешь, тем безопаснее будет для тебя.

— Хорошо, не надо мне рассказывать кто он. Тебе было с ним хорошо? А его член большой?

Я вдруг понимаю, что начинаю улыбаться.

— Да, было очень хорошо.

— А его член?

— Большой, — хихикая признаюсь я.

— И что теперь?

Я тут же становлюсь серьезной.

— Ничего.

— Напоминает, как секс на одну ночь?

— Да, что-то подобное.

Она посматривает на меня с любопытством.

— А мне почему-то кажется, что будет большее?

— Не больше одной ночи, Лина. Наши отношения не перерастут в будущее.

— И как он к тебе относится?

— Для него это всего лишь секс. Я преподнесла ему себя на блюдечке. Конечно, он воспользовался.

— Таша, иногда ты говоришь такие глупости. Даже если женщина предлагает себя на блюдечке, совершенно не означает, что мужчина воспользуется ею. Ты явно оказалась в его вкусе. Он сказал или как-то намекнул, что хочет тебя?

Я кладу руки на живот.

— Это было на одну ночь, Лина, в любом случае, мой отец не одобрит его, поскольку отец будет считать, что он мне не ровня.

Она открывает рот, но я прерываю, сказав:

— Ничего не говори. Давай оставим этот разговор и поговорим о чем-нибудь другом.

Она смотрит на меня, слово жалея, но соглашается поменять тему.

— Что ты будешь делать сегодня вечером?

— Я пойду на благотворительный вечер, который устраивает Александр Маленков. Помнишь, я все же вхожу в оргкомитет. Именно я продала большую часть билетов. Не хочешь пойти со мной?

— Нет, спасибо. Я бы пошла, если бы мистер Маленков был не женат. Когда на негомотришь, единственное, что хочется сделать, так трахнуть его, но поскольку он уже счастливо женат, то не вижу никакого смысла. Кроме того, ты же знаешь я и классическая музыка — вещи не совместимые.

Я улыбаюсь.

— Это грандиозное событие, Лина. И прошлым вечером я оставила последний билет. Почему бы тебе не пойти?

— Ты будешь с Оливером, верно?

— Да. Ты пойдешь?

Она вздыхает.

И я чувствую, как она колеблется.

— Еда будет из ресторана *L'Auberge Du Pont de Collognes* от группы Павла Бокюз, — я специально делаю паузу для достижения максимального эффекта, это единственный ресторан в мире, который сохраняет свои три звезды Мишлена на протяжении пятидесяти лет.

Она еще больше колеблется.

— На каждый стол поставят по 1,8 кг калужской королевской икры и водку «Снежный барс».

Она начинает ухмыляться.

— Хммм... водка «Снежный барс, да?

— Ага. Изготовленную из редких сортов пшеницы от одного из лучших производителей в мире, — добавляю я для пущего эффекта.

— Ты на самом деле хочешь, чтобы я пришла, не так ли?

Я смотрю ей в лицо и вдруг понимаю, что, действительно, хочу, чтобы она пришла. Мне необходимо, чтобы был кто-то рядом со мной, кто бы знал о моих чувствах.

— Да, хочу.

Она улыбается.

— Хорошо. Но лучше, чтобы там было поменьше сварливых старперов, иначе я просто не отстану от тебя.

— Я думаю, что там будут в большинстве своем «суровые люди».

— Ну, ладно. Всегда в таких местах имеется бар. После пяти коктейлей «Секс на пляже» каждый мужчина выглядит похожим на Генри Кэвила [\[1\]](#).

— Спасибо, — радостно вскрикиваю я. — Быстренько дай мне мой телефон.

Она протягивает мне телефон, и я звоню, чтобы зарезервировать для нее оставшийся билет.

— Ох, прости, Таша. Боюсь, что ты опоздала. Только что, этим утром, я продала последний билет.

— О, не обращай внимания. Вдруг кто-нибудь вернет, пожалуйста, забронируй его для меня и позвони?

Девушка на другом конце провода уверяет, что обязательно позвонит, я отключаюсь.

Лина трогает меня за руку.

— Все будет хорошо. Со мной или без меня.

Я выхожу из машины, и глаза Оливера тут же жадно начинают бродить по моему телу. На мне длинное, черное, с открытой спиной, приталенное платье с разрезом с одной стороны.

— Ты выглядишь потрясающе, — выдает он комплимент. — Но ты всегда выглядишь завораживающей лисичкой.

— Спасибо, — тихо отвечаю я.

— Как прошла примерка платья сегодня? — спрашивает Оливер, как только мы входим в знаменитый павильон Тауэра в Лондоне. Исторические стены башни подсвечиваются огнями, и я застываю от впечатляющего зрелища, а потом перевожу взгляд на Оливера.

У Оливера типичное аристократическое лицо. Его отец — маркиз, он же — лорд по рождению. У его семьи имеется обширное поместье, с одним из самых красивых и величественных домов в Великобритании. Я посещала аббатство Морелэнд. Оно поистине великолепно, но семья живет в маленькой части этого огромного дома, так как он требует ремонта и отапливать все поместье слишком дорого. Женитьба на мне означает для семьи Оливера, что они смогут подлатать и отремонтировать свое поместье, вернув ему былую славу.

Я натягиваю на себя улыбку. Фальшивую улыбку, конечно.

— Хорошо. Платье очень красивое, — отвечаю я, входя в зал. Гости уже передвигаются группками, держа в руках коктейли.

Он подмигивает мне.

— Ты попросила дизайнера оставить для меня маленький секрет, чтобы я смог быстро пробраться к твоей киске?

У меня сводит желудок, и я изо всех сил стараюсь проглотить подступившую горечь, с тоской поглядывая на бар. Мне необходимо выпить. Сегодняшний вечер обещает быть долгим. Я перевожу взгляд на его идеальное лицо и виновато улыбаюсь.

— Нет, там не предусмотрено такое, слишком длинные юбки.

— Ну да. Одно из тех платьев для девственницы невесты мафиози, да?

У меня пропадает улыбка. Уже не первый раз Оливер выдает такое замечание. Должно быть таким образом он пытается пошутить, но в действительности, исподволь или открыто, он дает мне понять своими словами, что моя родословная не такая, как его.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — сухо отвечаю я.

Его вождение во взгляде теряет свой блеск.

— Одни из тех длинных юбок, которые я могу закинуть тебе на спину и оттрахать твою красивую задницу?

Я чувствую, как становлюсь пунцовой.

— У платья длинные юбки, — спокойной отвечаю я.

— Хорошо. Тогда все в порядке.

Мы доходим до раздевалки, и я сдаю свое пальто.

Женщина в облегающем черном платье с внушительной задницей подходит, встав рядом с нами, и Оливер открыто пялится на ее задницу. Она поворачивается и смотрит сначала на него, потом на меня.

Я делаю вид, что не замечаю ее взгляда. Девушка за стойкой дает мне мой билет, и я поворачиваюсь к Оливеру. Он переводит на меня взгляд.

— Я уезжаю в Нью-Йорк на неделю.

— Когда? — тихо спрашиваю я.

— В следующий четверг. По делам. Твой отец тоже будет там.

Я знаю, что мой отец собирается в Нью-Йорк, но я не знала, что с Оливером.

— Кто еще едет?

— Только Элизабет.

— Понятно, — говорю я. Элизабет секретарь Оливера и его любовница. Она даже не потрудилась скрыть этот факт. Я дважды виделась с ней, и оба раза она открыто давала мне понять, что предоставляет ему то, чего я ему явно не предлагаю. Мне хочется посмотреть ей в глаза и сказать, что в ней нет ничего особенного, и она не единственная. У него есть и другие женщины.

Однажды, когда мы были в ресторане, какая-то женщина, проходя мимо нашего столика, взглянула на него призывным взглядом. Меньше чем через минуту он извинился и отправился в туалет. Я подождала несколько минут и последовала за ним, застав их в коридоре, ведущем к туалетам. Она прижималась к его груди своими сиськами, а он шарил своими руками по ее задницу, приподнимая платье. Я вернулась за наш столик, не сказав ему ни слова. Я знала, что такая участь уготована мне в замужестве с ним. Он всегда будет мне изменять. Возможно, это даже нельзя назвать изменой, поскольку он действует открыто.

Оливер ведет меня к белому, в стиле минимализма, бару. По пути мы встречаем его знакомых, поэтому он беспрерывно, с легкостью обняв меня за талию, представляет им:

— Вы знакомы с моей невестой Ташей Эванофф, — с гордостью представляет он меня.

Все вежливо улыбаются, но мне всегда все вежливо улыбаются при знакомстве, они знают чья я дочь. Но за моей спиной люди всегда шепчутся, насколько богат мой отец, и как он приобрел это богатство, люди бесконечно спорят, поправляя друг друга, хотя они даже не представляют каким образом мой отец стал таким богатым человеком.

Когда мы, наконец, добираемся до бара, мне хочется заказать рюмку водки, но я не делаю этого. Я на приеме, поэтому делаю присущую англичанам вещь — заказываю водку с содовой. К нам подходит еще какие-то люди, отчего чувствую настоящее облегчение, поскольку теперь я могу молча стоять, кивая и вежливо улыбаясь в нужные моменты.

<https://www.youtube.com/watch?v=BT4GПjqr-A>

Не могу отвести от тебя глаз

Наконец, настало время войти через двойные двери в огромный, царственный обеденный зал. Великолепное синеватое, цвета сапфиров, освещение придает романтический, гламурный оттенок всему, к чему оно прикасается. Зеленые ковры выглядят, как синее море, и куполообразный потолок, заполненный маленькими световыми бликами, создает потрясающий эффект сверкающих звезд на летнем ночном небе. На каждом столе стоят высокие подсвечники, пламя свечей трепыхается на воздухе оранжево-красными языками.

Наш столик находится близко к сцене, а с другой стороны, прохожу к танцполу. Мы садимся на наши места и королевская икра ставится на стол, выложенная кубиками сухого льда. Я опрокидываю стопку водки, и горькие пузырьки взрываются у меня на языке, пока

мы слушаем слова благодарности спонсорам этого вечера.

Отец не пришел, хотя и является спонсором, поэтому на данном вечере, вроде бы как, я его представитель, естественно улыбаюсь и киваю, когда упоминается его имя и камера направляется на меня. После презентации, которая рассказывает о различных благотворительных проектах в помощь обездоленным детям России, настает время для кульминации этого вечера.

Занавес поднимается и все юпитеры направляются на Александра Маленкова, объекта неразделенного вожделения Лины. Я ни разу не была на его концерте, но когда он пробегается по клавишам, в помещении становится тихо-тихо, даже можно услышать муху, которая пролетит. Он настоящий мастер, играет с необыкновенным чувством, даже страстью, если можно так выразиться, должна признаться я в восторге от его игры. Как только он берет последнюю ноту, поднимается и кланяется, весь зал встает и разражается овацией.

Занавес закрывается и начинают подавать еду на столы. Блюда безумно вкусные, но я всего лишь перегоняю вилок еду по тарелке, делая вид, что наслаждаюсь едой. У меня не уходят мысли из головы — неужели у меня такая и будет жизнь после того, как я выйду замуж за Оливера. Бесконечная вереница однотипных действий с этими людьми, с которыми у меня нет ничего общего. Я притворяюсь, что с невероятной радостью ожидаю десерт, и в этот момент начинается последняя часть благотворительного вечера.

Аукцион драгоценностей, гости снимают свои украшения и отдают свои личные вещи — часы, серьги, украшения или бумажники на аукцион. Заранее эти предметы никто не собирал, их кладут на поднос вместе с маленькой бумажкой, которые были оставлены на каждом столе, где полностью подробно описывается выставляемый предмет для аукциониста вместе с рекомендованной стартовой ценой.

Одна из женщин за нашим столом снимает свое жемчужное ожерелье, другая отдает браслет из розового золота, я же снимаю с себя серьги из платины с изумрудами, положив их на поднос.

Аукционист начинает с часов Lady Schloss's Cartier одной дамы. На экране позади подиума, крутится изображение часов, показывая их со всех сторон. Стартовая цена £2,000.00. После оживленных торгов часы покупает ее муж за \$ 5,700.00. Тот же самый процесс повторяется почти с каждой женщиной, которая выставила свои украшения на аукцион. Ее муж или бойфренд выкупают их для нее. Атмосфера царит добродушная и веселая, и сама суть благотворительности как бы уходит на второй план, словно это игра.

Сейчас доходит очередь до моих серег.

— Эти серьги нам любезно пожертвовала мисс Таша ЭванOFF, — объявляет аукционист. — Прекрасно смотрятся, безупречные бразильские изумруды в платиновой оправе. Каждый изумруд 4,5 карата.

Он поднимает руку.

— Давайте начнем торги с £5,000. Что-то не слышу покупателей? Да, вот и один. Джентльмен в конце зала. На этой стороне. £5,500. Я слышу £6,000. Да, у нас есть цена £6,000. £6,500. £7000 джентльмен из конца зала. £7,500 джентльмен в красном галстуке с этой стороны. £8,000. Итак, цена уже £8,500. Это редкая возможность приобрести настоящие изысканные серьги. £9,000. £9,500. £10,000. £10,500. Хорошо, дамы и господа. Мы собрались здесь для благого дела. Отлично, у нас уже £11,000 в первых рядах. Еще есть желающие?

Он с надеждой оглядывает зал.

— Итак, раз. Итак, два, — он кивает Оливеру, который только что поднял руку. — Благодарю вас, сэр. Уже £11,500.

Я мило улыбаюсь Оливеру. Все глаза устремлены на нас, и мы оба изображаем влюбленную пару.

— Больше не будет никаких заявок на эти редкие и великолепные серьги? — Аукционист поднимает свой молоток. — О, похоже новый участник вступил в бой. £12,000.

Оливер и я поворачиваемся одновременно, чтобы взглянуть на нового участника, я цепенею. У меня желудок падает вниз. Я не могу поверить своим глазам. За столом Александра Маленкова сидит Ной.

Господи Иисусе. Именно он купил последний билет сегодня утром!

Но он должен был сидеть за другим столом, видно кто-то обменялся с ним местами. Наши глаза встречаются. И я не могу отвести от него глаз. Я настолько растворяюсь в его взгляде, что даже не слышу происходящего вокруг.

Потом я вижу, как Ной ударяет палец о палец и слышу, как Оливер резко втягивает дыхание. Я перевожу взгляд с Ноя и невидящим взглядом поворачиваюсь к сцене.

— £13,500 становится £15,000. £15,000 становится £20,000. £20,000 становится £25,000.

Я чувствую Оливер с раздражением елзит на стуле. Он не хочет потерять лицо перед всеми, но цена становится для него слишком высокой. С натянутой улыбкой он кивает, и еще раз кивает, пока молоток аукциониста с грохотом не ударяет на цене в £75,000!

Ной купил серьги.

Оливер с притворством приветливо улыбается, но на самом деле, чуть ли не трясется от ярости. Он поворачивается и целует меня в губы, медленно и не спеша. От него пахнет апельсиновым ликером, которым был смочен его шоколадный десерт. Когда он отстраняется, я беспомощно заторможено, перевожу взгляд на Ноя. Его глаза сверкают, подбородок сжат с такой силой, что вокруг рта залегла белая линия.

Я опускаю глаза. Аукционист переходит к следующему предмету. Мой желудок ухает вниз, я ничего не видя вокруг перевожу взгляд на сцену.

Аукцион закончился раздачей предметов собравшимся, которые очень обрадовались их возвращению, все юпитеры плавно передвигаются на танцпол, появляется диджей.

Я быстро поднимаюсь, извиняясь, сказав, что мне стоит отлучиться в дамскую комнату. Выбравшись в коридор, я замечаю Ноя, прислонившегося к стене. Рядом с ним стоит красивая рыжеволосая женщина. Мне хочется сказать какую-нибудь колкость, но я не могу. Я не могу даже видеть их вместе. И одна мысль, что он может с ней делать все тоже самое, что и со мной, становится для меня невыносимой. У меня внутри все горит, словно мне влили лаву. О Боже. Я сама сплела паутину похоти, и сама же уселась в нее, находясь в ловушке, словно добыча, поджидающая своего паука в его шелковой паутине. Я остаиваюсь, как вкопанная, хотя внутри все горит, он замечает меня и направляется в мою сторону. Его движения раскованные, словно он подкрадывается.

У меня подкашиваются колени.

Я сразу же замечаю у нее на пальце обручальное кольцо. Невероятное. Большое, показушное, охренеть какое. Вчера прошлой ночью, когда она пришла ко мне, она не надела его. Я борюсь с желанием сорвать его с пальца.

— Удивительно встретить тебя здесь, — говорю я.

— Я думала, ты хотел сегодня поспать, — со смехом произносит она, хотя ее голос дрожит.

— А я думал, что ты хотела докучать слугам.

Она прикусывает нижнюю губу.

— Ты знал, что я буду здесь?

— А как ты думаешь?

— Как ты узнал, что я буду здесь?

— Скажем так, я друг Александра, поэтому знал, что ты подготавливала это мероприятие.

Ее глаза становятся огромными.

— Ты знаешь Александра Маленкова?

— Конечно. Я уже давно работаю с ним.

Она не может представить, откуда я могу знать и тем более работать со всемирно известным пианистом, поэтому хмурится.

— В самом деле? Как такое возможно?

— Это не важно, слишком давняя история.

— Ох. Зачем ты купил мои сережки?

— А почему не я? — у меня не получается выкинуть из головы поцелуй этого идиота, который целовал ее так, словно она принадлежит ему полностью.

— Ты купил их, чтобы сделать мою жизнь еще более проблемной?

— Нет, — резко отвечаю я. — Я купил их, потому что ты принадлежишь мне. Каждый мужчина в этом зале готов был выкупить драгоценности своей женщины. Я тоже обладал таким правом. Я твой мужчина.

Она смотрит на меня с широко раскрытыми глазами, при этом ее взгляд выглядит несчастным.

Вопрос появляется сам по себе, я даже не задумываюсь, что спрашиваю:

— Ты спишь с ним?

Она отрицательно качает головой.

— Я хочу встретиться с тобой еще раз.

Она с трудом сглатывает.

— Не уверена, эта часть явно не входила в мой план.

— К черту план, — жестко отвечаю я.

— Ты не понимаешь. Мой отец убьет тебя, если узнает о нас, и если я встречу с тобой больше, чем один раз, то существует очень большой риск, что он узнает о нас.

— Приезжай ко мне сегодня.

— Ты слышал, что я сказала?

— Я не боюсь твоего отца.

Ее глаза расширяются.

— А должен бы бояться. Он очень опасный человек.

— Я буду тебя ждать.

— Я не могу. Я...

— Вот вы где, голубчики. А я удивлялся, куда это ты запропастилась, — спокойной произносит Оливер, вставая рядом со мной. Я просто кожей чувствую, как он смотрит на меня. — Ты не хочешь меня представить своему... другу? — я обратила внимание на его многозначительную паузу.

— Лорд Оливер Джорсдейл, Ной Абрамович. Ной Абрамович, лорд Оливер Джорсдейл, — говорит Таша. В его голосе слышится обвинение, я чувствую, как Оливер напрягся всем телом, из него сочится подозрение и гнев.

— Ах, еще один русский, — говорит он, и в его словах слышится двойной смысл. Он преднамеренно пытается оскорбить меня и Ноя, я слышала многое, но главное, что Джорсдейлы относятся к тем скользким людям, которые не будут хамить тебе прямо в лицо, но сделают это за твоей спиной анонимно. У моего менеджера есть хороший термин для такого явления — *«Показать яйца в Twitter»*.

Он смотрит на нее, с таким выражением, словно почувствовал неприятный запах.

— Друг твоего отца?

Я чувствую, как Таша напрягается всем телом, она не хочет, чтобы я имел какое-то отношение к ее отцу.

— На самом деле, он друг Александра Маленкова, — отвечает она, подбирая правильные слова.

И его глаза заполняются холодом.

— Тогда откуда вы двое знаете друг друга?

— Мы давние друзья.

— В самом деле? — растягивая слова, спрашивает он. — Как интересно.

Я улыбаюсь почти без умысла, насколько могу.

— Да, русские, живущие здесь, как правило, все знают друг друга.

— По всей видимости, так и есть, — говорит он тоном человека, который вдруг заскучал от разговора. — Ну, нам уже пора. Наслаждайтесь серьгами, мистер Абрамович.

Я молчу.

— Приятно было повидаться с тобой, Ной, — тихо говорит мне Таша. Затем Оливер собственнически кладет руку ей на спину и уводит от меня. Внутри у меня бушует настоящий огонь дикой ярости и ревности, но трезвый голос рассудка твердит: *«Оглянись вокруг, Ной. Сейчас не место и не время. Пусть думает, что он победил»*.

Я медленно выхожу из помещения на улицу. Закуриваю сигарету, затягиваясь. На самом деле, мне безумно хочется вернуться внутрь и придушить бл*ть этого мудака Джорсдейла. Вдруг кто-то выходит и встает рядом со мной. Я уже догадываюсь, кто это может быть.

— Ты напрашиваешься на войну, — говорит мужчина по-русски.

Я достаю пачку сигарет и протягиваю ему. Он берет одну сигарету, я подношу зажженную зажигалку к его лицу. Он обхватывает мои руки, чтобы пламя не погасло и затягивается. Огонь освещает его лицо и длинные, изящные пальцы. Странно, за все эти годы я ни разу не обращал внимания, что у него такие изящные пальцы, однозначно пальцы одаренного пианиста. Он поднимает голову, я убираю зажигалку в карман.

В течение многих лет я любил этого мужчину, как своего брата. Мы повидали многое,

вернее прошли через многое — и плохое и хорошее, причем оба, плечом к плечу. Все называют его Александр, но для меня он всегда будет Зейном, моим братом по оружию.

Я затагиваюсь и медленнo выдыхаю.

— Я его не боюсь.

Он также затагивается и выдыхает дым, выпуская вверх.

— Если бы я ставил деньги на пари, то поставил бы на него, — тихо отвечает он.

Я поворачиваюсь к нему, внимательно смотря ему в лицо.

Он не отводит взгляд в сторону, а открыто смотрит мне в глаза.

— Поскольку Никита не знает, что такое играть по правилам или по чести. Пока ты будешь размышлять, этично ли будет убить отца женщины, которую хочешь, он уже к этому времени закапает тебя.

Я хмурюсь от его слов, но Зейн прав. Я думал неоднократно об этом, и я не готов причинить какой-либо вред ее отцу.

— Сегодняшнее твое поведение было достаточно опрометчиво. Если ты, на самом деле, так сильно хочешь эту женщину, не позволяй своему члену думать за тебя.

— Я не позволяю своему члену думать за себя. Я потряс дерево, мне хотелось посмотреть, что упадет с него.

— Ничего хорошего с такого дерева не упадет. Итак, каков план?

— Держись подальше от этого, Зейн. Это мое дело. Держись подальше от этой помойной ямы. Подумай о своей семье.

Оливер накручивает прядь моих волос себе на палец.

— Как ты думаешь, почему этот русский бандит так хотел заполучить твои сережки? — хотя его голос звучит мягко, в нем слышатся враждебные нотки.

Я с удивлением поглядываю на него.

— Не знаю, а почему тебя это волнует? Мне казалось, ты не против, если у меня будут с кем-то отношения, главное, чтобы ничего не всплыло.

В его глазах светится что-то страшное.

— Начнем с того, что сегодняшнее событие совсем не выглядело так, будто ты вела себя слишком уж осмотнительно. Не надо обладать большим умом, чтобы сложить два и два.

Он ехидно улыбается.

— Во-вторых, я тогда немного погорячился. Ты не особенно волновала меня раньше, но сейчас все изменилось... нравится тебе это или нет, но я не испытываю особой благодарности к мужчине, признавать свой проигрыш, встречаясь с ним лицом к лицу, особенно если он забирается к тебе в трусики.

У меня мурашки бегут по коже, но я сдерживаюсь, чтобы не отодвигаться от него подальше.

— О чем ты говоришь?

— Я хочу тебе сказать, что правила изменились. Отныне я жду, что моя жена будет мне верна.

Я смотрю на него с пренебрежением. Видно, это правило распространяется только на меня, так как он, очевидно, не предполагает, что будет верен мне в будущем.

— Разыграй свои карты правильно, и я готов измениться ради тебя, — лжет он мне, при этом его губы пасутся у меня на шеи.

Я закрываю глаза, мне просто необходимо сделать что-нибудь этакое в данной ситуации. Я не хочу и не могу согласиться на его предложение. В данный момент я понимаю, что никогда не смогу заниматься с Оливером. Может и раньше я это понимала, но видно не до конца. Я не смогу заниматься сексом с Оливером никогда, поскольку я... влюблена в Ноя.

— Ты же меня не любишь, и я не люблю тебя, — тихо отвечаю я.

— И что?

— Может нам, на самом деле, не стоит жениться, Оливер? — выстреливаю я как пулемет. Если я вот так запросто смогу разорвать нашу помолвку, для моего папы, это тоже не будет проблемой.

Он странно на меня посматривает, а потом начинает хохотать.

— Ты струсила? Позволь мне объяснить тебе, дорогая, слишком поздно давать задний ход.

— Нет, не может быть.

— Ох... ты действительно думаешь, что сможешь уговорить меня разорвать помолвку? К сожалению, я не могу пойти на это.

— Но ты, на самом деле, не хочешь меня.

Он странно улыбается.

— Наоборот, милая Таша, я очень даже хочу тебя.

Я в шоке смотрю на него.

— Нет, ты не хочешь. У тебя полно других женщин.

— Они всего лишь тела. Суки и проститутки. Я с трудом вспоминаю их имена. Нет, Таша Эвановф, ты, однозначно, приз, — он ехидно улыбается. — Я выбираю тебя, чтобы ты стала моей женой и матерью моих детей. — Он берет мое запястье и вдруг очень сильно сжимает.

— Ойййй, мне больно.

Он сжимает еще сильнее, я стискиваю зубы.

— Думаю, так ты поймешь, что наш брак не будет только на бумаге? — насмехается он.

Я смотрю на него нагло, вызываяще.

— Я собираюсь трахать тебя жестко и часто. И сегодня я понял, насколько хочу своим членом проникнуть в твою тугую маленькую п*зду.

Я ахаю от шока.

— И ты сможешь сказать этому русскому мудаку, что его маленький спектакль только что сделал твою жизнь намного сложнее. Скажи ему исчезнуть из поля твоего зрения, потому что я ожидаю верности от своей жены. Поэтому, если у тебя появятся какие-то «умные мысли» завести любовника, должен предупредить, что я пресеку все это жестким кулаком, — я вижу, как он сжимает кулак, этот жест жестокий и распутный.

Я встаю в оборону, так как этой стороны Оливера я никогда не видела.

— Я ясно выразился, или тебе показать, что стоит ожидать?

Я с недоумением не могу отвести от него взгляда, а он хватает меня за бедра и притягивает к себе, его эрекция упирается мне в живот, а руки пытаются задрать вверх мою юбку. Наконец, я прихожу в себя от оцепенения.

— Да, да, я поняла, — быстро произношу я, хотя мой голос дрожит от страха.

Он с такой силой прислоняет мои бедра к себе, что я чуть ли не кричу от боли. Со смешком от отстраняется от меня, я прикрываю глаза, с трудом сглатывая, пытаюсь успокоиться. Я открываю глаза, он пялится на меня.

— Ты, на самом деле, очень красивая, Таша. Такая непорочная и чистая.

Когда я возвращаюсь домой, страх постепенно отступает. Как только я открываю входную дверь, Сергей, терпеливо ждавший меня, сходит с ума от радости. Он возбужденно твоякает и лает. Эхо громко разносится во всему молчаливому — мавзолею-нашему-дому.

— Давай, проведем, ба, — говорю я ему.

Он облизывает мне все лицо.

Я поднимаюсь в вертикальное положение.

— Бежим на перегонки, — бросаю я вызов и начинаю бежать вверх по лестнице, но кобель совершенно легко настигает меня, остановившись, поджидая наверху. Я глажу его за ушами.

— Ты выиграл, — говорю я.

Он всего лишь утыкается носом в выемку сзади моего колена. Так мы идем по коридору, он трется носом о мое колено, двигаясь позади меня.

Я просто вхожу, не стучась, так я поступаю с тех самых пор, когда была еще ребенком. В принципе, жизнь ба — открытая книга. Я видела ее голой, видела ее больной, видела ее плачущей. Когда она упала и сломала шейку бедра, я не хотела, чтобы она смущалась, чтобы медсестры или горничные меняли ей подгузники, поэтому делала все сама, мыла и подмывала ее. Баба никогда ничего не скрывает от меня, и я тоже не хочу от нее ничего скрывать. По крайней мере, не сейчас.

Ба уже лежит в постели и читает книгу. Она поднимает глаза поверх очков и улыбается.

— Какой приятный сюрприз, *Solnyshko*? Ты хорошо провела время сегодня вечером?

Я вхожу в ее спальню и опускаюсь на край кровати. Сергей укладывается у моих ног.

— Да, думаю, нормально. Я выставила на аукцион свои изумрудные серьги, и они были проданы за 75 000 фунтов стерлингов, которые пойдут в счет благотворительности.

— Кто же их купил?

— А как ты думаешь?

— Думаю, что Оливер не смог бы заплатить £75 000 за пару сережек, как говорится — лягушкам не дано пасти свиней, — она пришла к правильному решению, благодаря своей проницательности.

— Ты права. У Оливера перекупили серьги.

Ее глаза слегка расширяются от удивления.

— Так, хорошо, — тихо отвечает она.

Я смотрю на маленький арт на большом пальце у нее на ноге, потом возвращаю к ее глазам.

— Ба, мне нужно увидеться с ним сегодня вечером.

Она снимает очки, закрывает книгу и кладет ее на тумбочку.

— Скажи мне что-нибудь, пожалуйста.

— Что я могу тебе сказать, *Solnyshko*? Запрещать, только усиливать твое желание, ты все равно это сделаешь.

— Это не просто желание. Я скучаю по нему, баба. Я скучаю по его голосу, скучаю по его глазам, по его прикосновениям. Я даже скучаю по тому, как он вздыхает. Он ждет меня. Я должна увидеться с ним. Я сойду с ума, если не увижусь с ним сегодня.

Она смотрит на меня с тревогой.

— Это опасно, одной ходить по ночам. Я не согласна с таким риском.

— Ба, на нашей улице так много охранников, что кажется, будто это самое безопасное место на земле.

— Однако, — говорит она, поглядывая на меня с беспокойством.

— Меня будет ждать такси, еще до того, как я ступлю на проезжую часть. Я же проделала это вчера, все будет хорошо.

— А что, если сегодня не получится?

— О, прошу тебя, баба. Я буду осторожна. Обещаю быть очень и очень осторожной.

Она тяжело вздыхает.

— Я не в восторге от этого, *Solnyshko*, но Бог тебе в помощь, действуй аккуратно. Столько жизней ты держишь в своих руках. Это ужасный мир и последствия твоих действий могут быть намного больше.

Я смотрю ей в глаза.

— Последствий не будет. Я хочу встретиться с ним еще раз, — говорю я.

Она грустно улыбается мне, мы обе знаем, что это ложь. Последствия будут, поскольку я планирую изменить свою жизнь. *Еще раз*, это даже смешно. Даже трехлетний ребенок может распознать мое вранье.

— Отец ушел, но не думаю, что он застрянет где-то на всю ночь, поэтому будь очень осторожна. Неважно во сколько ты вернешься, прошу тебя, позвони мне.

— Я не хочу тебя будить, если вернусь раньше четырех утра.

— Я смогу выспаться в любое время днем. Позвони мне, когда вернешься.

— Спасибо, что сказала мне насчет папы.

— Сегодня надень джинсы. Я слушала прогноз погоды на завтра, возможно будет дождь.

Я усмехаюсь ей в ответ.

— Ты знала, что я еще раз поеду к нему?

Теперь она усмехается мне в ответ.

— Если бы я была в твоём возрасте, я бы сделала тоже самое.

Я задорно смеюсь.

— Я могу оставить у тебя Сергея? Я не хочу, чтобы он был один две ночи подряд.

— Конечно. Принести его подстилку и положить к стене.

Я встаю и целую свою бабушку в щеки. Наклонившись к ее уху, шепчу:

— Его зовут Ной.

— Хорошее, сильное имя, — шепчет она мне в ответ.

— Я люблю тебя, ба, — говорю я и выбегаю из ее спальни.

У себя в комнате я быстро переодеваюсь в джинсы, футболку и удобную обувь. Я отыскиваю кардиган и накидываю его поверх футболки. Потом я кладу в карманы собачье лакомство. Стоя перед зеркалом, я разрушаю свою прическу, выпрямляя волосы и укладываю их в хвост. Я заваливаюсь на кровать, на подушки, потом вызываю такси, сообщая, что они должны подхватить меня в конце улице через десять минут.

Я оглядываю свою комнату. Все по-прежнему. Поднимаюсь с кровати, беру подстилку Сергея и его игрушки, зову его за собой.

— Пошли, ты будешь спать сегодня с бабушкой, — говорю я ему. Он смотрит на меня укоризненно, я обнимаю его и говорю, что когда-нибудь, в один прекрасный день, я возьму

его с собой, чтобы познакомить с Ноем.

Выключая свет, я закрываю дверь своей спальни и направляюсь в спальню ба. Я обустроиваю подстилку Сергея и чмокаю его и бабушку, бегу вниз. В доме все также тихо, мягкая подошва моих ботинок не издает ни звука, я выхожу через боковую дверь, закрыв ее за собой на замок. Я быстро передвигаюсь к задней части дома. Ротвейлеры тут же трусят ко мне, тихо поскуливая, приведя в действие уличные сенсорные огни безопасности.

— Это я, — говорю я им, протягивая немного собачьих вкусняшек из печени.

Я заставляю их отправиться вести свою вахту, сама наблюдаю, как мотыльки кружат в свете огня сенсорных датчиков. Еще до того, как они гаснут, я начинаю считать секунды поворота камеры. Я стою в полной темноте, но так и продолжаю считать секунды.

Сейчас, время пришло — камера стала поворачиваться в противоположную сторону, я несусь к стене, ставлю руки и ноги в определенные пазы в каменной кладке, подтягиваюсь и приземляюсь по другую сторону, ловко пружиня, как кошка (я проделывала это в течение многих лет) и не спеша двигаюсь в другую сторону по тротуару. Такси уже поджидает меня, и на дверце выведена надпись компании, куда я звонила. Я открываю дверцу, проскальзываю на заднее сиденье и называю адрес Ноя.

У меня сердце стучит как ненормальное.

Красота есть во всем.

*Единственное, что вам нужно сделать,
чтобы почувствовать ее — открыть свое сердце.*

Над головой не видно звезд в ночном небе, воздух кажется каким-то тяжелым и густым, полным статического электричества. Вероятно, начнется гроза. Я стою в саду и курю, тело все напряжено, словно закаменело. Оно явно ждет ее.

Столько лет я мечтал о ней. Мечтал покорить, трахнуть, заклеить, оттянув за волосы заносчивую принцессу, заставляя принять мой член, увидеть ее на коленях, напуганную и покорную. Единственное, что требовалось для этого, одна единственная ночь. Единственная ночь с ней, чтобы мои мечты обратились в прах.

Если бы я был деревом, то сейчас терял бы лист за чертовым листом.

Кончик моей сигареты светится желтым, я глубоко затягиваюсь. Бросаю взгляд на часы — двенадцать тридцать. Она не придет сегодня, слишком поздно. Я чувствую тяжесть разочарования у себя в груди, но говорю сам себе — это к лучшему. Меня тревожит, что она поедет на такси в это время ночи. Мир — жестокое и опасное место для такой красивой женщины.

Я выбрасываю сигарету и расправляю напряженные плечи. Черная бархатная коробочка с ее серьгами прожигает мне дыру в кармане брюк. Я достаю и открываю ее. Драгоценности сверкают от света, льющегося через открытую дверь. Я рассматриваю ее под другим углом, и вижу зеленый блеск камней, провожу по ним пальцами. На ощупь они не холодные.

Я никогда не делал ничего подобного раньше. Всегда скрывал свои эмоции, держа их под замком. Ничего, кроме ледяной концентрации на работе. Может, зря я их купил, но в тот момент я не мог позволить ему показывать, что она принадлежит ему. Она принадлежит мне, и она будет моей, даже если это последнее, что я сделаю в этой жизни.

С беспокойством я захопываю крышку коробочки и кладу обратно в карман. Мне не хочется опять напиваться в одиночестве. Наверное, стоит куда-нибудь сходить, может в клуб и выпить с парнями, хотя сама перспектива особенно меня не вдохновляет.

Я уже собираюсь отойти от дверей, когда слышу дверной звонок.

Я поворачиваюсь на звук, уставившись на французские двери. Сердце бешено начинает колотиться.

Бл*дь. Она пришла.

Я открываю входную дверь.

— Привет, — говорит она.

Эх, Таша, Таша, Таша.

Я втягиваю ее внутрь, ногой захлопнув дверь, схватив в свои объятия и опускаю свои губы на ее, я хочу зацеловать ее до смерти. Она тает в моих руках. Пока я целую ее, быстро начинаю раздевать. Стягивая с нее кардиган, через голову ее майку, лифчик, джинсы и трусики. Вдруг я замираю, потому что вижу синяки на запястье, подношу ее руку поближе к лицу.

— Это он сделал? — спрашиваю я, обманчиво мягко.

Она утвердительно кивает, но я чувствую дрожь, прошедшую по ее телу.

— Ничего страшного. Это маленькие синяки.

Ярость, которую я никогда не испытывал раньше, разрезает у меня все внутри. Я не могу даже трезво мыслить. Как бл*дь он посмел? Кем он, мать твою, себя возомнил, этот напыщенный кусок дерьма? Я не хочу и не могу это оставить просто так.

— Я убью этого мудака.

Она берет в ладони мое лицо, и ее глаза вдруг наполняются слезами.

— Нет. Не порть сегодняшний вечер. Кто знает, что будет завтра!

Я вижу печаль и отчаяния у нее в глазах, и хотя от этого я еще больше закипаю, но все же контролирую свои эмоции. В данный момент. Делаю глубокий вдох, успокаиваясь, но, черт возьми, этот мудака в моем лице приобрел себе заклятого врага.

— Расскажи мне подробно, что произошло, — требую я.

Она наклоняет голову.

— Это не важно.

— Если ты не скажешь, то я все узнаю от него, и наша встреча хорошо для него не закончится, — предупреждаю я спокойным и без эмоциональным голосом.

Она вскидывает голову вверх.

— Нет, нет, — чуть ли не плачет она.

Я напряженно смотрю на нее. Она кажется побледневшей и такой беззащитной, что мне хочется прижать ее к себе и не отпускать из своего дома. Я смягчаюсь.

— Тогда расскажи мне, — нежно произношу я.

— Тебе не следовало покупать мои сережки. Не надо было показывать ему свое отношение. Это был опрометчивый поступок. Теперь он знает про нас... — Она вздрагивает. — А что, если он все расскажет моему отцу?

Я не говорю ей, что наоборот хотел показать этому мудаку свою причастность к ней. Я хотел его напугать. Мне не нравится, что ей приходится прятаться по ночам, чтобы увидаться со мной. Я хочу, черт возьми, чтобы наши отношения вышли наружу. Я хочу встать перед ее отцом, смотря ему в глаза, и будь что будет. Война или нет, но я заявлю на нее права, она моя.

Я подношу ее запястье к губам и целую синяки, оставленные его пальцами. Она встревоженно поглядывает на меня, видно беспокоясь о том, что нас ждет, и это ее выражение просто убивает меня, пока я бессилен и не могу стереть ее страх и беспокойство, защитив ее от всего. Завтра на рассвете я снова должен буду отпустить ее. И пока она не будет в поле моего зрения, с ней что-нибудь может произойти. О Боже, даже сама мысль о том, что с ней может что-то случиться... Я притягиваю ее к себе, она такая мягкая, от нее исходит еле уловимый аромат чистоты и сладости.

— Прости, что я не смог защитить тебя от этого мудака, — бормочу я в ее мягкие волосы.

— Все хорошо. Это не твоя ответственность.

Здесь она как раз ошибается. Она — моя ответственность. Каждый сантиметр ее кожи — моя ответственность.

— Сейчас я здесь, что ты собираешься сделать, а?

Я чувствую, как она извивается и трется своим телом о мое, и тут же желание и страсть, которые она всегда вызывала во мне, накрывают меня.

Я слегка отстраняюсь, приподнимаю ладонями ее обнаженную грудь, лаская ее уже

ставшие жесткими соски. Я не могу остановить свою похоть, глядя насколько поразительно ее тело контрастирует с моей загорелой кожей.

У меня в кармане брюк лежат презервативы, я вытягиваю один. Нежно ласкаю и прикусываю ее соски, она хрипло постанывает. Я расстегиваю брюки и освобождаю уже готовый член. Прижав ее к стене, я вхожу одновременно языком в ее приоткрытый рот и членом в ее киску.

Я разграбливаю ее рот, подхватив и приподняв за ягодицы, и жестко трахаю, двигаясь резкими толчками. Неистово и страстно она сосет мой язык, бедрами устремляясь мне навстречу. Я отстраняюсь от ее губ, возвращаясь к ее груди. Я хочу, чтобы ее соски увеличились в два раза от моего желания, как и прошлой ночью, когда я прикусывал и сосал их. Я кружу вокруг них кончиком языка и начинаю жадно сосать. У нее покраснели щеки, глаза наполнены желанием, взгляд заторможенный. Она глубоко запускает пальцы мне в волосы, притягивая мою голову поближе к своему телу.

— Да, да, — стонет она от удовольствия.

Я слегка прикусываю ее сосок, и у нее перехватывает дыхание. Этот звук пробуждает во мне что-то темное и запретное. Я наклоняюсь, поднимая ее вверх, и иду в гостиную. Сажая ее в центре комнаты и отхожу на шаг назад.

Я хочу посмотреть, понимает ли она, что я от нее хочу.

https://www.youtube.com/watch?v=x_f56CZ99JY

Что за чувство!

Тяжело дыша, он смотрит на меня. Контраст между его белоснежной рубашкой и загорелой кожей делает лицо хищным и жестоким. Он начинает вытаскивать свои запонки, бросив их на пол, расстегивает рубашку.

Его лицо сейчас выглядит настороженным.

В ту же секунду я понимаю, чего он хочет, и трепет волнения пробегает по всему моему телу. Я улыбаюсь загадочной улыбкой, разворачиваюсь и ухожу, делая четыре шага в комнату, медленно покачивая бедрами, опускаюсь на колени перед ним. Я склоняю голову, широко расставив колени, усевшись задницей на пятки, положив руки рядом с коленями. Поза — полного подчинения.

Я слышу шорох его рубашки, как с него спадают брюки, слышу стук его ботинок о пол. Он приближается ко мне.

— Смотри на меня, Таша, — приказывает он.

Я повинуюсь.

Он опускает руку мне на голое плечо и поглаживает.

— Ты моя.

— Я знаю.

— Именно с того момента, как у твоего бассейна встретились наши глаза тем летом, ты стала моей, и ты всегда будешь моей.

Я встаю в вертикальное положение на коленях, немного чувствуя себя замороженной, открыв рот, готовая принять его член. Он снимает презерватив, его эрекция обильно смазана пред-семенной жидкостью. Он придвигается поближе ко мне, но недостаточно близко, мне приходится изогнуться и нагнуться вперед, чтобы облизать языком его член снизу-доверху, медленно двигаясь вверх, в сторону его головки.

Он такой горячий, что его запах опьяняет. *«Это мой мужчина»*, со шкворчащим удовольствием думаю я.

Он запускает свои пальцы мне в волосы и глубоко входит в мой рот, дотрагиваясь головкой до самого горла, рот наполняется слюной. Он выходит на пару секунд. Затем воспользовавшись дополнительной смазкой в виде моей слюны, притягивает мою голову как можно ближе к себе и начинает трахать.

— Ты уже долго добивалась этого, — стонет он. — Ты намеренно дразнила меня своим восхитительным телом у бассейна с самого первого момента, как только увидела меня, не так ли?

Поскольку мой рот занят его жестким членом, я молча киваю.

— Ты, черт побери, заставила меня мучиться на протяжении стольких лет. Теперь тебе придется заплатить за это.

Я опять киваю.

— Скажи, — приказывает он, — ни один из этих дураков, которых ты знала, не трахал

тебя так.

Я опять трясую головой.

Он выходит из меня.

— Скажи мне это, — настаивает он.

— Никто даже близко не сравнится с тобой.

Он довольно улыбается и глубже проникает в мой рот. Через короткое время он взрывается, заполняя мое горло своей горячей спермой, при этом не отводя от меня взгляда.

— Теперь ложись на диван и широко расставь ноги, — его улыбка — чистое зло, но все мое тело дрожит от нетерпения.

Я поднимаюсь на ноги и выполняю приказ, растянувшись на краю дивана, согнув ноги в коленях и разведя их так, что моя промежность полностью предстает его взору. Его глаза горячие омуты черной смолы, когда он приближается ко мне.

Он опускается на колени между моих ног, воспользовавшись своими пальцами, раздвигая мои половые губы, несколько раз проходится языком по пульсирующей плоти, я стону и задыхаюсь. Его пальцы проскальзывают в мой вход, а язык опускается на мой клитор, посасывая и массируя, дикий, пронзительный крик, похожий на вопль зверя, срывается с моих уст.

Я беспомощна против его рта и языка, он продолжает вылизывать и пожирать меня. Я даже не могу себе представить, что должна сделать, чтобы отлипнуть от него, я совершенно безоружна, лежу перед ним в раскорячку, без зазрения совести прося большего, пока он сосет мой клитор и трахает меня своими пальцами.

Вдруг его большой палец начинает медленно потирать какое-то местечко внутри меня, двигаясь вверх-вниз, меня бросает в жар, бедра сами собой приподнимаются кверху, навстречу к нему, умоляя о большем. Он жестче и грубее начинает засовывать палец внутрь. Мое тело напрягается, наполняясь волнами вибраций. Я слышу свои слова, как умоляю его, чуть ли не плача, не останавливаясь, пока он продолжает двигать своим пальцем внутри. И несмотря на такие возбуждающие вещи, когда он так жестко трахает меня, я трахаю его палец с не меньшим ожесточением.

Он с жадностью вверх-вниз проходится языком по моим половым губам. Я никогда не могла предположить, что мужчина с такой жадностью может насыщаться чьей-то плотью. Он пожирает меня до тех пор, пока я не начинаю дрожать, впившись ногтями в его плечи. Наконец, я жестко кончаю, достигая пика возбуждения. Он удерживает меня в своих руках, пока на меня накатывает поразительные волны, я кричу, переживая бурю, Ной продолжает использовать свои пальцы и рот. Он не останавливается, даже после того, когда горячие соки, которые я не в состоянии удержать, вырываются наружу на его пальцы, попадая ему в рот. Я запрокидываю голову.

О Боже мой! Я что, на самом деле, пописала на него?

Раскрасневшаяся, ошеломленная, до ужаса растерянная, я даже не могу пошевелиться и посмотреть ему в глаза. Пытаясь отдышаться и прийти в себя, я осознаю свою непристойную грубость — он наблюдал за моим оргазмом, так и не кончив. Он спокойно улыбается и обхватывает своими объятиями.

— О, посмотри на себя, — растягивая слова произносит он. — Ты всего лишь еще ребенок.

— Прости, — выдыхаю я.

Он от удивления дергает головой.

— За что?

— Ты знаешь за что, я даже стесняюсь это произнести.

— На самом деле, я не понимаю, о чем ты.

— Я написала на тебя.

Он посмеивается.

— Ты не написала, я стимулировал твою точку G, поэтому у тебя и вырвалась струя, и это прекрасно, мне понравилось за тобой наблюдать.

Он целует меня в губы. Нежно. Любя. Собственнически. Я чувствую себя в его руках настолько безопасно, что забываю об Оливере и его угрозах, и своим отце с совершенно пустыми глазами насекомого.

Комната озаряется вспышкой, потом слышится раскат грома.

— Гроза, — шепчу я. — Мне всегда нравилось смотреть на грозу. Даже когда я была маленькой.

Он улыбается.

— Хочешь посмотреть в соседней комнате, пока мы будем есть?

Моя первая реакция — отказаться от еды.

— У меня есть *Chak-Chak*, — говорит он с ехидной ухмылкой.

Ой, обжаренные во фритюре тонкие короткие палочки без дрожжевого теста, залитые сверху горячим медовым сиропом. Я давно его уже не ела. Как подумаю об этом, хотя я ходила на ужин, но там тоже почти ничего не ела.

— Хорошо, — соглашаюсь я со счастливой улыбкой.

— А еще я могу предложить тебе тарелку *zharkoye*. Хочешь? — спрашивает он.

— Кто его готовил?

— Ирина привезла сегодня утром. Она делает его у себя дома.

Домашняя тушеная говядина. В конечном итоге, еда обязательно нужна, пока ты наблюдаешь за грозой снаружи.

— Ладно, — соглашаюсь я, — но только немного.

Он поднимает меня вместе с собой с кровати.

— Тебе холодно? Хочешь что-нибудь надеть? — интересуется он.

— Я надену твою рубашку, — говорю я, направляясь к его разбросанной одежде на полу и проскальзываю руками в его объемные рукава. Рубашка до сих пор им пахнет, и я прижимаю ее поближе к телу, обнимая себя руками.

Ной поднимает коврик и закидывает его себе на плечо. Мы идем в следующую комнату, гостиную, стеклянные двери выходят в сад. Ной раскатывает ковер перед стеклянными дверьми. Бросает подушки с дивана на ковер.

— Хочешь, я принесу одеяла?

— Нет, мне не холодно, — отвечаю я.

— Хорошо. Подожди меня здесь, — говорит он и выходит из комнаты.

Я лежу на ковре, подложив под спину подушку, и смотрю на черное небо, которое периодически распарывают белые вспышки молний. Сила и мощь заставляют волноваться. Я считаю секунды до грома. Одна, две, три. Хм... используя систему подсчета бабы, где одна секунда равна одной миле, гроза находится всего в трех милях отсюда, и гроза может прийти до нас. В лучшем случае, гроза могла разразиться и пройти мимо нас.

Ной быстро возвращается, неся поднос, на котором стоят две дымящиеся пиалы и тарелка с *Chak-Chak*. Я окунаю свою ложку в густую коричневую подливку и кладу немного картофеля и говядины в рот. Мясо настолько нежное, что просто тает во рту.

— Мммм... Ирина очень хороший повар, — говорю я, прикрывая глаза. — Я чувствую запах чеснока и укропа, но она использовала еще и другой ингредиент. — Я хмурюсь, задумавшись, пытаюсь выяснить, что за ингредиент она использовала. — Думаю, это розмарин. Нет, постой. Не розмарин. На самом деле, это орегано, — утвердительно заявляю я.

Он смотрит на меня со странной улыбкой.

— Что?

— Ты напоминаешь мне анекдот, который как-то рассказал мне мой менеджер из ресторана.

— Рассказывай. Я вижу, как тебе хочется поделиться, — я кладу кусок хлеба в рот и выжидающе смотрю на него.

Он ухмыляется.

— Анекдот касается гурмана, обладающего повышенным обонянием. Он был очень горд своей способностью, так точно угадывать запахи. Ему достаточно было понюхать вилку или нож, и он мог точно сказать из чего было сделано блюдо, только используя столовые приборы. Он мог это проделывать даже, когда приборы были вымыты. Каждый раз, когда он заходил в ресторан, он отмахивался от меню, которое ему протягивал официант или официантка. Он просил принести ему вилку и нож, и по запаху определял главное блюдо ресторана, на котором специализировался данный ресторан.

— Как-то он отправился в итальянский ресторан и, как обычно, прежде чем официант предложил ему меню, он сказал, поднимая руку: «Позвольте мне, я смогу догадаться сам».

Официант странно посматривал на него, думая про себя, «О, Боже, я слишком стар для этой работы, чтобы терпеть подобных клиентов». Он молча, указал ему жестом, что гурман может делать все, что ему захочется. Мужчина начал нюхать вилку. «Ах», произнес он. «У вас морской окунь, запеченный с анчоусами и оливками, но повар добавил слишком много лимонного сока, поэтому я не хочу это блюдо. Вместо него я возьму цыпленка с пармской ветчиной и печеным картофелем, который пахнет просто превосходно».

Шокированный официант спросил: «И это все, вы узнали, всего лишь понюхав вилку?»

Мужчина начал ему объяснять, что обладает повышенным обонянием, но пожилой официант подозревает, что мужчина над ним подшутил. Должно быть он раньше навещался в ресторан и узнал какое блюдо самое лучшее. Однако, он молчит, обслуживая гурмана. Только он хочет заикнуться о десерте, который точно является особенным, гурман снова начинает нюхать десертную ложку. «Ах, кажется, тирамису довольно-таки свежий».

Официант убежден, что это человек над ним издевается. «Да, сэр, тирамису был сделан сегодня утром», несмотря ни на что, вежливо отвечает он. «Я с удовольствием возьму его на десерт», ответил мужчина.

И тут терпение официанта кончилось, и он решает тоже подшутить над этим мужчиной. «Нет, прежде чем вы примете решение попробовать это совершенно особенное блюдо, которое однозначно угадали совершенно правильно, я хочу вам предложить то, что никогда не выставлялось у нас в ресторане. Вы понюхаете и сами обо всем догадаетесь. И если вы правильно угадаете, то за счет заведения сможете заказать блюда на вынос».

Гурман соглашается.

Официант отправляется на кухню, подходит к Марии, которая моет посуду. Он протягивает ей чистую ложку. «Послушай, Мария, можешь сделать мне одолжение и потереть ложной между бедер?»

Мария — простая девушка. «Хорошо», соглашается она, засунув ложку в свои трусики.

Официант моет ложку, затем тщательно вытирает ее и относит мужчине.

Он подносит ложку к носу и принюхивается. Сначала обнюхивает ее один раз, потом другой. С недоумением посматривая на официанта, а потом говорит: «Мария тоже работает в этом ресторане?».

Я смеюсь.

— Отличный анекдот.

Он тоже смеется, и вдруг я чувствую насколько он мне дорог, и насколько я его понимаю, словно мы прожили вместе уже очень много и много лет.

— Расскажи мне о себе, — прошу я, поставив пустую пиалу.

— Что ты хочешь узнать?

— Почему ты вдруг примкнул к мафии?

Его лицо становится нечитаемым, он пожимает плечами.

— У меня были на то свои причины.

Я поднимаюсь на колени, и целую его.

— Скажи мне. Откройся мне, — умоляю я.

Он проводит щекой по моей груди.

— Мне нужны были деньги, причем много и как можно быстрее, — говорит он.

— Зачем? — шепчу я.

— Мне было пятнадцать, мама заболела. Я не знал, как еще достать деньги.

— А что насчет твоего отца?

— Мой отец исчез, как только обрюхатил мою мать.

— О, Ной, — выдыхаю я. Я представила его высоким, долговязым юношей, крепким, худым, с глазами, в которых поселилась боль и тревога. — Что случилось?

— Я получил деньги, но мама скончалась через два месяца. Я попытался выйти из братства, выплатив долг, но, как оказалось день им были не нужны. Меньше чем 20 000£ за душу является договором.

— Я очень сожалею.

Он отрицательно качает головой.

— Хотя и два месяца, но они того стоили. Я бы все сделал также, если бы потребовалось, — как бы защищаясь отвечает он.

— Прости за то, что ты был вынужден жит в этом ужасе.

— Сначала ничего ужасного не было. Я был всего лишь вором, но такая работа

медленно просачивается в каждую твою клетку, занимая все больше и больше пространства, пока не становится самым тобой, а ты становишься ей. Ты окончательно становишься вором, жуликом, палачом и убийцей.

— И ты переехал в Англию?

— Среди тех, с кем я общался, я встретил Александра Маленкова. Тогда его звали Зейн. Он переехал из России в Англию. На родине меня ничего не удерживало. Ко всему прочему, умерла бабушка, как раз в том году, поэтому я поехал с ним. Мы ладили вместе и создали свой собственный бизнес.

Он поднимает тарелку с *Chak-Chak* и предлагает мне. Я беру пару сладостей.

— Да, мы своего рода вели себя, как мафиози, но дело касалось исключительно финансов. Мы грабили банки и крупные финансовые организации. Мы крали у самых известных, самых больших жуликов всего мира. И от этого испытывали настоящий кайф.

Я прожевав, глотаю *Chak-Chak*.

— Иногда мы были вынуждены вести бизнес с такими, как твой отец или типа него, но мы старались держаться, как можно дальше от организованной преступности, нашей маленькой, но верной группой. Пару лет назад Александр встретил Далию, и она смогла его убедить, чтобы он дал волю своему таланту, он стал выдающимся пианистом, кем сейчас и является. В результате нашего совместного бизнеса, к этому времени у меня было уже достаточное количество денег, поэтому я купил у Зейна все клубы и рестораны. Вот так все было.

Начинают падать за окном первые крупные капли дождя. И тут же они быстро начинают стучать по стеклу. Я поворачиваюсь к нему.

— Разве это не прекрасно? Словно никого больше нет в целом мире, кроме нас в этом доме.

Он внимательно смотрит на меня.

— Мы можем попрыгать под дождем? — спрашиваю я.

Его брови взлетают вверх.

— Ты хочешь порезвиться под дождем? — недоверчиво переспрашивает он.

— Да.

— Но сейчас осень, очень холодно.

— И что?! Мы русские. Холод нам не помеха.

— Я думаю ты можешь замерзнуть.

— Я люблю дождь.

Он встает и открывает дверь в сад. В комнату врывается свежий воздух. Ной так и остался голым, а на мне только его рубашка. Я беру его за руку, и мы выходим на мокрую траву. Действительно, дождь такой холодный, мы мокрые с ног до головы, но при этом оба смеемся, как дети.

— Ты не хочешь потанцевать со мной? — кричу я, пытаюсь перекрыть шум проливного дождя.

— Невозможно...

— Когда дама просит тебя потанцевать с ней, ты должен танцевать, — сурово произношу я.

— Тебе не стоит разговаривать со мной таким тоном, молодая леди.

— А то, что? — бросаю я вызов.

— Вот что, — он резко прижимает меня к своему телу и целует в засос. Вода течет по

нашим слившимся воедино телам. Потрясающе. И... я никогда не забуду этого момента.

Мы возвращаемся внутрь, вытираемся насухо, и он занимается со мной любовью на коврике среди подушек. Снаружи стучит дождь, молния разрывает небо. Я никогда не забуду эту ночь.

протокол <https://www.youtube.com/watch?v=yWeg-W0xyok>

Я поняла

Ура! Папа улетел!

Третий день, как он уехал, поэтому Ной и я едем на один день в Ниццу. Синее море, голубое небо и солнышко. Машина взята на прокат, Ной открывает верх зеленого BMW, ветер развивает мне волосы, пока мы проносимся по побережью вдоль Английской набережной.

Сюда на зиму в 19-м веке, стекалась вся английская элита, спасаясь от тоскливой английской погоды, устанавливая свой изысканный тон, прогуливаясь по пешеходным, выложенным мрамором дорожкам, вдоль пляжа. Эта дорога идет из аэропорта прямиком в город. Мы минуем людей на роликах. Открывающееся зрелище наполняет меня счастьем и беззаботным азартом. Нигде в мире нет трассы, по которой можно проехаться на машине из аэропорта до пляжа, если вдруг вам этого захочется.

Я держу волосы и поворачиваюсь, широко улыбаясь, к Ною. Ветер дует ему в лицо, отбрасывая его волосы назад, даже его скулы выглядят словно выточенные или вырезанные из камня. Я не отрываясь смотрю на него, он напоминает кинозвезду, Божество, ангела или кого-то из них, он невероятно шикарен.

— Что?

— Ничего, — отвечаю я, непроизвольно ухмыляясь, я никогда не была так счастлива за всю свою жизнь.

Он улыбается мне в ответ.

Я отворачиваюсь, и довольная поглядываю на сине-зеленый океан. Раньше я никогда не была на Лазурном берегу, и этот однодневный тур с Ноем — настоящая магия.

На самом деле, волшебство продолжается и продолжается с тех самых пор, как папа уехал.

Я провела просто замечательную сексуальную ночь с Ноем. Я тоже купила одноразовый мобильный телефон, и чувство от того, что он может в любой момент оказаться на другом конце провода в любое время суток — просто щекочит нервы. Это дает мне ощущение, будто мы на самом деле встречаемся, как парень и девушка. На второй день я даже взяла с собой Сергея на прогулку по парке, где должна была встретиться с ним. Да, Сергей безоговорочно стал обожать Ноя.

— Познакомься с моим сыном, Сергеем.

Ной улыбается.

— Он такой же великолепный, как и его мать.

— Дай лапу, Сергей, — говорю я своему мальчику, гордо улыбаясь, когда он поднимает лапу, Ной был потрясен этим.

— Он хорошо выдрессирован, — отметил Ной под впечатлением.

С гордостью я отвечаю, что никогда не тренировала Сергея. На самом деле, когда он был маленьким щенком, был настолько непослушным, просто диким дьяволом. Он был ужасно страшен. Я пришла как-то в ванную комнату, где он порвал весь рулон туалетной

бумаги, по всему полу были разбросаны кусочки, а Сергей сидел среди них, глядя на меня с выражением, которое говорило — и что ты собираешься со всем этим делать? От него все необходимо было прятать. Он все подряд хватал в рот, хотя и не должен был, другие бы явно его за это наказывали.

Все в один голос говорили мне, что я порчу собаку, что я не должна разрешать ему спать со мной, что должна посадить его в клетку, и что мне стоит отправить его на дрессировку. Опять же все говорили, что я портила его, потому что не хотела, чтобы он чувствовал себя моим маленьким рабом. Я имею ввиду — сидеть, стоять или переворачиваться, когда я буду ему приказывать. Для меня он был моим ребенком. Кроме того, каждый раз, когда я начинала его ругать, он смотрел на меня своими большими щенячьими глазами, от которых я просто таяла.

Он настолько вошел в мое сердце, я люблю его безумно.

Когда он сломал очки бабы, папа пришел в ярость, но меня это не особо волновало, поскольку я боялась, как бы он не проглотил какие-нибудь осколки. До года он был, словно белой вороной, совершенно неуправляемым. Затем медленно начал меняться, подрастая. Он стал настолько преданным и послушным, что мне даже не пришлось его особенно дрессировать. Он понял, что может сделать меня счастливой и просто начал это делать. Мы настолько чувствовали связь друг с другом, что иногда нам даже не нужно было слов. Он чувствовал своими инстинктами, если приближающийся человек ко мне относился плохо, начинал рычать и скалить зубы, пока тот не отступал.

Ной рассмеялся.

— Эта собака завоевала мое сердце.

Потом мы купили хот-доги. Сергею без горчицы, мне один, а Ною два.

— Вот где настоящее удовольствие, — с жадностью поедая свои хот-доги, произнес Ной.

Вечером мы ходили в ресторан в окраинах Лондона и вели себя так, словно были еще одной обычной парой. Без телохранителей, водителей, мы ничего не боялись. Мы кормили друг друга едой, смеялись и сняли номер в малоизвестном местном отеле. Всю ночь мы занимались диким сексом, потом уютно устроились в объятиях друг друга, разговаривая. Ну, по большей мере расспрашивала я. Он был не очень разговорчивым.

И вот мы в Ницце.

Ленивое октябрьское солнце желтый теплый шар на небе. Архитектура и здания настолько напоминают средиземноморское барокко, что забываешь где находишься, кажется, что в Италии. И приятно, конечно, и то, что известные русские, приехавшие сюда, построили церковь, которая выглядела достойно и стала своего рода достопримечательностью. Ницца могла похвастаться одной из лучших русских православных церквей за пределами России. Баба попросила меня зайти в церковь и поставить свечку за папу.

— Мы можем зайти в церковь? Я пообещала бабушке, что поставлю свечку.

— Конечно, — с легкостью согласился Ной, — но сначала завтрак...

Завтрак или *sossa* происходил в небольшом местечке на рынке Cours Saleya в красочном старом городе. Нам его доставил мужчина на самокате, у которого за спиной висела корзина. Оказывается, он продавал традиционную закуску простых людей — огромная лепешка из нута с большим количеством перца. Она подается на бумаге, ее едят руками, удивительно вкусная и к ней прилагается бокал местного вина.

У меня появляется ощущение легкого хмеля, после полутора бокалов вина в такую рань, поэтому я опираюсь на твердую руку Ноя, пока мы идем мимо шумного города, который просто напичкан достопримечательностями. Мы гуляем по городу, и иногда наши тела соприкасаются, прилипая друг к другу, особенно на пешеходных улицах. Солнце палит голову, и я чувствую соленый привкус на своих губах от ветра. В окне магазина я вдруг замечаю мертвую тушку маленького поросенка, перевязанного веревками.

— О, мой Бог. Смотри! Кому приспичило настолько ужасное зрелище выставлять в витрине? — с удивлением восклицаю я.

— Это *prochetta*. Итальянская особенная традиция. Выпотрошенного поросенка наполняют кусками мяса, жира, специями, кладут много чеснока, а потом зажаривают на вертеле. Затем его разрезают на большие тонкие ломтики, это очень вкусно, если тебе захочется вдруг мяса...

— Тьфу. Я не смогу это есть, раз увидела самого поросенка.

— На самом деле очень вкусно, — говорит он.

— Почему ты купил здесь дом? — тихо спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Здесь хороший климат и мне нравится, что есть большая русская община.

— Ты говоришь по-французски?

— Неа. Я говорю по-русски и на английском. А ты?

— Я изучала его в школе, но подзабыла.

— Хорошо, как раз здесь ты и будешь теперь практиковаться, — говорит он.

— Расскажи мне, каким ты был в детстве? — настаиваю я. Он фактически ничего мне о себе не рассказывает, или же очень мало. Мне хочется узнать о нем как можно больше, то что я могу узнать.

Он с удивлением посматривает на меня, видно никто никогда не спрашивал его об этом.

— Меня боялись, хотя я был покладистым. Верным, очень преданным. А ты?

И вот опять, он переводит разговор на меня. Я смотрю на него из-под ресниц и говорю себе: *«Не обращай внимания, он не сможет прятаться от меня вечно. Понемногу я научу его доверять, и он откроется»*.

— Я была пухленькой, страшной, маленькой. Летом я совершенно голая ложилась на пол, отказываясь одеваться, зимой бегала по дому, выискивая место, где могла бы спрятаться, чтобы неожиданно выпрыгнуть и напугать маму с ба.

Он смеется.

Я улыбаюсь.

— Да, я именно так и делала. Они делали вид, что пугаются, я так хохотала, что смогла их по-настоящему напугать, что падала на пол и хохотала, держась за живот.

— Мне бы хотелось это увидеть, — говорит он, улыбаясь. — Придется тебе как-нибудь спрятаться у меня в шкафу.

— Это уже не сработает, я потеряла эту свою способность так смеяться. Теперь твоя очередь рассказать от чего ты, когда был маленьким, мог так хохотать.

Он смотрит мне в глаза.

— Я никогда не смеялся, даже когда был маленьким.

— Почему?

— Наверное, потому, что моя мама всегда была грустной. Она так и не смогла привыкнуть к тому, что ее бросил мой отец.

— Ты когда-нибудь скучаешь по России? — тихо спрашиваю я.

— Нет.

— Нет?!

Он отрицательно качает головой.

— Когда я был моложе, я часто вспоминал свое детство. Я вспоминал свои первые шаги, держась за палец матери. Воспоминания были такими яркими, словно они произошли только вчера, но сейчас от них ничего не осталось. Дома, люди, воспоминания. Все ушло... я не думаю о них.

Церковь расположена среди городской зелени, и ее фактически невозможно увидеть среди листвы деревьев, пока вы не оказываетесь прямо перед ней. Она богато разукрашена мозаикой и имеет шесть луковок. Если это добавить к тому, что она скрывается от посторонних глаз, то она кажется чем-то мистическим, стоящим особняком, почти райским оазисом, в оживленном городе.

У двери стоит охранник во всем черном. Даже оправа его очков черная, не говоря уже о стеклах. Он выглядит суровым, кажется русским, но странно, по-русски не говорит. Он говорит с нами сначала на французском, а потом переходит на английский. По-видимому, он здесь стоит, просто для проформы, чтобы сообщить, что в церкви запрещено фотографировать и снимать видео. А также громко разговаривать, нельзя заходить в шортах и с оголенными плечами.

У меня с собой был большой платок, поэтому я воспользовалась им, чтобы прикрыть голову, прежде чем мы входим в церковь. Внутри все выглядит еще более грандиозно и сказочно, чем снаружи. Здесь нет именных рядов лавок, несмотря на то, что в строительстве этой церкви приняли участие крупные российские бизнесмены из общины, которые живут в Ницце. В православной церкви прихожане стоят.

Здесь очень много потрясающе красивых икон и картин. Неземную атмосферу создают сотни горящих свечей, кругом так тихо. Перед нами возвышается огромный серебряный крест, и иконы в серебряных окладах, усыпанные драгоценными камнями.

— Я должна поставить свечку за папу, — шепчу я.

Он странно на меня посматривает.

— Бабушка просила, — отвечаю я на его немой вопрос, пожимая плечами.

Он ждет, когда я подхожу к иконе. Склонив голову и поклонившись, я произношу молитву за папу.

— Пожалуйста, заставь папу раскаяться. Войди в его сердце, — я смотрю в глубину глаз иконы, баба говорит, что если долго во время молитвы смотреть в глаза иконы, то ты попадаешь, как бы в озеро, встречаясь со своей собственной душой. Конечно, я никогда достаточно долго не молилась, поэтому у меня такого не происходило, сейчас тоже этого не произойдет.

Вытащив бумажный платок из сумочки, я стираю губную помаду, прежде чем поцеловать руку иконы в знак любви и веры. Мы никогда не целуем лица икон, поскольку Иуда потом предал Христа, сначала поцеловав его в щеку. Я зажигаю свою свечу и ставлю на кандила перед уходом, осеняя себя крестом.

— Ты любишь своего отца, — говорит он очень тихо, как бы про себя, когда мы покидаем прохладный храм, выходя на солнце.

Я останавливаюсь и смотрю на него. Он, кажется, удивленным, что я захотела поставить за папу свечку, и я могу его понять. Мне следует рассказать, что я чувствую на самом деле.

— Я знаю, что отец ужасно обошелся с мамой. Когда я была маленькой, я видела, как он выгнал ее из дома, с такой злостью толкнув ее за порог, что она буквально вылетела и упала, распластавшись на ступеньках. В одно мгновение все годы, проведенные с ней, для него стали ничем. Иначе я бы не стала «беспризорной собакой». Он обращался к ней так, словно

она была пустым местом. Пока она стояла плача и крича, что он ошибается, что всю жизнь она была ему верна, он захлопнул перед ее носом дверь и запретил мне с ней видиться.

Ной смотрит на меня, пребывая в полном шоке.

— Дело в том, что моя мать никогда ему не изменяла, она всегда была ему верна. Нужно быть очень отчаянным идиотом, чтобы попробовать изменить моему отцу.

Глаза Ноя увеличиваются.

— И ты видела свою мать в последний раз?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Бабушка сделала так, что я регулярно стала с ней видиться, когда отец был в отъезде. Я до сих пор с ней встречаюсь. Тайно.

— Хорошо, — тихо бормочет он.

— Когда я была маленькой, я мечтала, чтобы отец, который, на самом деле, меня любит, сводил поесть мороженое или в кино, но мой отец не относится к таким отцам, готовыми куда-то пойти со своим ребенком, и я научилась с этим жить, — я улыбаюсь ему. — Лучше иметь такого отца, чем не иметь вообще никакого. Он единственный отец, который у меня есть, поэтому я люблю его таким, каков он есть. Папа любит меня своей собственной не трепетной любовью.

Он наклоняет голову и внимательно пристально смотрит мне в глаза, словно я являюсь каким-то неведомым существом.

— Разве тебе не все равно, что он заставляет выйти тебя замуж за мужчину, которого ты не любишь?

— Он не заставлял выйти меня замуж за Оливера. Он... предложил, и я согласилась.

— В самом деле? У тебя был выбор?

Я прикусываю нижнюю губу.

— Когда я согласилась выйти замуж за Оливера, у меня никого не было, и мне не показалось это чем-то плохим. Оливер из хорошей семьи, прекрасно выглядит, его даже считают красивым. Я пару раз встречалась с ним, он всегда был очень вежлив и обходителен со мной. Однако, совсем недавно я кое-что узнала об Оливере. Он не тот, за кого себя выдает. Думаю, что он извращенный типчик. Я знаю, что у папы имеются амбиции, но он хочет, чтобы я была очень счастлива, а я никогда не буду счастлива с таким человеком. Когда папа вернется, я все ему расскажу, и учитывая данные обстоятельства, я не смогу выйти замуж за Оливера.

К моему удивлению, Ной никак не прокомментировал мои слова. Вместо этого он прикрыл глаза, и я даже не смогла увидеть, о чем он думает.

— Мне кажется, что до ланча мы могли бы заняться парасейлингом [\[2\]](#), — говорит он, полностью меняя тему.

— Парасейлинг? Я в игре, — тут же отвечаю я.

Мы двигаемся к центру водных видов спорта на Английской набережной, я вижу желтые парашюты, с их отличительными желтыми смайликами, плывущими в голубом небе над морем. Ной оказывается уже забронировал для нас полет, поэтому у нас в руках оказываются ваучеры.

Инструктор с бронзовым загаром и сильным французским акцентом инструктирует нас по технике безопасности и дает первый урок по основам парасейлинга. Затем я пристегиваю ремни безопасности на сиденье рядом с Ноем. Мы встречаемся с ним уже в теплой воде. Инструктор соединяет нас жгутом от гигантского водного парашюта и тянет трос,

прикрепленный к лодке. Лодка начинает движение вперед, парашют наполняется воздухом, мы поднимаемся в небо.

— О, мой Бог. Мы в воздухе. Мы летим, — кричу я, как только мы отрываемся от воды, поднимаясь вверх более чем на сотню метров. Ветер бьет мне в лицо, это самое захватывающее ощущение в такой вышине. От головокружительного восхищения я начинаю кричать как ребенок, мы поднимаемся еще выше.

— Смоооотри... я не могу поверить, что мы так далеко от земли, — визжу я, указывая на наши маленькие тени на поверхности воды.

Ной просто хихикает от моего энтузиазма.

Мы легко скользим над Baie des Anges, нам открывается потрясающий вид с воздуха на песчаное побережье Лазурного берега, бирюзовую воду Средиземного моря, холмов Прованса и исторических улиц Ниццы. Лодка совершает поворот, и мы дрейфуем вниз, опускаясь на воду, лодка медленно останавливается.

— О Боже, мы разобьемся о воду, — снова кричу я. Всплеск. Упс. Ха, ха.

— Ты пахнешь морем, — со смехом говорит Ной, подхватив меня и удерживая с собой.

Я обхватываю его за шею, переполненная незабываемыми впечатлениями.

— Это было великолепно, Ной. Мне очень понравилось. Можем мы еще раз это проделать?

— Если тебе понравилось, то стоит слетать со мной на параплане. Это даже лучше. Там нет буксирующей лодки, там ветер движет и подгоняет тебя, и ты участвуешь в гонке по небу.

— Это твоё хобби?

Мы начинаем двигаться к берегу.

— Не знаю, хобби ли это, но мне нравится.

— Ты занимаешься парапланом в Англии? — спрашиваю я.

— Обычно в Непале, в пустыне, или где есть горы.

Мы стоим в воде, волны накатывают нам на ноги.

— Может, ты возьмешь меня с тобой как-нибудь, — слышу я свои слова.

https://www.youtube.com/watch?v=LXHzZBr_zuU

Последний Единорог

Наш ланч проходит на пляже. Салат нисуаз, паста с соусом песто и овощи, фаршированные мясом. Мы оба голодные после парасейлинга, поэтому быстро все съедаем, почти до последней крошки.

— Каков следующий маршрут? — спрашиваю я, кладя вилку и нож.

— Выбирай. Музей Марка Шагала или Генри Матисса, — говорит он, вытирая рот.

— Музей Марка Шагала, — сразу же отвечаю я, улыбаясь. — Он, на самом деле, мой любимый художник.

— Как патриотично.

Я вторю ему, покачивая удовлетворенно головой. Факт, что он русский совершенно не имеет никакого отношения к его творчеству. Он был гением. Я полностью согласна с Пикассо, который сказал: «У этого человека ангел летает над головой».

Он улыбается, наблюдая за моим восхищением.

— Тебе не нравится? — с любопытством спрашиваю я.

Ной пожимает плечом.

— Я никогда не был тонким ценителем искусства, у меня не было возможности. Моя жизнь вывела меня на другой путь. Татуировки, пожалуй, самое близкое мое отношение к искусству.

— Ты познакомил меня с парасейлингом. А я познакомлю тебя с Шагалом, — взволнованно отвечаю я. — Когда я смотрю на его картины, то словно попадаю в волшебный мир. Он заставит тебя поверить в единорогов.

— Ну, тогда мы отправляемся к Шагалу, — говорит он с ухмылкой, которая напоминает мне загорелых, своенравных ковбоев.

Я опираюсь подбородком на руку.

— Ной?

— Да.

— Спасибо, что привез меня сюда. Мне очень понравилось. Я даже не могу вспомнить такой момент, когда бы была такой счастливой.

Что-то мелькает у него в глазах, затем пропадает. Так быстро, что я не могу точно понять, то ли это смущение или искры смеха, а может что-то совершенно другое.

Музей находится на холме, в очень тихом районе, где нет городской суеты. Мы платим по десять евро и входим в здание. Стены шестигранной формы, совершенно белые подчеркивают величие картин.

Мы садимся на деревянную скамью и смотрим на шедевры Шагала — многокрасочные, наивные, коварные, таинственные, печальные, уязвимые, наполненные любовью и радостью, я рассказываю Ною интересные факты и историю художника, которым интересовалась уже не один год.

— Знаешь, он был настолько беден, что голову скумбрии съедал в один день, а хвост рыбы оставлял на завтра. Потом он встретил женщину и женился, она приходила и стучала ему в окно, принося пирог и молоко. Позже он сказал ей: «Мне стоило только открыть окно в комнате и с ней влетал поток свежего воздуха, любовь и цветы». — Я делаю паузу и поглядываю на него. — Разве это не самая романтическая история, которую ты когда-нибудь слышал?

— Нет, — говорит он. — Самая романтическая история, которую я когда-либо слышал, когда красивая блондинка вошла в мой офис поздним вечером в сексуальном розовом кардигане.

Я тихо хихикаю.

— Да? Может ты заметил проглядывающий глубокий вырез у меня на платье?

— Я рад, что розовый кардиган выиграл в тот день.

— Почему? Разве ты не предпочел проглядывающий глубокий вырез платья?

— Нет. Я бы ничего не изменил той ночью.

Когда мы стоим перед фотографией Шагала с его озорным, похожим на фавна лицом, странными миндалевидными глазами, я поворачиваюсь к Ню и спрашиваю:

— Ты знаешь, как он готовился рисовать новую картину угольными карандаши, зажав их в руке, как маленький букет?

Ной смотрит на меня таким взглядом, будто я нечто очень дорогое для него, что он всегда хотел получить, но не мог себе даже представить, что такое возможно.

— Сжимая карандаши в руке, он мог сидеть часами перед пустым холстом, ожидая идей. Как только он схватывал идею, поднимал карандаш и очень быстро начинал выводить прямые линии, овалы, ромбы. Из этих форм, как по мановению волшебной палочки, мог появиться клоун, потом единорог, скрипач, странник, ангел. После наброска он отходил на шаг назад, а потом тяжело опускался на стук, словно полностью исчерпал себя, как боксер после раунда. Представь, с какой скоростью работало его воображение. Он видел, как бы перед собой всю картину настолько ясно.

— Это удивительный талант, — медленно произносит Ной.

— Да, должно быть здорово — иметь такую уникальность. Однажды он признался, что единственное, чего бы хотел, остаться таким же необузданным и сумасбродным... чтобы иметь возможность кричать, плакать, молиться.

Наша следующая остановка — Cap de Nice, в доме Ноя. Он расположен высоко на холме. Ной открывает высокие двери, и мы входим в элегантную виллу стиля арт-деко с хорошим естественным освещением. Мы проходим через гостиную с впечатляющей люстрой из ракушек ^[3]. Когда он открывает раздвижные двери, перламутровые кругляши мерцают и звенят от сильного ветра. Я стою у двери на террасу и вижу, что вилла построена на скале. Передо мной открывается на сто восемьдесят градусов вид на море, в доме имеется несколько террас и балконов.

— Вау, вот это потрясающе, — говорю я.

— Знаю, — тихо отвечает он. — Из-за этого я и купил этот дом.

Я выхожу на террасу, ступеньки, вырубленные в неровных белых камнях, спускаются вниз. Одни ведут к белой каменной платформе, где можно стоять и смотреть на захватывающий дух океан, а другие ведут вниз к небольшому частному пляжу.

Он берет меня за руку и выводит из тени террасы по направлению к ступенькам, спускающимся к пляжу. Солнце палит во всю, создавая белые блики.

Я ставлю руку ко лбу, чтобы загородиться от солнца.

— Я не могу долго оставаться на солнце. Я не должна загорать. Иначе будет понятно, что я уезжала из страны.

— Не беспокойся. Долго я тебя не задержу, — говорит он, скидывая с себя одежду. Обнаженный, он смотрит мне в глаза, расстегивая мое платье, которое падает на землю. Под ним на мне зелено-синий бикини. Он тянет меня к нагретым плиткам террасы.

— Мы будем заниматься сексом на пляже? — с улыбкой интересуюсь я.

— Не на пляже. Думаю, песок в некоторых местах, не создаст комфорта.

— Ой.

— Я хочу взять тебя в воде.

Я осматриваюсь по сторонам и понимаю, что мы не одни. Вдалеке маячат какие-то фигуры.

— Нас же увидят, — протестую я.

— Меня это мало волнует, — говорит он, подводя меня к кромке воды. — Я хочу тебя прямо сейчас, — он падает в воду, утягивая меня за руку, и я валюсь вместе с ним. Волны накатывают, и вода прохладой трется о мое обнаженное тело. Я чувствую его разгоряченную кожу своим животом и бедрами. Песок проседает, стоит мне начать извиваться под Ноем. Он захватывает мои запястья, поднимая их над головой.

— Попалась, — рычит он.

— Мне нравится, — шепчу я в ответ.

Он снимает верх у моего бикини и отшвыривает его подальше. Солнце нещадно палит на мою открытую грудь. Ощущение — великолепное. Соски твердеют только от одного его взгляда. Волна накатывает на нас, щекоча мне пальцы ног.

— Уверен, что нас не привлекут к ответственности за то, что мы голые разлеглись на пляже? — спрашиваю я.

— Мы в Европе. На частном пляже. Никакого этого дерьма не будет, — бормочет он,

его глаза становятся возбужденными и темными от похоти. Он целует мою грудь, я закрываю глаза и наслаждаюсь приятными ощущениями. Он сосет соски, пока они не затвердевают почти до боли.

Еще одна волна бьется о нас, но я почти ее не чувствую. Все мое внимание приковано к низу, когда Ной отодвигает в сторону мой бикини. И внезапно входит, большой, твердый и сильный. Он глотает мой еле слышный испуганный крик, готовый вырваться из моего рта, своим ожесточенным поцелуем, и поднимает голову, заглядывая в глубину моих глаз. Его черные глаза омуты бушующих эмоции, пока он уверенно движется внутри меня.

Волны подкатывают ближе, накрывая наши тела по пояс. Он отстраняется.

— Перевернись и покажи мне свою киску, — приказывает он.

— Что прямо здесь?

— Да.

Я поворачиваю в сторону голову. Вдалеке на пляже до сих пор маячат какие-то фигуры, но они слишком далеко, поэтому не смогут меня разглядеть, и скорее всего не увидят, что мы тут вытворяем, а даже если и увидят, то я их вижу первый и последний раз в своей жизни.

Я упираюсь на локти и колени, грудь дотрагивается до мокрого песка. Он тянет вниз мои трусики-бикини, открывая мою киску. Взяв меня за бедра, он совершает рывок своим членом. Все мое тело сжимается от резкого толчка, пальцы погружаются в песок, спина сама собой выгибается, я вскрикиваю. Под меня накатывает очередная волна, омывая мои соски мягкой, шелковистой теплой водой. Песок скользит вместе с уходящей водой обратно в море. Легкий прибой накатывает на икры, пока Ной снова и снова погружается в меня.

Я поднимаю голову и вижу ярко-голубое небо. А что если одна из этих фигур решит пройтись по пляжу? То, что они обнаружат — меня возбуждает еще больше. Большая волна проносится по моему телу, животу и груди. Я опускаю голову и смотрю в пространство между ногами, наблюдая как двигаются крепкие мускулистые бедер Ноя, пока он входит в меня, как поршень.

Он протягивает руку и кружит по моему клитору. У меня перехватывает дыхание, теперь становится отрывистым. Я чувствую, как зарождается где-то глубоко во мне оргазм. Ной усиливает темп, его движения становятся сильнее и быстрее, толкая меня глубже в песок. Я поднимаю голову к небу, прикрываю глаза и жду. Оргазм накатывает одновременно с огромной волной, которая омывает мое тело, мою киску, погружая еще больше руки в песок. Я чувствую, как вода тут же всасывается в песок, возвращаясь в океан. Мое тело замерло, одеревенело, если бы не Ной, я бы рухнула и меня бы унесла волна с собой. Я чувствую напряжение во всех клеточках, все мое тело оцепенело. Меня трясет дрожь. С ревом Ной кончает, его горячая сперма выливается мне на спину, пока я нахожусь под властью своего оргазма.

Он натягивает на меня трусики-бикини, омывает водой спину. Мы карабкаемся из воды, выбравшись на сухой, горячий песок. Мы наблюдаем за садящимся солнцем, которое окрашивает небо в розово-красные тона, я поворачиваю к нему голову, на его лице играет тот же отблик. Мое сердце трепещет от любви. Кончиками пальцев я дотрагиваюсь до его щеки и улыбаюсь.

— Ты выглядишь такой прекрасной при этом свете, — мурлычет он.

— Забавно, я подумала то же самое, — говорю я, и его губы оказываются на моих. Я слышу тихий стон, срывающийся с моих губ.

Он ведет меня ужинать в La Merenda. Это причудливое, маленькое, людное место, где

все сидят на скамейках, фактически в притирку друг к другу. Красное или белое вино пьется из стаканов как сок. Здесь не упоминается слово кола. Не принимаются кредитные карты, и вы не сможете позвонить, чтобы заказать сюда столик. Ной кого-то прислал вчера сюда, чтобы забронировать нам столик на сегодня.

Вы сидите за столом и наблюдаете как Доминик Ла Станк, всемирно известный шеф-повар, который раньше работал в самом дорогом ресторане Ниццы, показывает настоящее представление со своим шеф-поваром и *одним* официантом, которому поручено обслуживание всех двадцати четырех столиков в ресторане. Здесь имеется небольшое традиционное меню, написанное мелом на доске, но как только приносят еду, сразу становится понятно, почему люди готовы мириться с неудобством и дискомфортом.

Мне подается *fleur de courgette* ^[4] обжаренные в кляре и фритюре, напоминающие своеобразные золотистые оладушки-цветки. Блюдо — мечта. Второе блюдо — говядина с апельсином, невероятно вкусная. После лимонного пирога, запеченного до совершенства, наступает время нам возвращаться в Лондон.

Должна признаться — я оставила частичку своего сердца во Франции.

Пока не вернулся папа, я бегу на встречу с мамой. Мы встречаемся в нашем обычном месте — женском туалете в «Хэрродс». Давным-давно мы решили, что это место самое идеальное для нас. Здесь очень чисто и красиво. Оно больше напоминает гардеробную богатой русской или арабской женщины. Персонал нас не беспокоит, оставляя наедине, чтобы мы могли посплетничать. Когда приходит время уходить, обычно через тридцать или сорок минут, я оставляю пятьдесят фунтов на блюде для персонала. Не знаю, что думает Вадим о том времени, которое я провожу в туалете, но до сих пор он делал вид, что это вполне нормально, что я исчезаю в туалет и появляюсь почти через час.

Мама приходит раньше, чтобы ее не видел Вадим, поэтому сейчас она уже ждет меня там. Я обнимаю и целую ее, мы присаживаемся на диванчик.

— Ты выглядишь замечательно. Ты посещала солярий? — спрашивает она.

— Я была в Ницце, — отвечаю я ей.

Она качает головой.

— Ты не говорила мне, что собираешься поехать отдохнуть.

— Все произошло неожиданно, — говоря я, широко улыбаясь.

Выражение ее лица меняется.

— Что происходит, Таша?

Я рассказываю ей о Ное. Она все время хмурится во время моего рассказа, а к концу у нее на лице отражается настоящее беспокойство.

— Господи, чем это все закончится, Таша? — спрашивает она, когда я рассказала ей все.

— Я люблю его и собираюсь сказать папе, когда он вернется, что я не выйду замуж за Оливера.

Теперь у нее на лице явно виден страх.

— Что?

— Я скажу папе, что я не хочу выходить замуж за Оливера. Я поняла, что Оливер не тот, за кого себя выдает.

— О, дорогая. Это не сработает с твоим отцом.

— Почему нет?

Она отрицательно качает головой, и у нее на лбу появляются морщины.

— Ты не знаешь его настолько хорошо, как я. Он не согласится отменить свадьбу. Его самолюбие будет ущемлено.

— Мама, я знаю, что он хочет, чтобы я была счастлива. Он предполагал, что я могу быть счастлива с Оливером, но когда я скажу ему, что не буду с ним счастлива, он не станет принуждать меня. Папа никогда раньше меня ни к чему не принуждал.

Она смотрит на меня с сочувствием.

— О, дорогая. Ты так до конца и не узнала своего отца. До сих пор ты была послушной, ты никогда не ослушивалась его, поэтому не сталкивалась с другой его стороной — все будет так, как он хочет. Ты никогда не задумывалась, почему он разрешил тебе присутствовать, когда выгонял меня из дома? Зачем позволять ребенку видеть такую жестокую и безобразную сцену?

Да, этот вопрос меня беспокоил, и я задавала его себе много лет подряд. Я так и не смогла понять, зачем он привел меня, чтобы я смогла увидеть этот ужас. Чтобы еще больше наказать мою мать? Или чтобы показать, что он хозяин?

— Зачем? — шепотом спрашиваю я.

— Это послужило предупреждением для тебя. Ослушаешься его, и увидишь, на что он способен.

Ее слова проходятся холодком по моей коже, но я не позволяю себе согласиться с этим. Это слишком страшно. А я не хочу отказываться от своей мечты.

— Все будет хорошо, мама, вот увидишь. Я уговорю папу.

Мама опускает голову на несколько секунд, разглядывая свои пальцы. Потом она смотрит на меня, в ее глазах застыло беспокойство.

— Что бы ты ни сделала, не рассказывай ему про Ноя.

— Я и не собираюсь, — быстро говорю я.

— Хорошо. Просто скажи ему, что ты не любишь Оливера и не хочешь за него замуж, потому что он извращенец и сделает тебя несчастной. Не дай ему впасть окончательно в свой гнев и не будь беспечной. После того как ты сообщишь своему отцу об отмене свадьбы, было бы целесообразно не пользоваться тем методом, когда ты исчезаешь к Ною, а выждать, пока ситуация немного не уляжется, прежде чем снова встречаться с ним. Твой отец не дурак, и он тут же поймет, что здесь замешен другой мужчина, который собственно и заставил тебя передумать, поэтому будет внимательно следить за тобой.

Мама выглядит грустной и озабоченной.

— Хотя, — добавляет она, — мне кажется, что уже слишком поздно. Думаю, что он уже не спускает с тебя глаз. Посмотри на себя. Ты вся сияешь. Я поняла, что ты изменилась и здесь замешен другой мужчина, как только увидела тебя.

Я наклоняюсь к ней, мое сердце быстро стучит в груди.

— Ты действительно думаешь, что он знает?

— Если я знаю его настолько хорошо, как думаю, то однозначно да. Он читает людей как книгу. Он выжидает, чтобы ты сделала свой следующий шаг, тогда он сможет сделать свой. Он уже знает, что сделает.

Я чувствую, как по мне проходит волна страха.

— Он же любит меня, — упорно твержу я, поскольку мне больно узнавать, что мой отец может оказаться моим злейшим врагом.

— Милая, дорогая Таша. Давай, скажем начистоту. Твой отец — психопат. И просить его любить тебя все равно, что просить тарелку или стол любить тебя. На самом деле, было бы даже несправедливо просить его об этом, потому что он не способен этого делать. Он неспособен любить. По-настоящему он не любит никого, кроме себя. Ты и бабушка рядом с ним только потому, что его это устраивает. Если его перестанет это устраивать, он без колебаний избавиться от любой из вас.

Я задыхаюсь.

— Если ты посмотришь в глубину его глаз, то ничего не увидишь. Пустота. Там присутствуют только голые, всепоглощающие, агрессивные гротескные навязчивые идеи получить еще больше и больше богатства, выгоды и величия.

Тем же днем я иду к бабе. Она сидит в саду в пальто и шляпе, с закрытыми глазами, наслаждаясь последними лучами солнца. Она открывает один глаз, когда моя тень падает ей на лицо, потом закрывает его.

— Сидеть, Сергей, — говорю я, опускаясь рядом с ней. Он ложится рядом со мной.

— Ба, — спрашиваю я, нежно щекоча Сергея за ухом, стараясь не показать своего беспокойства. — Как ты думаешь, папа любит меня?

Она ведет себя несколько странно. Она старается на меня не смотреть и отвечает, что конечно, он любит. Потом глубоко вздыхает, но опять же не смотрит мне в глаза.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Не знаю. Мне просто интересно.

— Честно, я не знаю. Будем надеяться, что нам никогда не придется проверять его любовь к тебе.

Я прикусываю нижнюю губу.

— А как ты думаешь, великий альянс, который он планирует с Оливером для него важнее, чем мое счастье?

Она тихо вздыхает.

— Я всегда говорила тебе правду, и неважно, насколько она болезненна для тебя, поэтому не буду врать и сейчас. Для него альянс, который он задумал, намного важнее, чем твое счастье.

— Понятно, — тихо отмечаю я. — И что он сделает, если я откажусь выйти замуж за Оливера?

Она моментально поворачивается ко мне, напряженно всматриваясь мне в лицо.

— Ты действительно хочешь быть со своим мужчиной?

— Да, — тут же отвечаю я.

— Если ты, действительно, хочешь осуществить свою мечту, то тебе ничего не стоит ему говорить. Ты будешь молчать, чтобы твой отец не нанес удар первым. Ты просто убежишь со своим мужчиной, скроешься. Не бери ничего, что может привести к тебе. Оставь всех знакомых, порви со всеми и начни все заново в Южной Америке или Азии. Ты готова так сделать?

— Я не могу оставить тебя и маму.

— Тогда ты не сможешь осуществить свою мечту, — говорит она с такой категоричностью, что внутри я леденею.

Я с беспокойством наклоняюсь к ней.

— Но даже если бы я могла оставить тебя и маму, Ной не согласится бежать и скрываться всю жизнь, словно мы натворили что-то ужасное. Мы постоянно будем оглядываться. Ной не боится папы. Он говорит, что готов взять его на себя.

В последних лучах солнца, баба вдруг выглядит такой старой.

— Если то, что ты говоришь правда, то тебе стоит быть готовой к кровопролитию. И кровь будет либо твоего Ноя, либо отца.

<https://www.youtube.com/watch?v=qT6XCvDUUsU>

Почему моему сердцу так плохо?

Папа вернулся. Невероятно, как быстро пролетело время. Я почувствовала страх внутри себя, как только приложила поцелуем к обеим его щекам в приветствии.

Даже сейчас, стоя позади двери в его кабинет, я не готова встретиться с ним глазами, но я никогда и не буду готова. По-детски, я хотела бы повернуть время вспять, хотя бы на один день, но я не могу откладывать наш разговор. У меня трясутся руки, я делаю глубокий вдох, чтобы вернуть себе мужество и самообладание, прежде чем легонько стучу в его дверь.

— Кто там? — спрашивает он.

— Это я — Таша.

— Входи.

Я поворачиваю дверную ручку и делаю шаг в кабинет. Отец сидит за столом, склонив голову над какими-то бумагами, на носу — очки для чтения. Он молчит, просто манит меня к себе рукой. Я подхожу к столу, чувствуя жуткое напряжение во всем теле, встав перед ним.

Его темные, мертвые глаза, следят за мной поверх оправы очков.

— Садись.

— Я лучше постою, папа, — голос у меня дрожит. Отец выглядит пугающе и мне легче сдерживать свою нервозность, пока я стою. Папа откидывается на спинку кожаного кресла, снимает очки и кладет их на стол.

— Чего ты хочешь, Таша? — спрашивает он абсолютно невыразительным тоном, при этом его лицо, словно каменное. Я тут же ощущаю беспокойство. Мама была права. Он знает за чем я пришла. Он ждал моего шага, чтобы сделать свой, и он точно знает, что я собираюсь ему сказать.

От страха я словно оцепенела, но пути назад уже нет, поэтому я быстро произношу речь, которую репетировала много раз. В кровати, перед зеркалом, перед ба.

— Папа, извини, но я не могу выйти замуж за Оливера. Я не люблю его и никогда не полюблю. Я знаю, что ты хотел моего счастья, но это моя жизнь и я имею право выбирать, за кого мне выходить замуж.

Папа хитро улыбается, и тут я понимаю, что мне следовало послушаться бабу. Мне стоило убедить Ноя убежать со мной. Он бы согласился это сделать ради меня, я знаю, что согласился. Вместо этого, я поступила именно так, как хотел мой отец, сыграв ему на руку. Насколько блестяще он разыграл свою партию, и какой глупой оказалась я. Теперь он сделает свой следующий ход.

— Это не совсем просьба, Таша Эванофф, — мягко говорит он.

Слезы начинают течь у меня по лицу.

— Папа, пожалуйста, не проси меня об этом. Он не такой человек, каким ты его считаешь. У него странные наклонности. Он собирается проделать со мной ужасные вещи.

— Я знаю о его наклонностях, — голос звучит холодно и жестко. — Но он не будет проявлять их на тебе. Перед первой брачной ночью я отчетливо дам ему понять, что для

таких вещей имеются шляхи. Моя дочь — принцесса, и он должен относиться к тебе соответствующе, иначе ты можешь быстро стать вдовой.

Я смотрю на него с открытым ртом.

— Ты этого хочешь для меня, папа?

Уголки его рта опускаются вниз.

— А разве это плохо, то, что я хочу для тебя? Чтобы ты получила уважение общества? — Он качает головой, словно совершенно меня не понимает. — Когда ты выйдешь замуж за Оливера, ты станешь Леди Таша. Ты переедешь в этот великолепное знаменитое поместье и будешь в нем хозяйкой. Твои дети будут носить титул лордов и леди. Какое это имеет значение, что твой муж будет посещать шлях, чтобы удовлетворить свои странные потребности?

— Ах, папа, пожалуйста. Пожалуйста. Я не хочу быть Леди Таша и меня не волнует будут ли мои дети лордами или леди. Я хочу, чтобы они были счастливы. Я хочу, чтобы у них был нормальный отец и мать, которые любят друг друга и будут любить своих детей. Я всего лишь хочу обычную жизнь с мужем, которого буду любить также, как и своих детей, которые будут счастливы и здоровы.

— А я тебе говорю, что ты выйдешь замуж за Оливера Жарсдале. Понимаешь? — вдруг кричит он, стукнув кулаком по столу.

Мое сердце подпрыгивает от шока, так же как и я.

Я всеми силами пытаюсь унять дрожь, которая колотит меня.

— Прости, папа. Я не хочу проявлять к тебе неуважение, я люблю тебя, но ты не можешь заставить меня против моей воли. Я больше не ребенок. Я не хочу замуж за человека, который имеет такие пристрастия. Он мне отвратителен, я даже рядом с ним находиться не могу.

Он изучающе смотрит на меня, как будто я упала к нему в кабинет с другой планеты, и он пытается выяснить, как лучше со мной обходиться. Он встает и обходит свой стол. Я ловлю себя на мысли, подавить желание отступить на шаг назад, когда он останавливается передо мной. Он излучает ауру силы и власти, и мне хочется от него отойти подальше, но я держусь.

— Знаешь, кто первым стал тебя называть *solnyshko*? — негромко спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой, пораженная резкой переменой его поведения.

Он улыбается.

— Тебе никто не рассказывал эту историю. Я назвал тебя так, потому что присутствовал при твоём рождении, когда увидел твою головку. Ты родилась с полной копной золотых волос, и твоя головка первое, что появилось из п*зды этой суки, клянусь, твоя головка выглядела как солнце, которое вышло из глубин ночи. Поэтому я назвал тебя *solnyshko*. Мое маленькое солнце. И до сегодняшнего дня ты была моим идеальным *solnyshkom*. А сейчас готова разрушить все одним ударом?

— Я всего лишь...

Он хватается за плечи своими сильными руками, я как в тисках, поэтому не могу сдержать крик от неожиданности и испуга. Он тут же притягивает меня к себе, мое лицо лишь в нескольких дюймах от него. Я чувствую запах кофе, который он пил в самолете, сигар, которые он курил по дороге домой.

— Подумай о людях, которые тебе не безразличны, *solnyshko*. Все они зависят от тебя. Этот самоотверженный поступок может означать многое для их будущего...

существования, — он замолкает и следит за моей реакцией, которую я не могу скрыть. Сейчас мой отец напоминает мне змею, вытащившую свое жало, чтобы ударить по уязвимому месту свою добычу.

Я отчетливо слышу недосказанность в его словах.

— Папа, я не могу...

— Если ты слушаешься меня, Таша, ты не оставишь мне выбора. От твоих действий пострадают те, кого ты любишь больше всего.

У меня перехватывает дыхание от его угрозы.

— О чем ты говоришь?

— Кого ты больше всего любишь в этом мире, *solnyshko*?

Ласковое, милое и мое любимое прозвище на его губах вдруг начинает звучать ужасно. Ба, маму... конечно же, он не их имеет ввиду. Я в недоумении качаю головой.

— Я уничтожу их по одному.

Его слова — нож мне в сердце. Я с трудом сдерживаюсь, ощущая полную беспомощность. Надо вырваться из его рук. Может, он блефует. Он может.

— Я твоя дочь. Как ты можешь угрожать мне?

— Я делаю то, что необходимо, чтобы получить, что я хочу.

— Только чудовище может быть таким жестоким, — со слезами говорю я.

— Что ты знаешь о жизни, глупая девчонка? Ты всего лишь избалованный ребенок.

— Я не избалованный ребенок.

Его глаза сверкают от досады.

— Нет?! Ты сама согласилась на это замужество. А теперь, когда все стоят на голове, чтобы подготовиться к свадьбе, ты передумала? Ты Эванофф, а мы держим свое слово. Ничто не остановит этот брак. Ты должна понять, что каждое слово, которое я говорю — правда, никто, кого ты любишь, не будет в безопасности. Никто. Если ты не сделаешь то, что я хочу.

Я открываю рот, но отец машет мне рукой, словно я и так отняла у него слишком много времени.

— Кстати, не думай, что я не в курсе твоих встреч с этой сукой. И скажи своей бабушке, если она снова бросит тебе веревочную лестницу, я отправлю ее обратно в Россию в том, что на ней сейчас надето.

Я от шока открываю рот. Отец на самом деле готов так поступить со своей собственной матерью? Это просто невозможно. Но, я испытываю такой холод, будто промерзла до костей. Мама была права. Как я могла забыть, что человек, который охраняет меня днем и ночью, настолько бессердечный.

Нет смысла даже пытаться вести с ним разговор. Он никого не любит. Он не может любить. Он просто не умеет и не знает, что это такое. У него столько же чувств, сколько у тарелки или стола.

Такой же бездушный предмет, который ничего не чувствует.

<https://www.youtube.com/watch?v=nVjsGKrE6E8>

Лето печали

— Вы когда-нибудь прощались с мужчиной, зная, что это навсегда?

Таша ЭванOFF

Я одеваюсь в красное. Моя мама говорит, что блондинки всегда должны одеваться в красное, если хотят выглядеть сексуально. Я стою перед зеркалом, но не вижу своей сексуальности, потому что я бледная и расстроенная. Румяна. Побольше положить румян. Вот что мне необходимо. Я провожу кистью с румянами по скулам, и они окрашиваются цветом.

А глаза? Что можно сделать с грустью в глазах?

Я отворачиваюсь от зеркала.

Нагибаюсь и целую Сергея.

— Я уйду последний раз, поэтому перед тобой не испытываю никакого чувства вины, слышишь? — спрашиваю я его.

Он скулит, и я притягиваю его для обнимашек. Он по-прежнему очень тихо поскуливает, даже когда я отстраняюсь, он продолжает скулить.

— Будь хорошим мальчиком и дожись меня, ладно?

Я поднимаюсь, и он тоже встает. К моему удивлению, он лает, глядя на меня.

— Тссс... фу голос. Все спят, — говорю я, быстро приседая и крепко обнимая его еще раз. Я понимаю, почему он так себя ведет. Он чувствует мое состояние — я ужасно расстроена.

— Все хорошо, — пытаюсь я задобрить его. — Я в полном порядке. По крайней мере, буду в порядке. Я перестану грустить, и все постараюсь забыть. Я вернусь утром, и мы пойдем гулять в парк. Будь хорошим мальчиком, хорошо?

Я протягиваю ему лакомство, но он отказывается от него.

— Я оставлю его здесь, и ты съешь, когда захочешь. Оно такое вкусное, ммм!

Я опять целую свою любимую собаку и направляюсь к двери, но он идет за мной жалобно скуливая, он плачет, будто я физически причиняю ему боль, когда закрываю за собой дверь. Я на секунду останавливаюсь, прислушиваясь, он скребет лапой по двери, но я понимаю, что ничем не могу ему помочь, поэтому снимаю туфли и тихо-тихо спускаюсь по лестнице.

В доме стоит такая тишина, что я слышу стук своего сердца. Я никогда так не рисковала, причиняя беспокойство своему отцу, по крайней мере, раньше. Если в данную секунду меня кто-нибудь поймает, то всем людям, которых я очень сильно люблю, будет угрожать опасность. Мне всегда казалось, что отец любил меня своей любовью, но теперь я поняла истину — я всего лишь пешка в его игре. Я лично не имею для него никакой ценности, кроме как, с моей помощью он сможет открыть двери в самые уважаемые слои общества.

К счастью, нервность и моя печаль, что в этот вечер все происходит не так, как всегда, не оправдываются. Я легко штурмую стену, несмотря на свое потрясающее платье, такси ждет меня в конце улицы, и я даже не успеваю опомниться, как стою перед дверью Ноя. Я нажимаю на звонок, и он тут же открывает.

Я улыбаюсь ему самой обворожительной улыбкой, на какую способна, но достаточно одного его взгляда на мое лицо, из-за чего он спрашивает:

— Что случилось?

— Я здесь, так что ничего. Абсолютно ничего, — спокойно лгу я.

Он тянет меня внутрь, но его глаза не оставляют мое лицо.

— Ты выглядишь потрясающе, — бормочет он, уткнувшись мне в шею. Фоном, я слышу песню «Когда мужчина любит женщину», доносящуюся из его дома.

Я не хочу плакать. Я не должна грустить. Мне хочется потанцевать с ним, поэтому с улыбкой интересуюсь:

— Ты не потанцуешь со мной? — почему-то спрашиваю я шепотом. *Последний танец. Может он поможет мне забыть мою великую печаль.*

Он поднимает голову и мягко улыбается.

— Папа молится, чтобы ты не попала в беду?

Я улыбаюсь, он крепче обнимает меня, и мы медленно двигаемся в такт музыке. Я зарываю свое лицо в его шею и вдыхаю его прекрасный мужской запах.

— Сергей не хотел, чтобы я уходила сегодня вечером, — шепчу я.

Он отстраняется от меня и смотрит мне в глаза.

— Почему?

Я не знаю, что ответить.

— Ты расскажешь мне, что случилось или мне придется использовать свой секретный метод, чтобы получить информацию, — поддразнивает он меня, хотя смотрит, на самом деле, очень серьезно.

— Ты собираешься использовать на мне секретный метод? — переспрашиваю я его.

— Да. Ты сама напросилась.

Он поднимает меня на руки и несет в спальню.

Я смеюсь, а мое сердце плачет — *не оставляй меня.*

Он укладывает меня на кровать и внимательно рассматривает сверху-вниз. Его глаза потемнели и стали голодными.

— Боже, ты такая красивая, Таша, — говорит он, выдыхая почти с шипением.

— Я не хочу, чтобы сегодня ты использовал презерватив. Я хочу почувствовать тебя по-настоящему. Хочу, чтобы ты наполнил меня своей спермой.

Он прищуривается.

— Ты принимаешь таблетки?

Я отрицательно качаю головой.

— Но...

Я тут же хватаю его за руку.

— Я хочу этого.

— Уверена?

— Я никогда не была так уверена.

Очень осторожно он снимает с меня платье и нижнее белье. Затем он проходит губами по каждому дюйму моего тела. Каждому кусочку, каждому изгибу, по припухшей

плоти, по влажной, пока я не начинаю чувствовать себя мягкой и податливой, словно топленое масло, словно я это уже не я, так как не чувствую своего собственного тела. Я ощущаю, как жар опалает мою киску, как будто я сидела на солнце весь день, раздвинув ноги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Мммм, — у меня даже не ворочается язык. Моя киска видно издевается надо мной, она полностью отключила мой разум. Как только я почувствовала головку его члена, входящую в меня, у меня вырывается тихий стон. Мои мышцы, будто ждали и жаждали этого с нетерпением, желая захватить его в плен.

— Как тебе? — спрашиваю я, сжимая внутренними мышцами его эрекцию.

— Узкая, горячая и мокрая, — он толкается в глубь.

— Черт, — в унисон говорим мы.

— Мне нравится смотреть, как мой член входит в тебя, — рычит он, жестче двигаясь.

— Не отпускай меня, Ной, — слова, которые все время крутились у меня в голове, выскользнули наружу.

Он замирает и какое-то время мы молча смотрим друг на друга.

— Тебе следует понять, Таша. Я никогда не откажусь от тебя и не отпущу, как бы ни было тяжело. Ты — моя женщина. Я буду покрывать твоё тело до самой смерти, если такое мн суждено.

И от его слов у меня текут слезы.

— Таша, что случилось?

Я отрицательно качаю головой.

— Не останавливайся.

Он с беспокойством смотрит на меня.

— Тебе хорошо?

Он пытается из меня выйти, но я хватаю его за бедра.

— Нет. Не останавливайся. Пожалуйста, закончи. Пожалуйста, заставь меня кончить. Сделай сегодняшний секс самым красивым, который когда-либо у нас был.

— Я не могу. Я не могу ничего сделать, когда ты плачешь...

— Со мной все хорошо. Честно. Пожалуйста. Ради меня, сделай так, как я прошу, — слезы свободно стекают к моим вискам, пока я пытаюсь изо всех сил взять себя в руки.

Он смотрит на меня со странным выражением на лице, затем глубоко погружается в мою киску. Я не отвожу от него глаз — одна страсть читается в них, мне хочется запомнить его именно таким. Наступит день и это сумеречное время, когда я была так счастлива, больше не будет вызывать во мне такую печаль. Тогда я постигну искусство быть счастливой, если вообще смогу. Но для тех, кто так зависит от меня я готова, поскольку — подарок. Я готова переждать зиму, за которым однажды последует апрель.

Я настолько, хотя и медленно, поглощена этим сильным чувством, мчащимся через меня, что не замечаю малейшее изменение в его лице. Я вижу, что он готов к кульминации, но он по-прежнему движется в определенном такте, чтобы заставить меня кончить.

Его толчки становятся грубее и более сильными, пока он скользит из и в меня. Я замечаю, как ускоряется его дыхание, становясь более жестким, его ноздри подрагивают, мышцы шеи и плеч бугрятся. Он смотрит на меня таким глазами — желающими, нуждающимися, чтобы я кончила. Он не шагнет первым за эту грань, сначала должна я.

Я ощущаю всеми фибрами тела, как к нему приближается оргазм, словно из длинного тоннеля движется поезд, хотя и не совсем длинного. Умом я понимаю, что он не кончит раньше, чем я. Особенно, когда я в таком настроении.

— Извини. Мне кажется, что я не в состоянии сегодня, — извиняюсь я.

— Мы никуда не спешим. Просто расслабься и пусть будет, как будет, Таша.

Я вижу, как у Ноя напряжены мускулы шеи, бицепсы рук. Он еле сдерживается, с трудом контролируя себя.

— Не жди меня, — шепчу я.

— Ты или кончишь со мной или мы не кончим сегодня вообще, — отвечает он, нахмутив брови и не отводя от меня взгляда.

Он наклоняется и берет в рот мой сосок, вызывая разряд тока по всему моему телу. Голова становится ватной, пальцы сами собой сжимаются на его плечах. Его толчки становятся боле интенсивными. У меня вырывается стон, отчего он увеличивает темп своих толчков.

Я захватываю ногами его бедра, сжав щиколотки в замок, и отпускаю все — будь, что будет.

Его движения становятся жестче и более быстрыми.

У меня такое чувство, словно на меня мчится поезд, именно в тот момент, когда он врезается в меня и вдруг происходит странная вещь. Я исчезаю на мгновение. Это всего лишь несколько секунд, но они очень влияют на меня. В следующую секунду я уже не я, поскольку парю над своим телом. Я растворяюсь в единстве, в котором нет границ, я растворяюсь в бесконечности.

Вот он — истинный секрет оргазма в чистом виде.

Когда ты растворяешься и становишься единым с деревьями, звездами, небом, скалами, океаном, и все это происходит с тобой, с человеком. Слияние. Грешника и мудреца, хорошего и плохого, ночи и дня, смерти и жизнь, и все по-новой, непрекращающаяся круговерть. Этот единственный момент — святой, когда ты познаешь всю суть творения, нежели тратишь годы на изучения его в монастыре или храме. Это именно тот момент, о котором говорила мне ба, когдаходишь в озеро и встречаешься со своей собственной душой.

И в какую-то минуту все кончается, и я опять оказываюсь женщиной, лежащей под мужчиной.

Я смотрю ему в глаза, и они такие... очень грустные. Мне хочется протянуть руку и дотронуться до его щеки. Мне хочется сказать ему, что я люблю его, но я не могу этого себе позволить, мои руки лежат как плети, не двигаясь, а губы тоже молчат.

Молча я наблюдаю за ним из-под ресниц. Он, кажется мне, очень спокойным, опирающимся на локти, его дыхание глубокое и еще не восстановилось, но он не отводит взгляд, смотря на меня сверху вниз.

<https://www.youtube.com/watch?v=bqIxCtEveG8>

Под твоей красотой

— Я обидел тебя? — совсем тихо спрашивает он.

Я моргаю в изумлении.

— Нет, — шепчу. — Конечно, нет.

— Тогда скажи мне, почему ты плачешь.

— Я плакала, потому что все было просто прекрасно. О большем я и не могла мечтать.

Он проводит пальцами вниз по моей щеке.

— Все будет хорошо. Вот увидишь. Я сделаю так, что все будет хорошо.

Мне хочется разрыдаться, но я не могу, поэтому молча киваю.

— Ты веришь мне?

Я опять киваю.

— Я все улажу. Обещаю.

— Хорошо. Мне нужно пойти в ванную, — говорю я.

Он передвигается с меня, и я свешиваю ноги с кровати. Я подбираю с пола платье и свое нижнее белье и иду в ванную. Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Я хотела бы остаться с ним на всю ночь. Мне казалось, что я готова была остаться с ним на всю ночь, но я не могу. У меня разрывается сердце, от одной только мысли, что я не могу оставаться у него ни минуты дольше. У меня подкашиваются ноги, и я опускаюсь на пол.

— Таша, — зовет Ной из-за двери.

Я кулаком прикрываю рот, чтобы не вырвались мои всхлипывания.

— Дай мне еще минутку, — прошу я.

Слышу, как он уходит.

Я поднимаюсь на ноги и быстро одеваюсь. У меня так сильно трясутся руки, что мне едва удастся застегнуть молнию на платье. Я провожу пальцами по волосам, расправляю плечи и выхожу из ванной комнаты. Он сидит на кровати, на нем надеты штаны.

— Что случилось? — спрашивает он, его лицо обычная маска.

На выдохе я говорю:

— Мне нужно домой.

— Да?

Я делаю шаг в его сторону и пожимаю плечами.

— Я больше не приду.

Он прищуривается, смотрит на меня.

— Почему? — спокойно спрашивает он.

Я с трудом сглатываю.

— С самого начала — наши отношения были временными, несмотря ни на что. Отец вернулся, и, на самом деле, пришло время вернуть все как было. Наши отношения первоначально были всего лишь на одну ночь, ты очень хорош в постели и мне было весело, поэтому... — глухо отвечаю я.

Он поднимается и медленно направляется в мою сторону, и первая мысль у меня — убежать. Я успеваю добежать до двери, но он ловит меня и толкает к стене. Не сильно, по крайней мере, мне не больно, но я шокирована, если честно.

— Почему ты убегаешь? — с любопытством спрашивает он. Сейчас в нем есть что-то до жути спокойное.

— Прошу, отпусти меня.

— Сначала ответь на мой вопрос.

— Нет, сначала отпусти меня.

— Просто ответьте на мой вопрос, Таша, — вздыхает он.

— Ты знаешь, чем все закончится. Нам обоим было хорошо, а теперь я возвращаюсь к Оливеру. Не усложняй все.

— Ты вернешься к Джорсдейлу? — медленно спрашивает он, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Он мой жених, ты же знаешь.

Ной коварно улыбается. Я никогда не видела, чтобы он так мне улыбался, никогда.

— Это даже смешно, что ты говоришь, в тебе сейчас больше моего ДНК, чем за все серии сериала «CSI: Место преступления».

— Не заставляйте меня ненавидеть тебя от твоих слов.

Его глаза расширяются.

— Не нравится? Интересно, что мне нужно сделать, чтобы ты возненавидела меня?

В мгновение ока он засовывает руку мне под юбку и разрывает мои трусики, отбрасывая их в сторону.

Я ударяю его по щеке. До конца не понимаю, как такое могло произойти. Моя рука сама поднялась кверху и ударила его по щеке. И выглядело это совсем не так, словно его ударила какая-то девица. Раздался очень громкий шлепок, его голова дернулась, а на щеке остался отпечаток.

Он медленно улыбнулся, поблескивая глазами.

— Твоего отцу не стоило делать тест на отцовство. Ты, однозначно, есть его дочь.

У меня подгибаются колени, рот открывается от шока. Своими словами, он сделался для меня чужим. Жестоким. Он никогда не позволял себе говорить со мной подобным образом. Я никогда не видела его с этой стороны. Он всегда был нежным, добрым и внимательным, видно я слишком его идеализировала, не задумываясь о другой его стороне. Вернее, я решила не обращать внимание на другую его сторону, полностью игнорируя ее, связанную с болью, убийством и другим насилием. Скорее всего, я вообще до конца его так и не узнала. В конце концов, он из одного и того же мира вместе с моим отцом.

— Ной, — кричу я, но крик выходит каким-то хриплым с болью и ужасом от того, что я пробудила в нем зверя. Трясущимися руками я тянусь к нему.

Вдруг его рот нападает на мой, действуя грубо, собственнически, требовательно, поглощая. Он проскальзывает своим языком ко мне в рот, наши языки цепляются друг за друга, а потом он начинает жестко сосать мой язык. Я стону, как только его нога раздвигает мои колени, и его рука движется вверх, отыскав мою мокрую киску. Его пальцы скользят внутрь, и он начинает двигать ими. Я настолько мокрая, что его движения издают хлюпающий звук. Он поднимает голову и внимательно смотрит на меня.

— Ты все еще продолжаешь меня ненавидеть? — спрашивает он.

— Я ненавижу тебя, — слова повисают в воздухе, словно домоклов меч, между нами.

— Кому я должен верить? Может твоему телу, которое говорит мне обратное, — огрызается он.

Он поднимает меня на руки и несет в спальню. Одеяло такое холодное в контрасте с мой пылающей кожей.

— Что ты собираешься делать? — тупо спрашиваю я.

У него вырывается смешок.

— Ты настолько наивна, маленькая Таша.

Он моментально спускает свои штаны, его член жесткий и стоит прямо. Ной опускается на кровать.

— Ты моя, — жестко рычит он, толкаясь глубоко в меня. У меня вырывается стон, и он кладет свои скользкие пальцы от моих соков мне в рот, заставляя меня их посасывать. Я хватаюсь за прохладную простынь, как только он наращивает скорость. Он не отводит взгляда от меня, я прикрываю глаза, потому что не могу выдержать его взгляда.

— Открой глаза, — строго приказывает он.

Я распахиваю глаза.

— Скажите мне, что ты хочешь, чтобы я остановился.

— Я... Я... ах...

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я продолжал трахать тебя.

— Я хочу, чтобы ты... ну... черт с тобой.... трахал меня.

— Скажи мне, что твоя киска принадлежит мне.

— Моя киска принадлежит тебе, — стону я.

— Я почти не услышал твой ответ.

— Моя киска принадлежит тебе, — кричу я повышенным тоном, волны совершенно невероятного оргазма накрывают меня с головой. Вибрация, как ураган, проходит через нее. Он полностью меня высасывает до того, как все заканчивается. Я смотрю на моего великолепного мужчину, как он выгибается и рычит, испытывая свое удовлетворение.

Он отстраняется и кончает, его сперма бьет ключом.

— Я должна идти, — шепчу я через какое-то время.

— Я знаю. Давай я позвоню Сэму.

Он поднимается с постели и выходит из комнаты.

Я иду в ванную, моюсь, и потом только спускаюсь вниз. Ной ждет меня у бара со стаканом в руке. У меня дежавю. Я вхожу в комнату и останавливаюсь посередине.

— Прости, что я наговорила тебе все эти жуткие вещи, — говорю я.

Он с грустью смотрит на меня.

— Не извиняйся, Таша. Все это не важно. То, что происходит между нами, нет причин извиняться.

— Но я наговорила тебе столько гадостей и рассердила тебя.

— Ты, на самом деле, веришь, что какие-то глупости могут изменить мое отношение к тебе? Я готов умереть за тебя, Таша Эвановф.

Я, рыдая, бегу в его объятия. Он с силой прижимает меня к себе.

— Моя бедная, маленькая Таша, — растягивая слова произносит он, притягивая к себе и приглаживая мои волосы. — Не приходи ко мне больше, хорошо? Оставь все это мне. Ничего не делай.

Я чувствую боль от его слов, словно мне в грудь воткнули нож, но утвердительно киваю.

Он целует сначала один мой глаз, из которого льются слезы, потом другой.

— Я обещаю тебе, что ты будешь моей, или я умру, бл*дь, попытаюсь это сделать.

Словно глупая дурочка я начинаю снова рыдать. Раньше я почти никогда не плакала, пока не встретила его. Теперь я сама себе напоминаю какой-то сломанный кран, из которого постоянно текут слезы.

— Ш-ш-ш... моя дорогая.

— Я не хочу, чтобы ты умер, — всхлипывая произношу я.

— Мы все когда-нибудь умрем. В итоге, все равно за нами придет смерть. Мне не страшно умереть за тебя.

— Мой отец...

— Я не боюсь твоего отца. У меня припрятан туз в рукаве.

Я перестаю плакать и во все глаза смотрю на него.

— Правда? Какой?

Он улыбается.

— Ты серьезно думаешь, что я скажу тебе?

— Но дай мне хотя бы какую-то подсказку, что это может быть?

— Нет.

Приезжает такси, и он выходит проводить меня на улицу. У открытой двери такси, наши пальцы задерживаются. В свете фонарей его лицо выглядит грустным и отстраненным. Мы оба знаем, что эта встреча может быть последней. Я целую его в щеку. Его кожа такая горячая, но я чувствую колючую щетину. Я вдыхаю его запах в последний раз и, закрыв глаза, отворачиваюсь. Слезы опять льются сами собой.

<https://www.youtube.com/watch?v=Ak7kedzR8bg>

Десять зеленых бутылок

Я оставляю бабушку на кухне после того, как насладилась с ней чаем, просовываю ноги в туфли и иду к лестнице, взбираясь вверх по две ступеньки за раз. В доме мрачно и тихо, отец все еще спит.

Я открываю дверь в свою комнату. Не знаю почему, но тут же все поняла, видно до сих пор была не в себе... то есть я была настолько глупой, что у меня даже в мыслях не было, что может настолько ужасное произойти... я думала, что Сергей, завернутый в свою подстилку, крепко спит, поэтому даже не отреагировала, когда вошла в комнату.

Я все еще продолжаю думать, что он спит, пока иду в его сторону. Хотя воздух внутри комнаты имеет странный запах — сладковато металлический. Остановившись над ним, мой разум упорно отказывается верить в то, что я вижу.

Но потом приходит осознание реальности, и у меня подкашиваются ноги. У меня такое чувство, словно я ушла с головой под воду. Я не слышу ничего, мои конечности двигаются сами собой, словно в замедленной съемке, падая перед ним на колени.

Словно в замедленном фильме, я протягиваю руку, хватаю край подстилки и приподнимаю, и в этот момент мое оцепенение заканчивается, видно я вынырываю из глубины. С воплем ужаса я падаю на задницу. В безумии, я встаю на четвереньки, быстро перебирая ногами и руками, как слабоумное четвероногое животное, ударившись спиной о стену, прижимаюсь к ней. Я тяжело дышу через раз, вжавшись спиной в стену, не в состоянии отвести глаз от моего прекрасного, такого *красивого обезглавленного мальчика*.

Кто-то зашел ко мне в комнату и убил моего ребенка!

Отрубив ему голову.

Его голова отделена от тела, лежит рядом с его хвостом, такое мог проделать только, однозначно, больной монстр. Это самое ужасное зрелище, которое я когда-либо видела за свою жизнь. Медленно я подползаю к обездвиженному телу Сергея.

— Прости, — шепчу я. — Мне очень жаль. Я не хотела оставлять тебя, но не могла... Я так тебя люблю.

Я подползаю к его лежанке и глажу его шерсть. На ощупь шерсть стала жесткой и холодной. Я вздрагиваю от этого ощущения. Сергей мертв уже давно.

Должно быть он страдал.

Может он даже испугался.

Обращаю внимание на что-то завернутое в бумагу А4 формата, лежащую у него на теле. Я беру это в руки. Внутри одна из тех крошечных магнитофонных кассет, которую используют боссы, чтобы на диктовать своим секретарям задания. Я читаю записку. Всего лишь три коротких слова, которые превращают мое сердце в кусок льда:

«Один за другим»

В оцепенении я нажимаю кнопку воспроизведения на кассете и слышу детскую песню «Десять зеленых бутылок» [\[5\]](#). На самом деле, песня невинная, но сейчас она мне кажется

жуткой, словно предупреждение. Это самое большое оскорбление — слушать песню, глядя на изувеченное тело Сергея. Я хватаю кассету и со всей силы бросаю ее об стену, она рассыпается на кусочки, из нее вылетает магнитная лента, упав совсем близко к вкусняшкам, которые я оставила.

Он так и не съел их.

Руки сами собой сжимаются в кулаки от беспомощности.

Я подхожу к кровати на полусогнутых ногах и стаскиваю одеяло. Складываю его в четверо и кладу рядом с неподвижным не маленьким телом Сергея. Встав на колени, я пытаюсь перенести его на новое место. В первую очередь его отрубленную голову с запекшейся кровью. Мои руки тут же окрашиваются в темно-красный.

Аккуратно я укладываю его голову, затем приподнимаю тело. Мертвый он стал гораздо тяжелее, и я кряхтя, приподнимаю его. После того как я его переместила, мне стало легче, я ложусь рядом с ним, соединив две его половинки.

— Прости. Прости меня. Прости, — снова и снова шепчу я, обнимая его холодное, окоченевшее тело. Чувство вины — ужасно. Меня не было здесь, и я не смогла защитить его. В это время я занималась своим делами, хотя мне следовало быть с ним рядом. Если бы я оставила его с бабой. Я даже не думала об этом, вернее я подумала, что он может залаять, когда я позвоню или поднимет шум и разбудит папу.

Поэтому я оставила его у себя в спальне.

Должно быть, он предчувствовал. Неудивительно, что он скулил и плакал, когда я уходила. Но я все-таки оставила его. Я закрываю глаза, от сожаления и от горечи сжимаю зубы.

Я целую его в макушку. Я целую его закрытые веки, я хватаюсь за его изящные окровавленные, маленькие лапки. Подушечки всегда были такими мягкими и теплыми. А сейчас жесткие, грубые и холодные. Его нос касается моих губ, он сухой, не мокрый, в нем нет жизни.

Я сажусь и смотрю на него сверху вниз. Я не верю, что такое могло случиться. Этого просто не может быть. Моя голова совершенно пустая, словно вакуумная. Это моя вина. Бедный Сергей. Я накрываю его труп простыней и открываю окно.

Свежий утренний воздух врывается в комнату.

Я вспоминаю, как гуляла с ним по парку, как он лизал мне лицо. Я вспоминаю, как он, будучи щенком прятался под кровать, когда первый раз услышал раскат грома, и как я взяла его на руки и подошла к окну, показывая, что это всего лишь гроза. У меня нет слез. Я слишком потрясена, наверное, поэтому чувствую себя оцепеневшей, все эмоции куда-то пропали. Даже гнев на моего отца.

Я думаю об отце. Как он мог? Ведь это он купил мне Сергея и принес его домой. Несмотря на то, что Сергей всегда не любил его.

Я сижу в своей комнате, сгорбившись от шока и ужаса, а потом слышу, как ба поднимается вверх по лестнице ко мне в комнату. Я бегу к лестничной площадке, она останавливается, занеся ногу на следующую ступеньку.

— Что с тобой? — спрашивает она, видя мою окровавленную одежду и руки.

— Сергей мертв, — отвечаю я.

Ее реакция мгновенная от шока. Она побледнела, сделалась белой как полотно, и видно у нее подогнулись колени, потому что она с силой ухватила за перила, чтобы не упасть. Она с болью прикрывает глаза. Я несусь вниз по ступенькам и хватаю ее за руку.

— Все хорошо, ба. Все хорошо, — постоянно повторяю я, когда кладу голову ей на грудь, но она хватает меня за руку и спрашивает:

— Как это произошло?

Я отрицательно качаю головой.

— Покажи мне его, — внезапно настойчиво требует она.

Я энергично опять отрицательно качаю головой.

— Нет, не смотри на него, баба.

— Он у тебя в комнате?

Я киваю, потому что чувствую, будто меня душат, я не могу произнести ни единого слова. Странно, но пока я стою, прижавшись к ба, часть меня не верит, что Сергей, на самом деле, мертв. Мне кажется, будто это кошмарный сон, и я вот-вот должна проснуться, и эта ошибка будет исправлена. Моя голова отказывается понимать, что все это реально. Он не может оставить меня и умереть. Я до конца не верю, мне кажется, что если я сейчас отведу бабу в свою спальню, то не увижу свою любимую собаку, расчлененную на две части и завернутую в простыню.

Ба поднимается вверх по лестнице, ее лицо — маска, я следую за ней.

Я отступаю в сторону, как только она открывает дверь, и несколько секунд она просто стоит в дверях. Затем подходит к покрытому тканью телу, я захожу и закрываю дверь. В комнате очень холодно, потому что я забыла закрыть окно. Я опускаю взгляд на простынь, на которой проступают пятна крови.

Это не мой Сергей под ней. Он ушел.

Я вижу, как ба с трудом присаживается на корточки и приподнимает простынь. Она молча глубоко вздыхает и опускает ее. А потом переводит на меня глаза. Ее глаза совершенно пустые, лицо по-прежнему каменная маска. Я никогда раньше не видела у своей бабушки такого взгляда.

— Мой сын — монстр.

Я молчу. У меня начинает щипать глаза от слез, першит горло, будто насыпали в него песка.

— Скажи мне, если я смогу тебе чем-то помочь, — говорит она.

Я с трудом сглатываю. У меня словно в живот падают камни.

— Давай, похороним его.

<https://www.youtube.com/watch?v=RgKAFK5djSk>

До скорой встречи

Боюсь, окончательно раскваситься после того, как предложила бабушке устроить похороны Сергея. Но я оказалась в кровати, рыдая, как ребенок. Ба все устроила. В течение часа доставили белый гроб для ее питомца, которого она хотела похоронить. У гроба на крышке выгравированный крест и атласная подкладка. Она положила к Сергею его любимые игрушки и одеяло. Она заказала цветы — белые розы. Она пригласила наш обслуживающий персонал присутствовать на похоронах.

Мы все встретились под яблоней. Небо постепенно становится черным, как уголь, видно приближается сильная гроза. Садовник Джон вырыл яму. Честно, я не могу на нее смотреть, до сих пор не веря, пребывая в шоке. Миниатюрная полька горничная, помогающая шеф-повару у нас в доме, выглядит напуганной. Она нервно все время озирается по сторонам.

Баба и я одеваемся во все черное. Я держу в руке платочек, прикрывая мой готовый разразиться рыданиями рот, когда ба произносит небольшую молитву. Я более или менее прихожу в себя, когда все бросают на крышку гроба по кому земли.

Поэтому наклоняюсь и бросаю первый ком земли на его гроб.

— Мой дорогой, Сергей, прошу тебя прости меня. Прости. Прости меня, что я не смогла защитить тебя, — тихо шепчу я. — Знаю, я обещала, что не буду плакать и воспряну духом, всеми фибрами души я стараюсь взять себя в руки, но не могу вынести свое горе. — Не переживай, мы обязательно встретимся снова, — говорю я, поднимаясь и отступая назад. Я чувствую, как кто-то обнимает меня за спину.

— Не проливай зря слез, Таша. Любовь вечна. Он по-прежнему будет любить тебя, независимо от того, где ты находишься, — говорит ба, но ее голос для меня звучит неискренне.

Бросив горсть земли, баба встает рядом со мной и крепко обнимает меня за талию, уводя с этого места.

Я позволяю ей повести меня назад в дом. У двери она останавливается и протягивает руку. Она хочет забрать мой платок, в который я плакала. Таков наш обычай — выбрасывать использованные платки после похорон. Своеобразный способ напомнить живущим, что после похорон становится легче, и не стоит нести страдания в свое будущее.

На автомате я кладу свой носовой платок в ее руку.

— Мы выпьем чаю? — спрашивает меня ба, убирая оба наших платка в целлофановый пакет.

Я отрицательно качаю головой.

— Мне хочется немного полежать, — отвечаю я.

Она улыбается мне в ответ.

— Да. Возможно, тебе следует вздремнуть. Я разбужу тебя через пару часиков к обеду.

Я не осознаю, что киваю ей в ответ, когда вхожу в дом. В доме так тихо, не как обычно. Я чувствую, как по мне проходит странный холодок из-за гробового молчания. Я

поднимаюсь в свою комнату.

Пока меня не было кто-то убрался здесь. Я нигде не вижу лежанки Сергея и в воздухе витает запах освежителя воздуха. Я подхожу к окну и вижу, как Джон крутится у могилы Сергея. Он выкопал могилу на штык лопаты. Я вижу, как он хватается за свою поясницу, а потом садится под дерево, закуривая сигарету. Его жизнь кажется простой и незамысловатой.

Никогда больше я не увижу глаз Сергея...

Слезы заволакивают мне глаза, я отворачиваюсь от окна и подхожу к кровати. У меня такое чувство, словно я стала полой, словно у меня нет внутренностей. Похороны Сергея разбили мое сердце и дух, раньше такого никогда не было. Я любила Сергея, как часть самую себя. Он всегда был на моей стороне перед другими, за исключением тех редких моментов, когда не мог отчего то меня уберечь. Сейчас я словно нахожусь в каком-то забытье.

Такое ощущение, словно я до сих пор сплю.

Разве это может не быть сном, если в один момент мой теплый и живой друг взял и ушел? Навсегда. Я не могу его увидеть или дотронуться до него, не могу услышать его лай, ничего не могу. Все живущие думают, что живут реальной жизнью, будто она в мгновение ока не может превратиться в ничто?

Это было вопиющей наглостью предполагать, что я смогла бы удержать всех своих близких от горя. Какое грандиозное самомнение. Должно быть, мой отец теперь потешается надо мной. Я верила, я была уверена, что смогу выиграть этот раунд, что смогу разрулить ситуацию. Я предполагала, что моя мама, ба, Сергей, даже папа и Ной — одна большая счастливая семья. Какой же дурой я была. Одним жестоким жестким ударом отец доказал мне всю разницу. Я недооценивала его.

Ужасно.

Мой отец не знает, что такое любовь, но обладает даром манипулировать любовью других людей. Он видит к чему тянется сердце другого человека, чувствует его самые уязвимые места и бьет именно туда. Да, он забрал моего любимого Сергея, но я знаю, что Сергей умер по-прежнему любя меня, также как и я его.

Раздается тихий стук в мою дверь.

Я подхожу и открываю, за порогом стоит Росита.

— Ваш отец хочет, чтобы вы присоединились к нему внизу за обедом, — сообщает она.

— Спасибо, Росита. Скажи, что я спущусь через минуту, — говорю я и закрываю перед ней дверь. Оказывается, он дома, я не знала об этом.

Я прислоняюсь к двери, чувствуя себя оцепеневшей, у меня нет даже сил выяснить у Роситы, зачем мой отец хочет, чтобы я присоединилась к нему во время обеда. Он желает позлорадствовать? Или напугать меня? Или он всего лишь хочет пообедать со мной, потому что считает убийство Сергея второстепенным?

Я выпрямляюсь, открываю дверь и спускаюсь вниз в столовую. По пути я встречаю одного из его охранников. Он кивает мне, я автоматически киваю в ответ.

Я открываю двери столовой, отец поднимает голову и улыбается. Глядя на него в данную минуту, нельзя даже предположить, что он послал кого-то ко мне в спальню, чтобы убить мою любимую собаку для того, чтобы проучить, чтобы я, наконец-то, поняла насколько он серьезен в своих словах. Я не улыбаюсь ему в ответ, просто молча смотрю на него. Если честно, я в шоке от того, что за все эти годы так и не узнала его до конца, что он

за человек.

Он опускает вилку с ножом.

— Заходи, — добродушно приглашает он, продолжая жевать.

Я продолжаю стоять в дверях, не двигаясь.

Он улыбается.

— Не обманывайся моим дружеским тоном по поводу моего приглашения, я приказываю тебе войти сюда.

Я медленно захожу в комнату. У меня отчаянно чешется правая ладонь. Я с остервенением начинаю почесывать ее левой рукой.

— Подойди ближе, — мурлычет он. — Чего ты боишься?

Я делаю еще несколько шагов в направлении него.

Он встает из-за стола, и наклонившись, поднимает картонную коробку. У меня на лице вероятно написан абсолютный ужас и отвращение, потому что я вижу перед собой щенка добермана. У меня глаза чуть ли не вываливаются из орбит. *Этого не может быть.* Щенок точно такого же возраста, как Сергей, когда он принес его мне домой.

Я медленно перевожу на него взгляд.

— Это тебе подарок, — говорит он, протягивая его в мою сторону.

Я озадаченно поглядываю на него. Я была уверена, что мой отец — чудовище, но он не чудовище. Он монстр, у которого вообще отсутствуют чувства. Мама была права. Мой отец не знает, что такое чувства и эмоции. Всего лишь пару часов назад он обезглавил мою любимую собаку, а теперь протягивает мне другого щенка. Тем самым он хочет показать, что может забрать у меня любимого, вернуть другого, которого потом тоже может забрать, как только я к нему привяжусь. На самом деле, мой отец — больной урод. Только человек, который не знает, что такое любовь, способен на такое. Он опять протягивает мне щенка, чтобы я взяла его.

Я делаю шаг назад.

— Я не хочу его, — произношу я.

Он хмурится.

— Если ты не согласишься его забрать, мне придется попросить наш персонал его утопить.

У меня отвисает челюсть, он делает шаг в мою сторону, щенок извивается в его протянутой руке. Я забираю его к себе. Он такой маленькой, мягкий и теплый, у меня появляются слезы на глазах, готовые вот-вот пролиться.

Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы он не успел их заметить и выбегаю из комнаты. Я останавливаюсь на минуту в фойе. Розита на карачках моет мраморные ступени. Я подхожу к ней.

Щенок пытается залаять, но у него еще плохо получается. Мое сердце плачет от его лая, потому что точно также делал и Сергей, когда был в его возрасте. Бедный щенок, он не в чем не виноват. Фактически, он ничего не сделал, но я не могу даже смотреть на него. Мое сердце разбито. Я протягиваю его Розите.

— Пожалуйста, прошу тебя, не могла бы ты забрать и позаботиться о нем.

Она растерянно с удивлением смотрит на меня, но забирает щенка. Я вытираю руки о бока своего платья.

— Спасибо, Розита, — выдыхаю и бегу наверх.

Оказавшись в своей комнате, я падаю на кровать и у меня вырываются рыдания. Из-за

рыданий я даже не слышу, как открывается дверь, только чувствую, когда ба садится на постель и гладит меня по голове.

— Я ненавижу его, — всхлипываю я. — Я ненавижу его всеми фибрами своей души.

Баба молчит, а потом начинает петь старинную русскую песню, которую она пела мне, когда я была совсем маленькой и не могла долго заснуть.

<https://www.youtube.com/watch?v=N6voHeEa3ig>

Гангстерский рай

Они поджидали меня в темноте. Удар пришелся в район чуть выше уха, и от неожиданности мой мозг зарегистрировал его как глухой удар, но на самом деле, такой удар не захочет получить никто.

Наповал. К такому удару невозможно подготовиться, сколько бы не тренировался.

К нему очень подходит выражение «оглушающий». Я один раз получил такой удар во время тренировки, когда открылся и готовился к нападению, поэтому прекрасно знаю, как это дерьмо может вывести из строя.

Буквально через несколько секунд, ты теряешь всю координацию. Взгляд становится размытым, мир кружится, я теряю контроль над ногами, поскольку подкашиваются колени, превратившись в желе. Я падаю вниз, и единственное, что вижу перед глазами вымощенный тротуар. Если я ударюсь головой, для меня наступит темнота и тишина. И может быть навсегда.

— Бл*дь, — кричу я, пытаюсь выставить перед собой руки, чтобы смягчить падение.

Я всегда думал, что мой конец будет кровавым. Если ты живешь с клинком, то ты и умрешь от этого же дерьма. Это неписанное правило, но оно хорошо работает. Так всегда было и так всегда будет. Даже время, проведенное в тюрьме, ничего не изменило, только дало временную передышку до того, как тебя завалят. Выбор невелик — пуля в голову или нож в живот в темном переулке.

Да, теперь я оказался именно в такой ситуации, не стоило парковаться в темном переулке, следовало использовать нормальную парковку перед тренажерным залом, да, идея действительно, плохая. Беспечная. Легкомысленная. Зейн был прав. Пока я буду, как джентльмен искать решение проблемы, ее отец, бл*дь, подойдет кого-нибудь, чтобы меня прикончить.

И я услышал здравую мысль у себя в голове: *«Возьми себя в руки Ной, если бы они хотели тебя убить, то уже бы прикончили! Но ты все еще дышишь».*

— Бл*дь, убери ствол. Ты что, еб*нулся? Достань свой чертовый нож и искромсай его. Босс сказал, сделать фарш из его лица. И поторопись, — я слышу мужской голос, который с отвращением выплевывает слова.

Итак, вот в какую игру они хотят сыграть. Благодаря их словам, я получил четкое сообщение от отца невесты: раз ты трахаешь мою дочь, я оставлю тебя, чтобы ты до конца своих дней цеплялся за жизнь и навсегда остался уродом, не смог спокойно показываться среди нормальных людей. С такой стратегией не поспоришь. У нее есть еще одно дополнительное преимущество — отлично охладит девичий пыл.

Я слышу звук раскрываемого лезвия. Звук, как электрический шок для своего мозга. Этот звук заставляет меня собраться и мобилизоваться. Да, они вооружены, но я убью этих ублюдков по одному, кто посмел мне заявить, что я не могу быть со своей женщиной.

Прежде чем я сделаю последний вдох, уверен, что оплачу дружественный визит,

который этот грязный извращенец, ее отец, выбрал для нее. Одна мысль об этом, заставляет мой адреналин закипеть, пробиваясь сквозь туман в голове и устремляясь в кровь. Их всего лишь трое.

Я смогу с ними справиться.

Мой взгляд начинает проясняться, я вижу их ноги в брюках, двоих из них, и мясистые пальцы, играющие с лезвием. Я не смотрю на их лица.

«Поднимайся Ной, мать твою, вставай сейчас же».

— Готов к бесплатной пластической хирургии, любовничек? — насмехается он.

Я сгруппировался и со всей силой, какая у меня была, мощно двинул ему по голени, на самом деле, это слабое место. Жаль, что на мне не было армейских ботинок, но я все равно слышу хруст кости. Для моих ушей это прекрасная музыка. Он падает на землю, заливаясь криком, как девчонка.

Один готов.

Я вовремя вскакиваю на ноги, поскольку двое из них бросаются ко мне. Один огромный, как кирпичный дом, другой высокий, но худой. У него шрам на шеи. Глядя на них, у меня закрадывается мысль, что они, наверное, из Чечни. Жестокие, безжалостные убийцы.

*Х*й вам.*

*Х*й тебе, Никита.*

Каждый нерв в теле, словно объят огнем, я уворачиваюсь от ножа высокого парня, ныряя под удар. Слышится свист лезвия по воздуху, я со всей силы ударяю его в солнечное сплетение. Он летит, паря, а потом, задыхаясь, со свистом падает в агонии на землю, как мешок картошки.

Безжалостный убийца во мне берет верх.

Я выбиваю нож из его руки, и наклоняюсь над его выгнутом телом, у меня не единой мысли о милосердии, я запрокидываю его голову назад и заканчиваю свою работу. Я перерезал ему горло от уха до уха. Горячая кровь стекает у меня по руке. Он издает булькающие хрипы, последний раз вздыхает и все.

Двое. Я разжимаю пальцы и нож с глухим стуком падает на землю.

Остался еще один, но он их босс. Его следует остерегаться.

Прежде чем я успеваю повернуться, он делает выпад, сильно ударяя меня по ребрам. Выбивая весь воздух из легких. Другой бы удрал, но не я. Я собираю последние силы и выпрямляюсь, он снова идет на меня. Он похож на гору, но ловкость на моей стороне. Я уворачиваюсь от его выпада и локтем ударю его в лицо, превратив его нос в кровавое месиво.

Он инстинктивно прикрывает лицо руками, но прежде, чем успеет очухаться от боли, я хватаю его обеими руками за правое запястье и коленом двигаю в пах. С почти беззвучным стоном от ослепляющей боли он валится на землю всей своей огромной массой. В мгновение ока, я падаю на тело, оседлав его.

Он понимает свою ошибку и начинает изо всех сил молотить руками по воздуху, пытаясь меня ударить. Он сильнее меня за счет своего веса, поэтому я вгоняю нож ему в грудь. Его глаза расширяются, и он глухо, медленно вздыхает. Появляется струйка крови у него изо рта. Я сижу на нем, тяжело дыша и вижу, как жизнь медленно уходит из его глаз. Мне казалось, что больше я никогда не увижу, как жизнь покидает тело еще одного человека от моих рук, но Таша того стоит. Я бы убил сотню, таких как он, ради нее.

Я медленно поворачиваю голову и смотрю на нападающего с переломом голени. Он все

еще лежит на земле, у него разорвана плоть и торчит кость, он смотрит на меня выпученными глазами. Быстро я обшариваю карманы убитого, нахожу мобильный. Я просматриваю контакты, глубоко вздыхаю, этот парень наблюдает за моими действиями со смесью ненависти и страха.

Я сую ему мобильник в лицо.

— Позвони своему боссу.

Он смотрит на меня секунду или две не моргая.

— Позвони ему или присоединишься к своим друзьям в аду.

Он оглядывается на своих мертвых товарищей, взвешивает ситуацию и сипит:

— Вы можете меня тоже убить. Я все равно буду мертв, если появлюсь перед ним. — Я недооценил его. Он хорошо знает правила. Он предпочитает рискнуть со мной, нежели с Никитой.

Я нажимаю на кнопку и подношу телефон к уху.

— Что? — лает отец Таши.

— Никита, ты теряешь хватку.

Наступает пауза, потом он говорит. Его голос звучит даже лаково и спокойно, хотя я знаю, что он в ярости.

— Ну, хорошо, не ожидал услышать тебя, Ной.

— Должно быть стареешь, Никита, отправляя молокососов делать мужскую работу.

— Послушай ты, маленький выскочка-босяк. Еще раз увижу тебя близко со своей дочерью, и я, мать твою, самолично тебя убью.

От его слов я начинаю смеяться, я даже не могу себе представить, чтобы он самолично пошел на мокрое дело.

— Посмотрим потом, как ты будешь смеяться, когда твой рот наполнят бетоном.

— Ну, если бы я был на твоём месте, я бы перестал бы фантазировать и разобрался бы с более насущными проблемами, которые могут у тебя возникнуть. Например, с чего бы вдруг к тебе нагрянут копы и выставят тебе определенные обвинения.

Я буквально слышу, как у него начинают ворочаться шестеренки в мозгу.

— Ты должен на меня молиться, что я не умер, а жив, здоров. Потому что копы в случае моей смерти тут же получают USB с указанием точных денежных средств, которые тянутся к сделкам с наркотиками. Помнишь Хаммурапи?

Он молчит, но я даже через трубку чувствую, что он в шоке. Зейн и я сделали копии его счетов очень давно, и мы сохранили всю эту информацию для подстраховки. Никогда не знаешь, когда тебе могут понадобиться такие вещи.

— Я очень скоро встречу с тобой, Никита, — говорю я и вешаю трубку.

Я поворачиваюсь к парню, лежащему на земле.

— Пожалуйста, прошу вас, не убивайте меня, — умоляет он. — Я ничего против вас не имею. У нас был приказ. Простите.

Конечно, он сожалеет, что ввязался со мной в игру. Сожалеет, что я возвышаюсь над ним, и его друзья мертвы и не могут ему помочь, и ему жаль, что у него сломана нога и он не может от меня убежать.

Я чувствую, как адреналин утихает, переставая будоражить мою кровь, пока я стою над ним с ножом в руке. Он со страхом смотрит на меня, свернувшись, как ребенок, хныкая, умоляя о пощаде. Действуй!

— Ты солдат и знал, на что шел, — говорю я ему.

Я сжимаю ручку ножа. Но не могу убить хладнокровно раненого, беспомощного человека. Во всяком случае, он более ценен живым, чем мертвым.

— Я оставлю тебя в живых, чтобы ты смог передать сообщение своему боссу.

Он отчаянно кивает.

— Скажи ему, что Таша Эванофф принадлежит мне, и я убью каждого, кто встанет между нами.

Я хватаю его за шею, прижав его голову к своей груди. И медленно провожу острием по его щеке, от уха ко рту. Как только лезвие разрывает его плоть, он начинает орать от боли. Его вопль разносится эхом по темному пустому переулку. Закончив, я отшвырнул его от себя, он рухнул на землю у моих ног.

— Запомни, — рычу я. — Если когда-нибудь я снова увижу тебя — убью.

Я отхожу от него, вытаскиваю платок из кармана пиджака, чтобы вытереть ручку и лезвие ножа, убрав свои отпечатки пальцев. И вижу ярко-красное пятно, расплывающееся сбоку и понизу живота.

Я оказался недостаточно ловким. Меня пырнули ножом, и выглядит все чертовски плохо. Я бросаю нож на асфальт и пытаюсь пойти вперед, но ноги не слушаются меня. Сделав пару шагов, я с трудом дышу. Во мне бушевал адреналин и страх, поэтому я не почувствовал боли, но сейчас адски больно. Поморщившись, я пытаюсь пройти еще вперед.

Мне всего лишь нужно добраться до машины.

Мне стоит позвонить Зейну. Я опускаю руку в карман пиджака, пытаюсь вытащить мой телефон, и мать твою, бл*дь, рука не подчиняется команде мозга. Я не хочу оставаться здесь, когда придут парни Никиты. Жизнь не стоит того, чтобы жить в аду. Что мне теперь делать? Глубоко вздохнув, мне кажется, будто я проглотил огонь, я упираюсь в стену и стараюсь двигаться вдоль стены, но жизнь быстро утекает из меня.

Еще двадцать шагов, Ной.

Ты сможешь их сделать.

Давай.

Я вспоминаю Ташу, ее теплую улыбку. Я хочу жить. Мне необходимо жить. Бл*ть, я не собираюсь...

Давай, Ной.

Но передо мной появляется голубое небо, светит яркое солнце, под нами океан, я вижу Ташу. «Видишь, Ной. Мы летим», — кричит она.

Не в состоянии устоять на ногах, я оседаю на асфальт. Я поднимаю глаза вверх и вижу ночное небо. Звезды светят так красиво. Все по-прежнему. Появляется лицо бабушки, которая сверху смотрит на меня. Она зовет меня. Затем я слышу шаги, которые становятся все ближе и громче.

Надо мной появляется другое лицо, размытое, словно парит. Голубые глаза. Самые голубые глаза, какие я когда-либо видел. Видно это один из ангелов, которым все время молилась моя бабушка. Он пришел, чтобы забрать меня к ней.

Ох, Таша. Я не хочу умирать, не сейчас, я столько мечтал о нас двоих, но я не могу остаться. Они пришли за мной.

Я люблю тебя...

<https://www.youtube.com/watch?v=xwtdhWltSIg>

Потеряв свою веру

На следующий день я несколько раз звоню Ною, но его телефон не отвечает в течение дня и даже ночью. Я стараюсь не волноваться и не думать ни о чем плохом. Возможно, у него села батарея. Может, он потерял свой телефон. Но сердце говорит, что это не так. Он никогда не стал бы выключать телефон на целый день. Никогда. И тем более не сейчас.

Я с американским акцентом называю таксисту его клуб Matrix, изображая из себя жену Александра Маленкова, Далию. Менеджеру я заявляю, что мне необходимо поговорить с Ноем, но он говорит, что ничего не слышал от него со вчерашнего вечера. И ему кажется это странным, потому что Ной не говорил, что собирается куда-то уехать и все в таком духе.

— Я скажу ему, чтобы он вам позвонил, как только появится, — говорит он мне.

— Нет. Не надо, — быстро отвечаю я. — Я позвоню ему сама завтра.

Я сижу дома в своей спальне, раздумывая. Я думаю об открывающихся передо мной перспективах. Я тщательно продумываю все свои шаги. Я дотошно изучаю положительный сценарий и отрицательный. Я перечисляю все, что планирую совершить, а потом составлю список, что может пойти не так при каждом моем шаге. Потом я думаю о том, что может пойти не так, когда я все же осуществлю свой план.

В восемь вечера я иду ужинать и веду себя вполне нормально. После ужина я отправляюсь в комнату ба и рассказываю ей все, что хочу сделать. Шаг за шагом. Она молча меня выслушивает. Когда я заканчиваю, она с нежностью кладет руку мне на голову. Я понимаю, этот жест — ее благословение. Я беру ее руку и целую.

Позднее, когда все укладываются спать, баба приходит ко мне в комнату, а я убегаю из дома, взобравшись по стене. Я называю водителю такси адрес Ноя. Подъезжая к его дому, я вижу, что в окнах не горит свет. Я не показываю вида. Я уже догадывалась об этом, поэтому у меня есть план. Но я чувствую озноб, проходящий по коже. Я стараюсь не думать, что могло с ним случиться. Я готова пойти на риск, я просто хочу сдать, а потом можно и умереть.

Автомобиль останавливается. Водитель оборачивается и смотрит на меня.

У меня желудок сводит от судороги.

— Я передумала. Отвезите меня в «Рысаки».

«Рысаки» — это клуб Дмитрия Семенова. Русский стрип-клуб, расположенный на окраине города.

Сейчас, Таша. Пути назад нет.

Я понимаю, что мне придется пройти все до самого конца. В ночное время таксист доставляет меня к клубу почти со свистом, остановившись у яркого красно-золотого тента.

— Прибыли, дорогуша, — говорит он мне.

Я чувствую, что сердце начинает стучать сильнее, совершаю глубокий вдох и выхожу из машины. Я расплачиваюсь с водителем и благодарю его. Плотнo укутавшись в пальто, видно интуитивный оборонительный жест, я поворачиваюсь лицом к неоновым огням клуба.

Сделав шаг вперед, я отдаю себе полный отчет в том, что собираюсь сделать. Итак, вперед! Подняв свой подбородок и придав своей походке уверенности, я поднимаюсь по ступенькам ко входу. Три вышибала в черных костюмах наблюдают за мной с различным выражением на лице — плотоядно, заинтересованно и невыразительно.

Я была остановлена большой ладонью невыразительного, который преградил мне путь.

— Стриптизерши в другую дверь, — говорит он с ярко выраженным русским акцентом, показывая в сторону серой двери сбоку.

Мимо меня проходит явно состоятельный русский в замшевом пальто, у которого на каждой руке висит по блондинке, перед которым он почтительно открывает дверь.

— Я не танцую.

Плотоядно улыбающийся выходит чуть-чуть вперед.

— А зачем пришла? — спрашивает он. Он явно англичанин.

— Я пришла, чтобы увидеться с Дмитрием Семеновым.

Плотоядный парень хихикает.

— Извини, дорогуша. Даже если ты отсосешь мой член, ты не сможешь увидеться с ним.

Я надменно смотрю на него, так сделал бы мой отец.

Я даже не собираюсь реагировать на его слова, просто приказываю:

— Скажи ему, Таша Эванофф хочет с ним встретиться.

— Меня не волнует, даже если ты Королева Англии, ты не пройдешь, котенок.

— Ты сказала Эванофф? — вдруг вступает в разговор вышибала с невыразительным лицом.

— Да.

Вышибала, который смеется над своей собственной шуткой, резко замолкает.

— Ты дочь Никиты Эванофф? — недоверчиво спрашивает он.

— Точно.

— У тебя случайно нет удостоверения личности, чтобы ты смогла это доказать?

Я передаю ему свои водительские права.

Он разглядывает их несколько секунд.

— Я оставлю их у себя не на долго.

— Конечно, — холодно отвечаю я.

Он тут же отцепляет красную веревку и отходит в сторону.

— Сожалею о поведении моего коллеги, мисс Эванофф, — говорит он по-русски. — Он не знал, кто вы и не собирался причинить вам вред. Он англичанин.

— Конечно, — любезно отвечаю я.

— Может, вы хотели бы выпить, пока я сообщу боссу, что вы хотите встретиться с ним.

— Благодарю вас, нет, — говорю я.

Пока я следую за невыразительным лицом, слышу как грубый хвостун задает вопрос: «Кто, черт возьми, такой Никита Эванофф?»

Я не слышу его ответа.

— Пожалуйста, подождите здесь, — говорит вышибала и исчезает в темной двери.

Я оглядываюсь вокруг. Раньше я никогда не была в стрип-клубе. Есть что-то грустное, отчаявшееся в отношении между женщинами и мужчинами здесь. Они как бы двигаются навстречу друг другу, как магниты, но во главе всего стоят деньги. Я наблюдаю за женщиной на шесте.

— Пройдите сюда, пожалуйста, — говорит вышибала мне над ухом.

Я следую за ним, и мы идем в тишине по темному коридору, звуки наших шагов отдаются по деревянному полу, создавая жуткое впечатление. Я чувствую, как от страха у меня перехватывает дыхание. В конце коридора мы поднимаемся по лестнице. Дверь открывается в большую комнату, которая по своему убранству напоминает французский дворец. Поразительное различие с самим клубом.

— Извиняюсь, но мне придется вас обыскать, — вежливо говорит он.

Я поднимаю вверх руки, а он проходитесь вниз по моему телу, по груди и по талии, двигаясь вниз к моим бедрам. Он останавливается на коленях. Он отнесся к своему заданию очень профессионально, но я чувствую себя словно замороженной, как лед.

— Все в порядке, — говорит он, открывая двойные двери, и мы входим в большую, богатую комнату.

Дмитрий Семенов сидит на длинном диване с двумя блондинками топлесс в стрингах. Они выглядят испуганными. Я думаю, что они из Украины или России. Он небрежно ласкает грудь одной из них, наблюдая за мной своими маленькими, любопытными глазками.

— Заходи, садись, Таша, — радушно приглашает он.

Затем совершенно жестко приказывает вышибале, который привел меня сюда, убираться.

У меня от удивления приподнимаются брови, он улыбается в ответ. Хитрой, ужасной улыбкой. Дрожь проходит по позвоночнику от его улыбки. Я слышала об этом человеке, что он совершенно безжалостный монстр. Но я в курсе, что кроме меня, никто так сильно ненавидит моего отца, как он, и я пришла встретиться с ним, потому что право самое древнее изречение:

«Враг моего врага — мой друг».

— Что я могу сделать для любимой и единственной дочери Никиты? — спрашивает он словно чавкая. Он с трудом скрывает свою радость, что я пришла за каким-то делом, чтобы встретиться с ним. Он отдает себе отчет, зачем может прийти дочь его врага.

— Я не хочу с тобой говорить в присутствии посторонних, — тихо отвечаю я.

Он хлопает по груди блондинку, которую только что ласкал.

— Ты слышала, что она сказала. Чего ты ждешь? — Обе женщины вскакивают и буквально выбегают из комнаты.

Он поднимает стакан с янтарной жидкостью и делает глоток.

— Итак, теперь только ты и я. Говори.

— Мне нужно нанять на день двух сильных мужчин, способных держать язык за зубами.

Он прищуривается, внимательно разглядывая меня.

— Все мои парни умеют держать язык за зубами. — Затем, чтобы быть уверенным, что он правильно все понял, он интересуется:

— Твой отец знает, что ты пришла ко мне?

Я отрицательно качаю головой.

Он медленно улыбается.

— Какими... навыками они должны обладать?

— Поднимать тяжести. Поднять, транспортировать и полностью избавиться от тяжелого груза.

Его улыбка становится еще шире.

— Знаешь ли, у меня есть свиноферма? Эти жадные твари едят все, что угодно. В России мы привыкли кормить их опилками. Естественно, они будут наслаждаться

изменением в своем рационе, также, как и другие. — В его глазах отображается жестокость.

— Во сколько мне это обойдется? — спрашиваю я.

— Для дочери Никиты Эвановф... нисколько, — торжественно заявляет он, и опять начинает радостно смеяться, понимаю, что смотрит в лицо краха своего врага.

https://www.youtube.com/watch?v=W_rZ9rHFwGY

Ты разрушил меня

Баба предлагает моему отцу поужинать вместе с нами, не я. Возможно бы, если бы приглашение исходило от меня, он мог бы что-нибудь заподозрить, но так как оно шло от ба, Баба, которая родила его и любила с тех самых пор, которая ради него готова была пройти по горящим углям, у него и мысли не возникло, что она может пригласить его на «тайную вечерю». Он, видно, предполагал, что она пытается заключить мир между нами.

Чтобы как-то укрепить его желание поужинать с нами, ба сообщает ему, что шеф-повар готовит его любимый *shashlik* из свинины, маринованный в гранатовом соке.

Он появляется в столовой улыбающийся, уверенный... счастливый. Совершенно не вспоминает о безобидной, невинной собаке, которую приказал зарезать. Для меня это не просто была собака, он был для меня моим ребенком. Он даже не мог себе предположить, насколько сильно я обожала и любила свою собаку. Я с изумлением посматриваю на него. Это мой отец. Невероятно, как ему удалось в свое время полностью промыть мне мозги и заставить принять то, что он сотворил с моей мамой.

Это было также, как любовь, которую он умышленно утаивал от меня, словно наложив на меня заклинание, чтобы единственное, чего я хотела в этой жизни, подчиняться и угождать ему. Или может мое подсознание ассимилировало, и та сцена с моей мамой выглядит лучше, чем я ее тогда поняла. Перейти черту и вышвырнуть из дома мою мать навсегда. А я осталась птицей в золоченой клетке. Я радовалась красочному миру, в котором жила, оставаясь серой изнутри.

Если бы я не набралась смелости и не пришла в офис Ноя той ночью, я все еще находилась бы под его заклинанием. Но я попробовала то, что было за пределами этой клетки. Он пересек черту, убив моего Сергея. Я никогда не прощу его за это.

Отец улыбаясь смотрит на меня.

— Ты хорошо выглядишь, *Solnyshko*.

— Спасибо, папа, — отвечаю я, опустив глаза.

Он просит нашего официанта принести две бутылки Tsimlansky Black. Баба с одобрением кивает. Сухое красное с приятным ароматом, пахнущее немного лесом, отлично подойдет к слегка поджаренному мясу, пахнущее дымком.

Вино откупорено и налито, дыхание замирает. Отец поднимает бокал и произносит тост:

— За процветание этой семьи.

Я делаю один глоток.

Он смотрит мне в глаза.

— Однажды, ты поймешь меня.

Мы смотрим друг на друга, запертые нашими взглядами. Только мы в этом вихре эмоций и не высказанных слов. Крепкие узы любви, ненависти, страха, верности, долга, обмана удерживают нас вместе, неумолимо закручиваясь вокруг нас словно вихрь. Конечно,

он понимает, что я его ребенок, отвернулась от своего отца. Невозможно, чтобы он не догадался, что его кроткая дочь и любящая мать, хотели совершить поцелуй Иуды. Я даже не могу вздохнуть под его взглядом. У меня такое чувство, словно мои легкие сейчас лопнут от нехватки воздуха.

Он отворачивается от меня и тянется за куском черного хлеба. Я медленно выдыхаю, пытаюсь держать себя в руках. Я еще раз бросаю взгляд на его покрасневшее лицо, нет, он ни о чем не догадывается. Мы для него всего лишь шахматные фигуры на доске. Его самомнение не позволяет ему поверить, что мы в состоянии подхватить свои собственные юбки и двигаться самостоятельно или передвинуть другие фигуры.

Разливают вино и вносят еду. Не только *shashlik*, но *kulebyaka* ^[6], блины, оладьи, студень с мясом, паштет из утки с огурцом, два типа *ukhas* ^[7]. Каждое блюдо сделано с особой тщательностью и красиво украшено.

Как мне удастся, не знаю, но я ем. Баба тоже ест. Потом отец отрывается от еды, чтобы принять телефонный звонок, я тут же бросаю взгляд на ба, и у меня сердце замирает. В это мгновение она выглядит так, будто передумала и не может заставить себя выполнить наш план, но потом она заставляет себя улыбнуться. Я с таким облегчением выдыхаю, понимая, что видя сейчас отца за столом таким очаровательным, она не передумала.

Прибывает десерт, шоколадный мусс самый любимый папин. К нему подается сладкое венгерское вино «Токай», наши бокалы наполняются.

Чем больше вина наливается, тем больше звучит тостов.

Ба обращается к папе:

— Где есть любовь, там нет греха, — говорит она. Мы выпиваем.

Он снова наполняет наши бокалы.

— За любовь, — говорит папа, протягивая свой бокал, чтобы чекнуться со своей матерью.

— За длинную жизнь, — говорю я, и мы опустошаем наши бокалы. Алкоголь обжигает мне горло.

Я наблюдаю за ним, как он ест мусс. Он получает удовольствие и не замечает привкус таблетки, которую я ему подложила, ее мне дал Дмитрий. Я боялась, что он почувствует, но он съел и выпил столько, что его обоняние значительно притупилось. Когда надают кофе, у отца начинает заплетаться язык. Ба просит одного из слуг помочь отвести отца в комнату.

Большинство слуг уже начали расходиться, отправляясь по домам.

Я иду к себе в комнату, переодеваюсь в джинсы, футболку и толстый свитер, на ноги обуваю кроссовки.

10.15 вечера: время действовать. Сейчас из сотрудников только два охранника у входа и, конечно же, рыщут собаки. Менее чем через час, все станции службы безопасности — сзади, спереди и по бокам, будет снова полностью укомплектованы.

10.20 вечера: я выхожу и зову собак. Я привожу их в кладовку, где оставила мясо после нашего обеда. Как только я закрываю собак, разбираюсь с камерой, застопорив ее доской, чтобы она не смогла перемещаться на сто восемьдесят градусов. Скорее всего маловероятно, что мужчины на гауптвахте заметят, что камера перестала вращаться. Если они это обнаружат, мой план провалиться.

Я выжидаю.

10.30: я перебрасываю веревочную лестницу через стену. Мужчины, которых мне предоставил Дмитрий, Кири и Васлав, одетые во все черное, молча перелезают через стену.

Я убираю веревочную лестницу. Я указываю на палку, удерживающую камеру от движения, и один из них убирает ее. Мы быстро прошмыгнули в темную кухню и убираем веревочную лестницу и палку в черный пакет.

10.34: я веду их в комнату отца и вижу, как они делают инъекцию более сильного успокоительного. Затем они несут его вниз по лестнице. Останавливаются у двери и поджидают меня.

10.40: я подхожу к кладовке и выпускаю собак.

10.45: сначала я вижу собак, потом обоих охранников, затем начинает завывать сигнализация, они с пистолетами наперевес мчатся к задней двери. Сработавшая сигнализация говорит о том, что кто-то попытался пролезть в дом с заднего входа. Может быть в здании злоумышленник.

10.46: Ба вырубает электричество. Весь дом погружается в темноту. Камеры перестают работать. У меня так колотится сердце, как ненормальное, пока я бегу к машине отца, запускаю двигатель и открываю багажник. Двое выносят отца из дома. Они двигаются на удивление быстро и бесшумно, учитывая не малый вес ноши. Они засовывают его в багажник и закрывают. Васлав пытается ключом открыть электрические ворота, которые заклинило без электричества. Он поджидает нас у ворот. О, черт. Я замечаю один носок моего отца на асфальте.

— Носок, — шепчу я, показывая на дорогу.

— Черт, — сипит шепотом Кири. Он выскакивает из машины и бежит поднимать его.

— Быстрее, — говорю я, нервно поглядывая в сторону задней части дома. Вот-вот должны вернуться собаки и охранники.

— Давай быстрее, — с паникой в голосе шепчу я. Я слышу, как собаки появляются из-за дома. Они разорвут Кири на куски, если они доберутся до него. Он почти уже у машины, я нажимаю педаль и начинаю движение вперед. Раз появились собаки, значит сейчас появятся и охранники. Я молюсь про себя, чтобы они не появились раньше.

Кири заскакивает в открытую дверь автомобиля, захлопнув ее на скорости, я проезжаю через ворота. Васлав с лязгом закрывает ворота, собаки кидаются на железную изгородь, ожесточенно с остервенением лая, что даже видна пена у них на пасти. В заднее зеркало я вижу одну из собак, бегущих к тому месту, где лежал носок, она нюхает землю, учуяв след, оставленный Кири.

У меня от нервов так вспотели ладони, что скользят по рулю. Я вытираю их о джинсы, медленно двигаясь по дороге, чтобы Васлав успел запрыгнуть в машину. Проехав квартал, я остановилась и набираю телефон ба.

10.59: — Все в порядке? — спрашиваю я.

— Не беспокойся, детка. Я говорила с охранниками. Видимо, тревога оказалось ложной. По-видимому, произошло перенапряжение в сети и электричество вырубилось. Но сейчас уже все в порядке.

Я вздыхаю с облегчением и дрожащими руками снова запускаю двигатель.

У меня странное, почти сюрреалистическое чувство, что я смогла победить безжалостную систему безопасности главы мафии, хотя ради справедливости к мафиози, нужно сказать, что я имела неоспоримое преимущество. Он ни за что не мог бы предположить, создавая свою непревзойденную систему безопасности, что его предаст его же собственная семья.

Мой отец спит, как младенец, в багажнике автомобиля, готовый принять свой последний путь на этой земле, не чувствуя страха и сожаления. На самом деле, я ничего не чувствую. Даже злости. Мой отец забрал у меня все, что я любила и что мне было дорого. Я не позволяла в данный момент ни на секунду останавливаться на Ное. Потеря его для меня была слишком велика и слишком глубока. Не думаю, что я смогу примириться с этой мыслью, что он исчез также, как и Сергей. Ушел в никуда. Нет, сейчас я не могу об этом думать, только не сейчас, я попытаюсь справиться с этим позже, когда буду в состоянии.

Я направляю все свое внимание на дорогу, мы направляемся к рабочей окраине города, где я была только однажды. Тогда мне было шестнадцать. Я сидела в машине с отцом и внимательно слушала, как он говорил запомнить наизусть этот маршрут. *«Это наш безопасный дом. Только ты и я знаем о нем. Даже ба не знает».*

— Если когда-нибудь возникнут какие-то проблемы, я хочу, чтобы ты приехала сюда и ждала, пока я не приду за тобой.

Интересный, странный и закрученный поворот судьбы — дом, предназначенный быть безопасным местом для него и меня, в конечном итоге, окажется самым небезопасным местом для него.

Поскольку темно, то все вокруг выглядят несколько по-другому, нежели при свете дня, но один за другим меняются кварталы. Мост. Заправка Shell. Станции метро Vauxhall. Парковка NCP. Железнодорожный переезд. Плакучие ивы на парковке Seven-Eleven. Микрорайон муниципальных домов.

Мужчины молчат. Почти через час я замечаю ряд складских промышленных зданий. Этот район плохо освещен, кажется заброшенным и очень темным. Отец выбрал его именно поэтому, это место трудно найти, если ты не знаешь правильного направления. Оно неизвестно многим. Вид вызывает депрессию, здесь живут бедные люди. Мы проезжаем мимо стаи собак, сгруппировавшихся у каких-то ящиков, нищих, ночующих тут же на открытом воздухе, и группы малолеток, выпивающих и курящих.

Дорога плохая, вся в рытвинах и ухабах, я еду медленно, проезжая мимо главного входа в промышленное здание, огибая его с другой стороны. Лучше меньше привлекать к себе внимания. Я с тревогой вглядываюсь в лобовое стекло. Все эти окна в здании выглядят настолько похожими в темноте. Дмитрий сказал транквилизатор будет действовать три часа, прошло уже полтора, я начинаю переживать, что прежде чем мы занесем отца в здание, он уже проснется.

— Вот оно, — объявляю я с облегчением, заметив узкий дверной проем. Я лезу в карман за ключом, который дал мне отец и беру фонарик, которыйхватила с собой.

Я говорю мужчинам подождать в машине, осветив фарами входную дверь. Тяжелый замок покрыт ржавчиной, и я молюсь про себя, чтобы смогла его открыть. Немного повертев

ключом, к счастью, у меня получается. Мне приходится надавить плечом на дверь, чтобы она поддалась, а затем я делаю шаг внутрь. Я свечу фонариком, а правой рукой стараюсь нащарить выключатель.

Да!

Браво папа. Ты оплатил счет.

Свет тускловатый, но нормальный, чтобы я смогла найти дверь в подвал, которую он сказал, была практически звуконепроницаемой. Я заметила ее в дальнем конце склада. Дверь была заперта, но нашла подходящий ключ в своей связке. Внутри пахнет сыростью и затхлостью. Я освещаю помещение фонариком, слева от двери нахожу выключатель. Я нажимаю на него.

Здесь жуткая тишина. Сделав несколько шагов вперед, чуть не кричу от ужаса, когда обо что-то спотыкаюсь, тьфу, крыса. Паутина оседает мне на волосы, вызывая дрожь по всему моему позвоночнику. Очевидно, никто не был здесь в течение длительного времени. Я оглядываю комнату, она такая же, как я ее запомнила. Здесь есть холодильник, шкаф, кровать, стулья, стол. Все, что вам может понадобиться для недельного пребывания.

Я выхожу обратно на улицу и приказываю мужчинам вытащить его. Пока они вытаскивают моего отца из багажника, я забираю рюкзак, который вечером заранее положила в машину.

Я вижу, как безвольно болтаются руки отца, пока один из парней, подхватывает его под подмышки. Затем они проходят с ним через дверь. Оказавшись внутри, они прислоняют его спящего к деревянной балке.

— Что вы хотите с ним сделать? — спрашивает Кири.

— Сюда, — говорю я, направляясь к маленькой лестнице. Я смотрю на них через плечо, как они опускают его на спину на ступеньки и спускаются вместе с ним. Тело отца пересчитывает все ступеньки. Честно говоря, их грубое обращение с ним приводит меня в ужас, и тут я вспоминаю, что, наверное, сама сошла с ума, раз затеяла все это.

— Куда дальше? — спрашивает Кири, стоя рядом с телом моего отца. Его голос звучит громко, эхом отражаясь от стен.

Я снова осматриваю холодную бетонную комнату.

— Усадите его на стул и крепко свяжите. Вертки в рюкзаке, — указываю я.

— Хорошо, мисс Эвановф.

Я смотрю на отца, как он спит на стуле, и вдруг у меня поднимаются нежные чувства к нему. Это мой отец. Что я делаю? Я сжимаю рукой горло и вспоминаю, что он сделал с Сергеем. И с моим Ноем. Это не мой отец. Этот человек-незнакомец. *Не обманывай себя, Таша. За этим мирно спящим лицом скрывается сердце злого монстра.*

— Вы уверены, что он надежно связан? Руки и ноги? — интересуюсь я.

— Да, он может двигать только головой, так что не подходите слишком близко, — отвечает мне Васлав.

Я покрываюсь гусиной кожей от страха, потом с трудом сглатываю.

— Хорошо, — говорю я им. — Вы можете выйти, я напишу вам, когда придет время.

— Вы будете чувствовать себя в порядке, оставшись одна? — спрашивает Васлав.

Я смотрю непонимающе на него. Я определенно не ожидала беспокойства от одного из хладнокровных убийц Димитрия.

— Да, да, со мной все будет хорошо. Спасибо.

Он кивает.

— Мы будем ждать вашего сообщения, чтобы вернуться и все сделать.

Мое сердце клокочет в горле, пока я наблюдаю, как они поднимаются по ступенькам и прислушиваюсь к их шагам по верхнему этажу склада, входная дверь за ними закрывается.

В этом угнетающем и жутком месте, мой план кажется нелепым и глупым. Я не могу себе даже представить, что смогу убить своего собственного отца. О чем я вообще думала?

Мне стоило попросить одного из них, чтобы он сделал эту работу.

Я могу их вернуть, но это было бы трусостью с моей стороны. Я должна это сделать сама. Я хочу, чтобы отец понял, почему я пошла на этот шаг. Я хочу посмотреть ему в глаза и сказать, что своими действиями он причинил мне слишком много боли. Он даже не дал Ною шанс. Он просто стер его из моей жизни. Просто так. Как будто он был всего лишь плод моего воображения. Теперь Ной никогда не узнает, как сильно я его любила. Я чувствую себя теряющей разум и хлюпающей носом, отвернувшись от лестницы и думая о том, позволить кому-то другому сделать мою грязную работу за меня.

Я передвигаю кресло напротив отца, и сажусь выжидая, когда он проснется.

Около часа я сижу как под гипнозом, наверное, выгляжу немного обезумевшей со стороны. Да, сходящей с ума от горя. Как только он открывает глаза, я мне хочется его убить. Разве кто-нибудь из моих друзей мог бы себе представить, даже в своих самых смелых фантазиях, что я маленькая тихая, послушная дочь, сижу здесь, замысливая убийство? Но я уже здесь. Наверное, когда я увидела мертвого Сергея, я немного свихнулась от горя. И я по-прежнему невменяемая.

Как только он начинает просыпаться, у меня стучит пульс, словно молоток, я выпрямляюсь в кресле. У него подрагивают веки и губы. Потом он чуть больше открывает глаза, но взгляд еще затуманенный. Он моргает пару раз и трясет головой. Мне кажется, что у него пересохло во рту, потому что он несколько раз облизывает губы и сглатывает. Возможно, у него ломит все тело, когда двое парней тащили его как грушу, пересчитывая им все ступеньки, потому что он морщится.

У него расширяются глаза, он пытается подняться или принять какое-то другое положение, но понимает, что не может двигаться. Неожиданно, до него доходит убийственный сигнал тревоги. Его глаза сужаются, превратившись в узкие щелочки, сначала он смотрит на меня, а потом его взгляд становится более испуганным, когда он видит странную комнату, в которой вдруг оказался. Он бросает взгляд на веревки, которыми привязан к стулу. Он пытается высвободиться, но ненадолго, до него доходит, что он не может освободиться.

— Что происходит, Таша? Почему я связан? — требует он ответа.

— Попробуй угадать, папа.

Он хмурится, внезапно что-то припоминая.

— Ты усыпила меня. — Затем его голос меняется. — Кто здесь еще? — опять требует он ответа.

— Мы одни, папа. Только ты и я, также, когда мы вместе ходили поесть мороженое или ходили в кино.

— Что за глупости ты говоришь? — строго спрашивает он. Сонливость полностью исчезает из его взгляда, сейчас он в ярости, я никогда не видела его таким. У него даже лицо

покраснело от гнева.

Я отрицательно качаю головой. Даже в такой момент мой отец ни на дюйм не смягчился.

— Кто тебя надоумил? — задет он вопрос.

— Ты, папа.

Он прищурившись смотрит на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Хорошо, что ты спросил, потому что я давно хотела тебе сказать. Я никогда не говорила тебе, насколько мне было больно, когда ты выгнал маму из дома и не позволил мне видиться с ней. Все эти годы ты заставлял меня скрываться и лгать, сбегая на встречи с мамой, мы прятались с ней в туалете. Ты лишил меня матери, — кричу я.

Слезы начинают наполнять мои глаза, я смахиваю их.

— Я прощала тебе все, потому что любила тебя. Я успокаивала себя тем, что это не самое страшное, что может быть. Потом я рассказала тебе об этом ужасном Оливере, но тебе было все равно. Ты захотел пожертвовать мной ради своих амбиций и жадности к власти, для тебя главное статус, а не я.

— Что ты говоришь?! Я же сказал, что он не посмеет обидеть тебя, — агрессивно выпалил он.

— Ох, папа. Ты такой врун. Ты же знаешь, если бы он стал издеваться надо мной, я бы никогда не пришла к тебе и не стала бы жаловаться. Ты и так меня достаточно напугал. Я бы просто терпела, как всегда и поступала.

— Видишь. Это глупо. Все правильно. Тебе не придется выходить за него замуж. Я даю тебе слово.

— Ты думаешь, ты здесь из-за этого?

И я увидела вспышку страха в его глазах, впервые.

— А из-за чего?

— Ты подослал кого-то ко мне в спальню, чтобы убить Сергея. Он был мне как сын, папа. Он ни в чем не виноват, я любила его всем сердцем, а ты просто забрал его у меня. Как ты мог? Как ты мог совершить такое? — с рыданиями произношу я. Слезы сами катятся у меня по щекам, я реву в голос, но мне наплевать.

— *Solnyshko*, Сергей не твой сын. Сергей — собака. Когда-нибудь у тебя будет ребенок, и ты все поймешь. Ты моя дочь, моя плоть и кровь. Все, что я делал, это для твоего же блага. Мы можем забыть разногласия... и все начать сначала. Возможно, я был слишком суров с тобой. Я изменяюсь... я буду лучшим отцом. Что ты на это скажешь? — Его голос звучит мягко, ласково, он пытается меня уговорить для своих целей.

— Нельзя уже ничего изменить, ты забрал у меня единственного мужчину, которого я когда-либо желала. Я любила Ноя, папа. Я бы отдала свою жизнь за него. А я даже не получила шанса сказать ему об этом. Ты забрал у меня всех.

— *Solnyshko*, послушай, — говорит он, и в его голосе не слышится ни жалости, ни раскаяния. Он как всегда пытается мной манипулировать. Как всегда пытается все обернуть в свою сторону. Очередной трюк. Блеф. Он разговаривает так, будто я полная дурочка.

Несколько секунд я молча смотрю на его жалкие попытки достучаться до меня и найти выход из того дерьма, что он создал.

— Ты молода и красива. Ты встретишь другого, — говорит он.

Я направляюсь в сторону рюкзака, который лежит на полу и чувствую, как он

неотступно следит за мной взглядом. Я опускаюсь на колени, достаю пистолет, который получила от мужчин Димитрия и снимаю с предохранителя. Поднимаюсь на ноги и направляюсь к нему с пистолетом в руке. Какая ирония, именно отец научил меня стрелять из пистолета.

Если дождевые капли были поцелуями. Я отправил бы тебе ливень.

Если объятия были морями. Я отправил бы тебе океаны.

Если любовь была человеком, я отправил бы тебя к себе!

Шахид Аббас

— Слишком поздно уже, — тихо говорю я.

Мое сердце превратилось в кусок льда.

— Ты вредная бешеная собака. У тебя яд в крови и тебе не присущи все человеческие чувства.

Он пытается высвободиться от веревок, с силой ерзая на стуле, который скрежещет по бетонному полу, что чуть не опрокидывается. Интересно, я как будто наблюдаю за всем со стороны, видя реальный неприкрытый страх, отражающийся на его лице. Он начинает усиленно потеть. Впервые в моих руках находится власть над его жизнью.

Вдруг он перестает пытаться освободиться и берет себя в руки. Он меняет тактику, засмеявшись. Его смех звучит жестко и резко.

— Ты думаешь, это так легко отнять человеческую жизнь? На этом ничего не закончится, даже когда ты нажмешь на курок. Давай я расскажу тебе о кошмарах, которые будут преследовать тебя. Ты никуда от них не скроешься. Убив меня, ты хочешь видеть меня в своих кошмарах? Я клянусь, Таша, что буду преследовать тебя, я никогда не забуду твою неблагодарность. Я буду преследовать тебя до конца твоих дней, а когда ты умрешь, я буду поджидать тебя в аду.

У меня рука трясется, поэтому я перекладываю пистолет в другую руку, пытаюсь его удержать.

— Посмотри на себя. Дрожишь как осиновый лист. Ты не убийца. Ты не создана для этого. Так же как и твоя мать-сука. Слабовольные. Давай. Попробуй! Нажми на курок и увидишь, что произойдет. Сними розовые очки, пока полностью не обосралась, — надсмехается он надо мной.

Его слова оказывают на меня странное действие — появляется легкое головокружение. Я с трудом сглатываю и стараюсь все же сосредоточиться.

— Это за Сергея и Ноя, — отвечаю я ему, но голос звучит слабо и неуверенно по сравнению с его громким, агрессивным, наполненным угрозами.

— Прекрати это немедленно, Таша, я обещаю, что последствий не будет. Я спишу твои действия на временное помешательство, вызванное горем из-за собаки. Я даю тебе свое слово. Ты же знаешь меня. Я никогда не нарушал своего слова, да?

Я поднимаю пистолет, направив ему в грудь, палец опускаю на спусковой крючок, крепко сжимая рукоятку, пытаюсь собраться с духом.

Он снова меняет тактику.

— Ради Бога, Таша, ты не можешь застрелить своего отца. Какой будет твоя жизнь после этого? Ты хочешь, чтобы моя смерть была на твоей совести? — взывает он.

Чем больше он говорит, тем больше я соглашаюсь с ним.

Но я делаю над собой усилие, вспоминая моего бедного Сергея и Ноя, и пытаюсь

вернуть свою ненависть к отцу, но это не совсем работает... только в кино происходит все быстро. Нажать на курок — это сложно. Пот струится у меня по шеи, под подмышками тоже стало мокро. Я выпрямляюсь, закрываю глаза, но мои руки не могут удержать пистолет прямо, они очень сильно дрожат.

— Видишь, Таша, ты не убийца. Теперь послушайся своего папу и развяжи меня. Давай выбираться отсюда. Мы же семья. А что скажет баба, если узнает, что ты сотворила? Ты же разобьешь ей сердце. — В его голосе слышится надежда, и лицо уже не перекошено гримасой страха. Он думает, что сильнее меня. Он думает, что он знает меня лучше, на какие чувства стоит нажать, чтобы выиграть.

И в этот момент я понимаю, что *смогу спустить* курок. И я также понимаю, что сделаю этого не из-за желания отомстить. У меня даже нет сил злиться на него. Сергея и Ноя уже не вернуть, даже если я убью его. Я хочу нажать на курок, потому что такой человек, как он не должен ходить по земле. Я даже не собираюсь ему говорить, что ба спланировала это вместе со мной. Без ее помощи я никогда бы не смогла осуществить убийство и не попасться.

Возможно, он прав. Я была настолько погружена в свой план, что совсем упустила из виду — реальное убийство требует много сил. Я вдруг ловлю себя на мысли, что запуталась в водовороте всех своих эмоций, и чувствую, как моя решимость ускользает.

— Подумай, что ты делаешь, Таша. Неужели ты думаешь, что не будет расследования? Неужели ты думаешь, что не оставила за собой улики? Ты хочешь провести остаток жизни в тюрьме? Там очень любят блондинок, таких девушек, как ты. Ты хочешь там стать чьей-то сучкой? Именно этого ты хочешь? Ведь у тебя больше не будет походов по салонам и магазинам, а также праздников, а про собаку ты вообще можешь забыть. Единственной собакой будешь ты. Неблагодарная маленькая сучка, обслуживающая жестких, закоренелых преступников. Ты будешь просто дыркой всю оставшуюся свою жизнь. Как тебе такая жизнь, а?

У меня бегут слезы по щекам. Я делаю большой вдох. Я смогу это сделать. Мне необходимо все завершить. Неважно, что случится потом, но здесь и сейчас я должна поставить точки над «і», потому что иначе не только я понесу наказание, но также мама и ба.

Матерясь, он улыбается, оскалив зубы.

— Хватит. Не заставляй меня еще больше сердиться на тебя. Я твой отец. Я приказываю тебе развязать меня сейчас же, — нетерпеливо лает он, как будто может контролировать ситуацию. И когда я поднимаю взгляд к его глазам, понимаю, что развязать его не могу. Он не успокоится, пока не отомстит полностью, абсолютной мстостью. Я понимаю, что смогу и должна выстрелить, поэтому снова нацеливаю на него свой пистолет.

— Прости, папа. Я не могу тебя развязать. Все кончено. Неважно, что случится со мной потом, тебе не выйти из этой комнаты на своих двоих.

Выражение его лица внезапно меняется. Он начинает плакать. Я, на самом деле, вижу, как огромные слезы катятся из его глаз. Мой отец отменный актер.

— Прости меня, *Solnyshko*. Мне очень жаль. Ты права. Я был ужасным отцом. Я умоляю тебя. Пожалуйста. Пощади меня. Ты добрая и хорошая. Ты не можешь этого сделать, потому что ты — ангел. Ты никогда не сможешь выстрелить в беспомощного человека. Я знаю, что не сможешь. Ты добрая и нежная, чуткая. Помнишь, как ты спасла шмеля? Помнишь, как ты нашла его на полу, подобрала и поила его сладкой водой из ладони, пока он не улетел. Вот ты какая на самом деле. А не та, как сейчас. Таша, ты преподавала мне отличный урок,

который я никогда не забуду. Ты сделала меня лучше.

О, Боже. Я не могу. Я просто... мои руки так сильно трясутся.

— Заткнись, — кричу я.

Мне нужно посчитать до десяти. Я смогу это сделать. Я должна. Десять, девять, восемь, семь, шесть... мои руки все еще дрожат, но уже поменьше. Я опускаю палец на спусковой крючок и закрываю глаза.

— Проооошуууу, — умоляет отец. На этот раз он реально рыдает.

Слезы вместе с соплями текут у меня по лицу. Я открываю рот от немого крика, медленно опуская палец на курок.

— Ты прав, Никита, она не сможет этого сделать, но я смогу.

Я резко распахиваю глаза, с трудом пытаюсь понять своим ошалевшем и растерянным мозгом, что происходит и вижу своего отца с маленькой дырочкой во лбу. Моментальная и тихая смерть, но я не нажала на курок!

Я заторможено поворачиваю голову в сторону, и у меня отпадает челюсть от шока.

— Ты... живой!

Два дня ранее

Я склоняюсь над мужчиной, его рука инстинктивно тянется ко мне, схватив за запястье. Он умирает в узком переулке, но видно, что он боец. В его руке еще чувствуется сила.

— Кто ты? — спрашивает он.

— Я врач.

Он отпускает руку и хватается за мою рубашку.

— Не позволяй им причинить ей боль, — бормочет он.

Затем его глаза тускнеют, и он теряет сознание. Я обращаю внимание на его рубашку, пропитанную кровью, и вижу рану. Очень плохо. Кровь сочится из нее, как из родника. Я также вижу его татуировки, которые доказывают, что он из русской мафии. Как только я прикрываю руками его рану, обращаю внимание на мужчину, которые ползет к нам по земле. Его лицо искажено гримасой боли, у него сломана нога. Позади я замечаю два трупа.

— Это не то, что ты думаешь, — говорит он. Он шепелявит, и его слова становятся шипящими. — Не вмешивайся. Это может быть опасно для тебя. Мои люди уже в пути. Ты лучше беги отсюда, красавчик, причем быстро, если хочешь остаться живым.

Я бросаю взгляд на мужчину без сознания. Он уложил их всех. Это означает, что он смертельный боец, но если я не предприму никаких действий, чтобы остановить кровотечение, он умрет. Я опять поворачиваюсь к парню, ползущему по земле. Только мне не хватало еще ввязаться в какие-нибудь разборки с русской мафией. Моя машина находится всего лишь в нескольких шагах отсюда. Если я вмешаюсь, они явно выследят меня потом. Я снова бросаю взгляд на рану мужчины. Первое правило медицины: не навреди.

А, черт с тобой!

Я перевожу взгляд на парня, подбирающегося ко мне.

— Я советую тебе остановиться прямо там. Не приближайся.

Он останавливается и издает странный звук. По-видимому, он матерится по-русски.

— Ты что глупый, чувак? Целая вооруженная бригада движется сюда. Я видел тебя, и даже если ты убьешь меня, на этой улице имеются камеры слежения. По ним тебя будет легко вычислить. Они придут за тобой. Ты же теперь ходячий мертвец. Он все равно уже почти умер.

— Да, Бога ради. Оставайся там, где находишься или мне придется убить тебя самому.

Он смотрит на меня, выпучив глаза с недоверия.

— Этот человек для тебя ничто. Ты вообще его не знаешь. Ты знаешь, что он наемный убийца? Он убил многих. Он не хороший человек. Ты хочешь, чтобы тебя грохнули из-за него? Ты готов отдать за него свою жизнь?

Я опять бросаю взгляд на раненого. Его внешность таит опасность, и я вполне могу поверить, что он может быть наемным убийцей. У него накаченное тело, но несмотря на то, что он умирает, он попросил спасти женщину. Я все-таки воспользуюсь шансом.

— Ты совершаешь огромную ошибку, — шепеляво говорит мне парень.

— Заткнись. — Я снимаю пиджак и быстро срываю с себя рубашку.

— Ты дурак. Клянусь, мои люди скоро придут за тобой.

— Еще одно слово и мой ботинок заткнет твой рот окончательно.

Я разрываю рубашку на широкие полосы, связывая их вместе, сооружая длинный бинт. Я оглядываюсь по сторонам переулка. Вижу черную водопроводную трубу. Я бегу к ней. Моя догадка оказалась правильной. На ней есть паутина.

Я выхватываю свою кредитную карту из бумажника и быстро, насколько могу, собираю паутину под трубой в руку. Потом приподнимаю на ладони все белые нити паутины карточкой, чтобы они все оказались на ней.

Опустившись на колено, я прижимаю карточку стороной с собранной паутиной к его ране. Шелковые нити паутины способствует остановке кровотечения и ускоряют заживление ран. Я узнал эту маленькую хитрость у старого африканского целителя. Плотнo прижав карту к ране, я крепко обвязываю бинтом из рубашки вокруг груди, завязав концы.

Я вижу, как он сглатывает. Пульс еще слабый, но стабильный.

Я оглядываюсь вокруг, пока братков не видно. У меня все получится. Я накрываю раненого пиджаком и направляюсь к машине, открываю переднюю пассажирскую дверь и раскладываю сиденье вниз. Несусь обратно к нему. Подхватив под подмышки, осторожно сажаю его в вертикальное положение. Затем всем своим телом выступаю как опора, чтобы поддержать его вес, пока я поднимаюсь вместе с ним на ноги. Мы стоим, я глубоко выдыхаю.

Он крупный парень и мой следующий шаг должен быть очень быстрым.

Ухватившись за его правую руку, я подныриваю под нее, оказавшись перед ним, главное, чтобы он меня не завалил своим весом. Не отпуская его запястья, я немного сгибаю колени, перенеся его вес себе на спину и на плечи.

Я ощущаю себя более или менее устойчиво, поэтому бегом быстро насколько могу с такой тяжестью рвусь к своему автомобилю. Я понимаю, что в любой момент могут появиться соотечественники другого парня, я совершенно не в настроении с ними встречаться, разбираться с кучей бандитов с ножами и пистолетами.

— Ты не уйдешь с ним далеко, — угрожает мне парень, лежащий на земле. Но в его голосе слышится обреченность. На самом деле, парень, черт побери, боится реакции того, кто заказал убийство.

Положив мужчину на переднее сиденье, я чувствую, как по телу струится пот, несмотря на то, что ночи стоят довольно-таки холодными в середине октября. Я закрываю дверь и запрыгиваю на место водителя. Как только выезжаю из переулка, вижу отморожков в черном «Мерсе».

Я сразу же понимаю, что это они, один из них опустил окно и выставил руку. Только слепой мог не заметить татуировки на его руке. Наши машины равняются. Одного взгляда достаточно, чтобы сказать, за милую жизнь можно определить, что они настоящие бандиты и отморозки — лица жесткие, и они выглядят злыми, как черти.

Молодец, Джек. Ты, разминулся с ним всего лишь на несколько секунд.

Настоящее время

<https://www.youtube.com/watch?v=IDpnjE1LUvE>

Где растут дикие розы

Замороженная, она смотрит на меня, ее глазах огромные, я никогда не видел их такими. Такими уязвимыми. Такими детскими. Она находилась всего лишь в одном шаге, чтобы стать убийцей. Если бы я затормозил на секунду, она бы спустила курок и прекраснейшая, чистейшая женщина, которую я знаю, была бы замарана кровью навсегда. В оцепенении она вытирает нос тыльной стороной ладони.

— Я бы сделала это, — говорит она странным шепотом.

— Такой грех не для тебя, — отвечаю я.

Ее губы дрожат.

— Но он не должен быть на тебе.

Я улыбаюсь.

— Если мне придется попасть за это в ад, пусть так и будет.

Новые слезы появляются в ее глазах и сбегает по побледневшим щекам.

— Если ты попадешь в ад, я тоже пойду с тобой, — всхлипывает она.

— Тебе там не понравится. Там слишком жарко и дьявол солгал, сказав, что там есть мороженое.

Она окидывает меня беспокойным взглядом. Она еще не пришла в себя, до сих пор пребывая в шоке.

— Я думала, ты умер.

— Мне захотелось еще пожить. Посмотреть, как ты будешь обустривать наш дом. Возможно, в Ницце. Может быть, с парой детишек.

Она пытается улыбнуться, но ее эмоции зашкаливают, поэтому получается гримаса, а не улыбка. Она вдруг начинает клониться в сторону, словно ее перестали держать ноги, и я ловлю ее в свои объятия. Это движение отражается ох*ительной болью у меня в ребрах. Бл*дь. Я чувствую, как у меня на лбу проступает пот, пока удерживаю ее дрожащее тело. Она со страхом хватается за воротник моей куртки, посматривая на меня с тревогой.

— О! Боже мой! Тебе больно, — плачет она, отодвигаясь от меня. Паника эхом отражается о стены подвала.

— Ничего страшного, — отмахиваюсь я.

Она дрожащими руками опускает молнию на моей куртке. И прикрывает рот руками.

— О, Боже, у тебя бинты пропитались кровью, — восклицает она. Наверное, открылась рана из-за спешки, которую я устроил, чтобы добраться сюда.

— Что, черт возьми, происходит Ной?

— Эй, все не так уж и плохо, как кажется. Мне просто нужно сменить повязку, и я буду в порядке, — говорю я спокойным тоном.

У меня такое чувство, будто я вижу, как утонченный выросший в тепличных условиях цветок превращается в дикую алую розу, выросшую среди жестоких людей, которые захотели выдернуть ее шипы и сорвать. Я наблюдаю за этой трансформацией с благоговейным трепетом. Эта женщина никогда не перестанет меня удивлять.

— Нет, ты не в порядке, Ной, у тебя кровотечение. Неудивительно, что ты такой бледный. Нам нужно срочно отвезти тебя в больницу.

— Я не поеду в больницу. Меня ждет врач, чтобы перевязать.

— Как ты сюда попал?

— Я приехал на машине.

Она рассеянно кивает, раздумывая о чем-то. Потом отклоняет назад голову.

— Как ты меня нашел?

— Ты дала адрес своей бабушке. Я позвонил ей.

Нахмурившись, она снова кивает.

— Ты не жил у себя дома, да?

— Нет.

— Ты скрывался в другом месте, где безопасно?

— Точно. Я остановился у цыган ирландцев.

— Цыган ирландцев?

— Это долгая история. Я расскажу тебе, когда у нас будет время.

— Хорошо. Ты уверен, что сможешь добраться на машине назад?

— Таша. Остановись. Я никуда не уеду без тебя. Я останусь здесь. Я позвоню своим людям. Первое, что мы должны сделать, это избавиться от тела, потом отвезти тебя домой и придумать правдивую историю.

Она отрицательно качает головой.

— В этом нет необходимости. Я уже все подготовила и у меня есть правдивая история.

— Ты? — Я смотрю на нее с нескрываемым удивлением.

— Ты же не будешь грабить банк, не имея плана побега? — спрашивает она.

Я улыбаюсь, она меня не перестает поражать, я горжусь ей.

— Расскажи мне свой план.

— Ладно. Прежде всего, я встретила с Димитрием Семеновым.

Я присвистнул от восхищения. Димитрий Семенов. Самый злейший враг человека, который был ее отцом. Он, должно быть, наложил в штаны, когда увидел Ташу, но когда понял, что она решила совершить...

— Он дал мне двух своих мужчин. Они помогли мне привезти па... его сюда, и они собираются уничтожить автомобиль и тело. Мне нужно им позвонить. Они должны были посадить меня в городе, чтобы я взяла такси, но раз ты здесь, то можешь меня отвезти назад.

Я хмурюсь.

— Ладно, значит они избавятся от тела и машины. Что потом?

— Я надену черный парик. Ты посадишь меня у первого свободного такси. Оно остановится за два квартала от моего дома. Я побегу к забору, позвоню бабушке. Она перебросит веревочную лестницу. Я поднимусь по ней и буду дома, притворившись, что всю ночь провела в своей постели. Завтра утром, когда мы встанем и все поймут, что мой отец исчез, мы позвоним в полицию.

Я хмурюсь.

— Но твой отец установил одну из лучших охранных систем с камерами по всему дому,

а также у вас есть четыре охранника, дежурившие день и ночь. Как ты прошла мимо охраны? И камеры не засекли тебя за рулем машины твоего отца?

Она объясняет, как ба, Кири и Васлав проделали это.

Если честно, я несказанно впечатлен. Не плохо для маленькой девочки, которая выросла в тепличных условиях, но я не могу успокоиться до конца, чтобы не спросить ее о самом главном.

— Что ты скажешь завтра полиции?

— Я скажу, что после ужина папа отправился спать к себе в комнату, и это был последний раз, когда я его видела. Я очень крепко спала ночью и ничего не слышала.

— Ты уверена, что тебя нет на видео?

— Сто процентов.

Я внимательно смотрю ей в глаза, потом перевожу взгляд на труп. Может у нее действительно получится все это проверить?

— А как насчет камер на улицах, которые могли заснять твою поездку сюда?

— Сегодня вечером я прокралась в гараж и поменяла номера.

— Что насчет телефонных звонков, которые ты совершила этим вечером?

— Одноразовый мобильный, который я выброшу в мусорный бак.

Я киваю с одобрением.

— Не беспокойся, Ной. Я очень тщательно все спланировала.

— Я могу все сделать намного проще. Я могу устроить ложное похищение. И тебе не придется рисковать, все будет совсем по-другому.

— Нет, — отвечает она, и ее голос звучит уверенно и спокойно. — Я не хочу, чтобы кто-то другой брал вину за его убийство. На самом деле, мне жаль, что я оказалась слишком трусливой, чтобы спустить курок, и это сделал ты. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось из-за меня. Если ты попадешь в ад, я тоже хочу оказаться там, несмотря на то, есть там мороженое или нет.

— Хорошо. Мы должны двигаться. Давай.

Она выуживает из кармана мобильный и нажимает кнопку.

— Сделано, — говорит она в микрофон. Потом убирает телефон обратно в карман. — У меня к тебе столько вопросов, но они могут подождать. Однако, есть кое-что очень важное, что я должна тебе сейчас сказать. — Она замолкает, прочищая горло.

— Если что-то пойдет не так, после сегодняшнего вечера, я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя, Ной. Я люблю тебя больше, чем свою жизнь.

Я беру ее прекрасное лицо в свои ладони.

— Ничего с тобой не случится. Я не доверю тебя какому-то водителю такси. Я позвоню Сэму и попрошу его тебя отвезти. Он высадит тебя в начале твоей улицы и подождет, пока ты не перелезешь по лестнице через забор.

Одинокая слеза катится у нее из глаза. Я смахиваю ее.

— И только в случае, если со мной что-то случится, и я не успею тебе сказать, хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя, Таша. Я люблю тебя, как никогда никого не любил за всю свою жизнь. Я готов умереть за тебя, моя девочка.

<https://www.youtube.com/watch?v=-n-2lPzH7Do>

Енак ^[8]

Я прячу веревочную лестницу и иду на кухню. Баба сидит за столом перед ней стоит обычный чай. Ее лицо бледное и печальное, я не видела ее такой.

— Он... умер?

Я утвердительно киваю.

Она закрывает глаза и сглатывает, пытаясь вернуть контроль над эмоциями.

Я опускаюсь на колени рядом с ней и беру ее руку в свои. Несмотря на то, что я пришла с холода, ее руки ледяные.

Она открывает глаза и кивает.

— Ты все сделала, моя девочка. Ты сделала все правильно. — Ее голос срывается на последнем слове, и я обнимаю ее за шею.

— Это была не я. Я слишком боялась. Я не смогла нажать на курок.

Призрак улыбки появляется на ее губах.

— Я рада, что это была не ты. Ребенок не должен убивать своего собственного отца, даже если он настоящее чудовище.

— Ной все сделал.

— Так он успел к тебе приехать. Как он?

— Он ранен, но живой.

— Где он сейчас?

— Не знаю подробностей, но где-то скрывается у цыган ирландцев.

Она рассеянно кивает.

— Где сейчас твой отец?

— Они забрали его тело.

Она сильно сжимает губы, превращая в одну тонкую линию.

— Чтобы избавиться от него?

— Я не знаю. Я не спрашивала, но они сказали, что его никогда не найдут. — Я не рассказываю ей о свиноферме и жадных свиньях.

Она смотрит на пол.

— Неужели он... страдал?

— Нет. Все произошло мгновенно. Одна пуля.

— Он сердился на меня?

Я глажу ее по волосам.

— Он умер, так и не узнав, что ты мне помогала.

Сильные рыдания начинают сотрясать ее тело. У нее так неудержимо дрожат руки, что мне становится страшно за ее состояние.

— О, баба, — беспомощно шепчу я. — Пожалуйста, не рыдай так. Тебе станет плохо.

Она предпринимает попытку успокоиться, но слезы все равно продолжают непрерывно течь по щекам.

— Прости меня, ба. Я заставила тебя выбирать между мной и им.

— Ты не заставила, детка. Я сделала этот выбор сама.

— Мне хотелось бы, чтобы был какой-то другой выход.

— Другого выхода не было. Ты думаешь, если бы был другой выход, я не воспользовалась бы им? Он мой сын, моя плоть и кровь. Я вынашивала его в своем животе девять месяцев. Девять месяцев. Я никогда не рассказывала тебе, когда он родился он был хилым и слишком мелким, вечно плакал от коликов. Он мог плакать несколько часов подряд, его отца это очень раздражало, поэтому я укутывала его тепло и в середине ночи садилась с ним в саду. Я часами сидела на морозе, тряся его, пока он не уставал плакать и не засыпал.

Она всхлипывает.

— А однажды я не смогла встать, у меня ноги так замерзли, что я не могла ими сделать и шагу. Когда ему исполнилось четыре, у него началось воспаление роговицы глаза, и врач сказал, что он может ослепнуть. Каждый день я водила его в церковь. Я вставала на колени и молилась за него, чтобы он был зрячим. Когда он стал старше, я снова молилась, стоя на коленях о прощении за страшные дела, которые он творил. Я просила Бога, чтобы он показал его сердцу путь к покаянию. Большую часть своей жизни я молюсь за него, но я никогда не чувствовала, что приношу какую-то жертву. Я так его любила. Он был моей жизнью, моим сердцем, моей душой.

— Прости, ба.

Она грустно улыбается.

— Однажды, когда он был еще мальчишкой и озорничал, я сказала ему: «Так значит, ты решил мне отплатить за то, что я девять месяцев вынашивала тебя?» Знаешь, что он мне ответил?

Я отрицательно качаю головой.

— Он сказал: «Скажи мне, сколько ты хочешь получить за эти девять месяцев, и я заплачу. Тогда мне не придется выслушивать до конца твоих дней, как ты вынашивала меня». Ему было всего семь с половиной лет, но мне тогда уже стоило об этом задуматься. Ничего путного не выйдет из ребенка, который не проявляет никакой благодарности.

Я с грустью смотрю на бабушку. Я не знаю какие нужно подобрать слова, чтобы утешить ее. Ее любовь к моему отцу была огромной, намного больше, чем мне казалось.

— Что теперь будет? — спрашивает она.

— Я подам заявление в полицию, что папа исчез. Мы все, включая маму, будем помогать расследованию и отвечать на вопросы, но так как никто из нас ничего не знает, мы не сильно им поможем.

— А как быть с этим домом и слугами? — спрашивает она.

— Конечно, еще некоторое время мы будем жить в этом доме. Потом я перееду к Нюю, а через пару месяцев и ты переедешь к нам. Мне не нужно состояние отца, поэтому я не буду объявлять его умершим. Пусть с этим разбираются юристы, когда придет время. Ты поела, ба? — спрашиваю я.

— Нет. Я не голодна.

— Я слышала, что тебя вывернуло в ванной комнате, когда ты пришла к себе.

— Да, — признается она. — Из меня вышло все, что я съела за ужином.

— Я собираюсь сделать суп из сухих грибов с перловкой, не хочешь попробовать, а?

Она утвердительно кивает.

— Я сейчас.

Я вытаскиваю аккумулятор из мобильного телефона, который выброшу позднее. Иду в кладовую, чтобы найти продукты для супа. Я стою у плиты, ба подходит ко мне и начинает мне помогать.

Я улыбаюсь ей, пока мы готовим вместе, наполняя кухню густыми запахами из прошлого бабы.

Накормив ба, я помогаю ей подняться в ее спальню, потом выхожу за дверь, и расправив плечи, направляюсь в комнату своего отца, которая на первый взгляд выглядит довольно-таки странно. Я останавливаюсь на пороге, ставни закрыты и в комнате темно. Пару секунд я так и стою в дверях, чувствуя раскаяние. Я забрала жизнь человека. Несмотря на то, что я не нажала на курок, именно я все подстроила, и в конце концов, была на волосок, чтобы нажать на курок.

Мой отец был прав — теперь я никогда не буду прежней.

Но мне удастся стряхнуть с себя ужасное чувство беспокойства и нажать на выключатель.

Тут же перед моим взором встает смятая кровать, на которой четко видны контуры его тела, когда его вытаскивали из нее. Мне следует побыстрее смыться отсюда, пока обслуживающий персонал не успел появиться. Я натягиваю резиновые перчатки, подхожу к кровати и провожу по простыням и одеялу, словно он сам проснулся и поднялся.

Затем я кладу его бумажник, ремень, зажим для денег и его ботинки в мешок для грязного белья. Я бросаю последний взгляд на его комнату и выключаю свет, направляясь в свою. Я снимаю с себя одежду и кладу ее вместе с ботинками в этот же мешок, спрятав его в моем сейфе. Позже я все сожгу.

Потом я иду в душ.

И стоя под каскадом теплой воды, я ощущаю себя также странно — это происходит не со мной. Мой отец мертв. Сергей мертв. Ной признался, что любит меня. Моя бабушка опустошена от потери. Ной жив и здоров, а я стала убийцей.

После душа я спускаюсь на кухню.

— Где Розита? — спрашиваю я шеф-повара.

— Думаю, она в прачечной, — отвечает он.

Я устремляюсь вниз на цокольный этаж, и вижу ее глядящей простыни.

Она широко улыбается мне.

— Ты сегодня рано.

— Нет, не рано, — виновато говорю я, останавливаясь перед ней. — Я много выпила вчера вечером и спала как убитая. Проснулась с головной болью, но слава Богу, мне стало легче от теплого душа.

Розита вежливо улыбается.

— Эй, где сейчас находится щенок, которого я дала тебе вчера?

Ее улыбка внезапно становится намного шире, показывая прекрасные зубы.

— Пошли. Это хорошо, что вы пришли забрать его к себе. Он настолько непослушный, что не дает ничего делать, когда находится рядом, — говорит она и ведет меня в глубь коридора.

Я молча иду за ней, пока не оказываюсь перед клеткой с бедным щенком в подвале. Он сидит и с любопытством посматривает на меня. Я открываю дверцу клетки и беру его на руки. Он тут же впадает в такой восторг, что начинает лизать мне лицо своим крошечным язычком.

— Прости, здесь нет твоей вины. Ты отличный маленький мальчик, — говорю я, целуя

его в пушистые уши.

Я беру его с собой наверх в комнату бабы.

Он никогда не сможет занять место Сергея в моем сердце, но он явно заслуживает лучшего, чем сидеть в клетке в подвале. Когда-нибудь я полюблю его.

Я опускаю его на пол в комнате ба. Он как сумасшедший начинает бегать по полу. Именно так делал и Сергей.

Я поднимаю взгляд на бабу.

— Если ты не будешь возражать, я хотела бы назвать его Ники. Это подарок отца нам. Этот щенок лучшее, что смог оставить нам отец.

Я жду до 2 часов дня, когда для всех нас — слуг и членов семьи, становится очевидным, что отец пропал. Что-то не так. Тогда я звоню Оливеру. Он долго не берет трубку, и я уже хочу оставить ему сообщение, когда он, наконец, подходит к телефону.

— Привет, Таша, — говорит он. Сейчас мне кажется совершенно невероятным, что раньше я собиралась выйти за него замуж и жить с ним вместе. Должно быть, я тогда была другим человеком. Совсем не жила.

— Оливер, я звоню, чтобы сообщить тебе плохие новости — мой отец пропал.

— Что значит пропал?

— Он уехал на своей машине ночью, и сейчас не могут найти ни его, ни его автомобиля.

— Ты шутишь?

— Конечно, нет, — веско отвечаю я.

— Прости, — извиняется он, опешив от моего спокойствия. — Мне кажется, это настолько невероятным.

— Я звоню тебе, чтобы сообщить, что при сложившихся обстоятельствах свадьбы не будет.

— Не торопись. У нас с твоим отцом был уговор.

— Да, я знаю. Тебе придется решить этот вопрос с ним, когда он появится. До свидания.

— Подожди мину...

Я кладу трубку.

— Вот и все, — говорю я, и у меня появляется улыбка до ушей.

Мой телефон опять звонит. Это Оливер. Я отклоняю его звонок и блокирую его номер.

Сейчас наступило время отправиться в полицейский участок. Я покупаю новую SIM-карту по дороге в полицию, выбрасываю свой старый мобильник в мусорный бак на парке-Лейн, а аккумулятор в урну возле полицейского участка, как раз, в который я собираюсь зайти, чтобы подать заявление об исчезновении своего отца.

Этой ночью я сплю в комнате бабы с Ники.

Шейн полностью меня ошарашил, позвонив из Гайаны с отдыха. Он сказал, что ему необходимо спрятать человека от русской мафии в укромном месте.

— Тебе лучше, бл*дь, не связываться с русской мафией, — такова была моя первая реакция.

Он заверил меня, что он и не связывался.

Тогда я задал следующий вопрос:

— Насколько хорошо ты знаешь того, кого хочешь спрятать?

— Это долгая история, — ответил он, видно не желая говорить об этом по телефону. Если коротко, он в долгу перед каким-то Зейном, русским мафиози, который в настоящий момент является Александром Маленковым, всемирно известным пианистом. Я понятия не имел, что Шейн был знаком с Зейном. Иногда меня Шейн несказанно удивляет. Я всю жизнь относился к нему как к ребенку, плеядой семьи, но как только возникает напряженная ситуация, он как всегда на высоте и всегда меня удивляет.

Мужчину, которого я должен был спрятать звали Ной Абрамович, кстати он был ранен, как мимоходом заметил Шейн. Поэтому мне следовало доставить к нему доктора и найти безопасное место, дом. А также я должен был забрать Ташу Эванофф. Ее отца я знаю довольно хорошо, на самом деле. Продажный, как черт. Его легализованная компания всего лишь прикрытие для теневого бизнеса.

С Ташей Эванофф я договорился встретиться в «Старбакс» в Найтсбридже. Я прибыл на пять минут раньше, но она уже была здесь. Я тут же ее узнал. Внешне сама невинность, голубоглазая блондинка, русская красавица с внутренним стержнем, сделанным из чистой стали.

Она являлась полной противоположностью моей жены. Моя Лили внешне выглядит нестигаемой, но настолько хрупкая внутри. Иногда, когда я смотрю на нее, чувствую сильное беспокойство за нее. Наблюдая за ней у окна, как она кормит своих птиц, мне кажется такой далекой, такой недостижимой, что хочется сбежать по лестнице, крепко ее обнять и трахать, пока она не почувствует мою силу, что я стал частью ее.

Хочется, чтобы она забыла обо всем, кроме меня. Ее внешний вид вызывает во мне чувство с яростью защищать ее от чего бы то ни было. С тех пор как мы стали вместе, не было ни единой ночи, чтобы я оставил ее одну. Я всюду вожу ее с собой. Если она не может куда-то поехать, я тоже не еду. Ее я не могу доверить никому. Никогда. Я считаю лучше перебдеть, чем потом кусать себе локти.

— Таша Эванофф?

— Здравствуйте, мистер Иден. Спасибо, что отвезете меня повидаться с ним. — Ее произношение — высшего класса, лучшее, что можно купить за деньги. Она поднимается, хотя хорошие манеры, которые ей привили в школе говорили, что в этом не было необходимости, но все равно, она поднялась и протянула руку. На ней было одето дорогое, красивое и очень консервативное синее платье, но ее настороженные глаза хранили много секретов.

Я пожал ее руку. И понял, что ни дня в своей жизни она не работала.

— Джек Иден. Не надо меня благодарить. Очень приятно, — говорю я.

Она прикусывает нижнюю губу.

— Он в порядке?

— Если не считать, что он страдает от разбитого сердца то, да.

Она улыбается.

— Хорошо. — Я бросаю взгляд на стол. Она уже почти допила свой латте.

— Хотите что-нибудь заказать? — спрашивает она.

— На самом деле, нет, поскольку припарковался на двойной желтой полосе.

Она берет свою сумочку и следует за мной. Я не вижу квитанции на штраф на лобовом стекле, поэтому открываю пассажирскую дверь и помогаю ей сесть. Она поднимает игрушку, валяющуюся у нее между ног.

— У вас есть дети?

Я улыбаюсь.

— Трое.

— Это хорошо.

— Да.

Я запускаю двигатель и тут звонит мой телефон.

— Это моя старшая Лилиана, — говорю я, поставив на громкую связь и выезжая на дорогу.

— Папочка. Ты не поверишь, что сделал Томми, — в захлеб сообщает она.

— Что он сделал?

— Он опустил ведро с песком в унитаз, и оно там застряло.

— Сначала скажи мне, что ты сделала *с ним*?

— Ничего.

— Уверена?

— Ну, он все начал.

Таша хихикает.

— Кто это с тобой? — моментально спрашивает она.

— Ты ее не знаешь, — отвечаю я.

— Откуда ты знаешь? Я могу и знать, — упрямо говорит она.

Таша снова смеется.

— А мама ее знает?

— Нет, мама тоже ее не знает.

— Она ходила в мою школу?

— Лилиана, я же сказал, что ты не знаешь ее. Давай, вернемся к твоей проблеме с Томми?

— Но откуда ты знаешь, что я ее не знаю? Я знаю многих людей. Ты должен разрешить мне с ней поговорить, папочка, — говорит она со взрослой интонацией с уверенностью, так говорит большинство людей.

Таша не может остановиться, продолжая хихикать.

Я поворачиваю голову к Таше.

— Хочешь поговорить с моей дочерью?

Пока я выруливаю на трассу M25, *моя дочь* тщательно допрашивает дочь подпольного русского мафиози, живущего в Лондоне. Прошло уже пятнадцать минут, а разговор их двих не прекращается.

— Вы должны обязательно прийти к нам в гости, — заявляет моя дочь. — Вам у нас

понравится. У нас есть большая собака, маленькая кошка, рыбки, два озорных хомячка и много птиц. Если что вы можете переночевать в комнате для гостей. Вы же хотите приехать?

— Спасибо. Возможно, я когда-нибудь приеду.

— Приходите в эту пятницу, — приглашает Лилиана.

— Э... может, не в эту пятницу, — отвечает Таша.

— А что насчет субботы? — не отстает моя дочь.

— Лилиана. Сколько раз я должен тебе повторять, не заставляй других делать то, чего им не хочется?

— Я не заставляю Ташу. Она сказала, что хочет к нам приехать.

— Хорошо, — говорю я. — Таше уже пора. Попрощайся.

— Пока, Таша. Папа, по поводу Томми...

— Лилиана, я приеду и обсудим это позже, хорошо?

— Ох, ладно, — фыркает она.

— Хорошая девочка.

— Люблю тебя, — отвечает Лилиана.

— Увидимся.

— Скажи мне, что тоже меня любишь, — требует она.

— Я люблю тебя, тыковка.

— Пока, папочка, — радостно кричит она и отключается.

— Какой удивительный ребенок, — мечтательно говорит Таша.

— Особенно, когда живешь с ней 24 часа в сутки семь дней в неделю, — отвечаю я, но на самом деле, я чуть не лопаюсь от гордости, когда думаю о своей дочери.

— Мне нравятся такие дети, — говорит Таша. — Она такая смышленная и такая неугомонная.

Я улыбаюсь.

— Да, она именно такая.

Я включаю поворот в Чертси и, свернув еще несколько раз, опять поворачиваю на проселочную дорогу с полями по обе стороны. Вдруг передо мной вдалеке появляется мужчина, как будто из ниоткуда. Он не двигается, стоя посередине дороги, выжидая, когда я подъеду к нему. Затем появляются еще мужчины. Они окружают машину. Я чувствую, что Таша начинает нервничать из-за их угрожающего вида и не улыбкающих лиц.

— Кто эти люди? — спрашивает она.

— Они мой народ. Цыгане ирландцы.

Она поворачивается ко мне. Ее глаза наполнены страхом.

— Ты им доверяешь?

Я прямо смотрю ей в глаза.

— Свою жизнь.

Она с облегчением выдыхает, и я чувствую, как постепенно успокаивается.

Я опускаю стекло вниз.

Один из мужчин кладет свою руку, как у боксера, на крышу моего автомобиля и наклоняется ко мне. От него пахнет беконом и пивом.

— Как дела, Крейг? — спрашиваю я.

Его сверкающие голубые глаза таят в себе многое, но они улыбаются мне, морщинки появились в уголках глаз.

— И тебе доброе утро, Джек, мой мальчик. Отсутствие новостей — хорошие новости.

После того как Джек и мужчины обмениваются парой фраз на своем, настолько сильном диалекте, что я едва могу что-либо разобрать, о чем они говорят, толпа устрашающих людей, в неопрятной одежде расступается, чтобы позволить нам проехать к их табору, расположившемуся по обе стороны проселочной дороги.

Автомобиль останавливается перед незамысловатым бунгалом с красной крышей. Ной сидит снаружи и курит сигарету. К моему громадному облегчению, внешне он выглядит хорошо. Завидев машину, он отбрасывает сигарету и направляется к нам.

— Я пойду выпью пиво с парнями, вернусь через час, чтобы забрать ее, — говорит Джейк, закрывая дверцу.

— Спасибо, — отвечает Ной.

— Без проблем, — бросает Джек через плечо, его длинные, мускулистые ноги уже направляются в противоположную сторону.

Я остаюсь на месте, слегка опустив голову и глядя на Ноя. При свете дня я не с того не с сего начинаю стесняться. Слабое осеннее солнце выбирается из-за серых облаков и сверху ласкает нас своими лучами. Он подзывает меня пальцем.

Я делаю вид, что это не ко мне, поэтому осматриваюсь по сторонам, выгнув вопросительно бровь, перевожу на него взгляд, указывая себе на грудь.

Он улыбается в ответ.

Боже, как же сильно я его люблю. Я несусь к нему со всех ног, мое сердце настолько переполнено к нему любовью, что мне кажется, оно готово лопнуть от счастья. Он хватается меня за руку и поворачивает вокруг.

— Все хорошеешь с каждым разом, как я погляжу?

Я усмехаюсь, как полная идиотка, он сгребает меня в охапку и целует. Прямо посередине бетонной дорожки, ведущей к его бунгалу. Поцелуй долгий, медленный, обжигающий, который длится и длится.

О, Ной, Ной, Ной.

Когда он поднимает голову, у меня щеки покраснелись, а губы покалывает.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Я готов испепелить все, чем владею, ради тебя.

— А я готова испепелить все, чем владею, за тебя, — говорю я.

Он прочерчивает дорожку большим пальцем по моей щеке.

— Я хочу просыпаться с таким поцелуем каждое утро, — отвечает он.

— Правда?

— Да, правда. Согласна на это?

Я киваю.

— Хорошо. Ловлю на слове.

— Скажи мне, — говорю я с кокетливой улыбкой. — Когда ты впервые понял, что любишь меня?

— Трудно сказать. Я хотел тебя уже так давно, что стерлись границы.

— Какой скучный ответ! — жалуясь я. — Я не смогу рассказать его своим внукам. Придумать что-нибудь получше.

— Ладно. Я любил тебя еще до своего рождения, но вынужден был забыть, поскольку боль, что не смогу тобой обладать была слишком невыносимой, но я знал каждую минуту, что ты есть и ждешь меня. Много лет назад я увидел, как ты лежала у бассейна, и подумал, что ты та единственная, но не был уверен до конца. Ровно до того вечера, пока ты не появилась в розовом кардигане у меня на пороге кабинета, тогда я понял, колдовство вернулось.

Я задыхаюсь.

— Это так прекрасно звучит.

— Мне столько нужно тебе рассказать и узнать от тебя, но я умираю от желания трахнуть, — стонет он.

— Почему ты думаешь, что я также не умираю от желания? — нахально заявляю я.

Он смеется в ответ и ведет меня в бунгало. Внутри все очень просто — дешевая мебель, две комнаты с выходом в коридор. Через открытые двери я вижу его спальню с разобранной постелью.

Я смотрю в глубину его глаз.

— Нам стоит быть очень осторожными. Я не хочу, чтобы тебе было больно.

— К черту осторожность. Это касается другого, но не нас с тобой. Ты, наконец, снимешь свое платье, иначе я сойду с ума?

С ухмылкой я расстегиваю платье, и оно падает на пол. Под ним на мне одет костюм медсестры и подвязки. Его глаза расширяются.

— Ну и ну, — присвистнув, тихо говорит он.

— Вы пялитесь на меня, мистер Абрамович?

— Я всегда пялюсь на тебя, красавица, — мурлычет он, и в глазах светится горячее желание и удовольствие.

Я взмахиваю ресницами.

— Тебе не кажется, что я выгляжу слишком вызывающе?

— Нет, — с трудом сглатывает он, — ни за что.

Я сексуально облизываю губы.

— Ты специально так говоришь?

Он отрицательно качает головой.

— Нет.

— Тогда вы слишком добры ко мне, мистер Абрамович.

— На самом деле, в данный момент, я не чувствую себя слишком уж добрым.

Я беру его за руку и веду в спальню. Я подхожу к кровати и начинаю взбивать его подушки, специально наклонившись, чтобы он смог увидеть, что на мне нет трусиков. Я как ни в чем не бывало разворачиваюсь к нему, он словно прибывает в ступоре.

— Идите сюда, ложитесь на кровать, мне необходимо померить вам температуру. Может вас немного лихорадит, — говорю я.

— Да, я согласен называть это лихорадкой.

— Быстро идите сюда. Скоро придет врач. Я не хочу лишиться своей лицензии за это... Вы же никому не расскажете, да?

— Однозначно.

— О, хорошо. Это очень важно для меня, мне необходимо свою репутацию медсестры сохранять в чистоте. Если же нет, то каждый Том, Дик и Гарри захотят сделать тоже самое... ну, вы понимаете, что я имею в виду.

— Не беспокойся. Я очень хорошо все понимаю, — говорит он.

Он подходит к кровати и ложится на нее.

Я сажусь на кровать и начинаю расстегивать его брюки.

— Мне казалось, что ты хотела измерить мне температуру, — говорит он с весельем в голосе.

Я сурово посматриваю на него.

— Через минутку. Я как раз собираюсь.

Его член твердый, как камень, и он прямо выпрыгивает из боксеров, как только я освобождаю его. Обхватив его пальцами, которые выглядят настолько женственно на его белой, напитанной кровью, огромной плоти, я хитро ему улыбаюсь.

— Боюсь, что он слишком горячий и жесткий.

— Я рад, что вы поняла это, медсестра Эванофф.

— Вы ведете себя слишком нахально, мистер Абрамович.

Он отрицательно качает головой.

Я дотрагиваюсь до его яиц.

— Слишком жесткие и побаливают, да?

— Точно, — соглашается он.

— Я так и думала.

Я наклоняюсь и оставляю нежный поцелуй на его эрекции. В ответ его член тут же дергается. Я беру его в рот и медленно скольжу губами вниз по гладкой, горячей коже, пока Ной не начинает стонать от удовольствия. Я с силой начинаю его сосать, погружая глубже в рот, потом отстраняюсь с причмокивающим звуком, поднимая голову.

— Мистер Абрамович, вы когда-нибудь делали это раньше с медсестрой? — спрашиваю я знойно с придыханием.

— Нет, — признается он.

— А хотели бы?

— Мммм... это не входило в мои приоритеты... до сегодняшнего дня.

Я одергиваю костюм медсестры, который задрался, собравшись вокруг талии. Потом раздвигаю ноги и смотрю на него, как он пялится на мою свежевыбритую киску, клитор, показывающийся из моих мокрых складок, словно прося, умоляя быть оттраханным. Опустившись на колени, я опускаюсь промежностей к его толстой эрекции.

— Неужели соединяясь вместе, твой член и моя киска, похожи на хот-дог, мистер Абрамович? — нахально интересуюсь я, опускаясь на него вверх и вниз.

— О, черт, — ругается он, пытаюсь схватить меня за талию и глубоко посадить на свой член, но я шлепаю его по рукам.

— Терпение, мистер Абрамович. Нам следует быть осторожными.

Вскоре с хлюпающими звуками я скачу на нем, глядя на его лицо, могу точно сказать, что с каждым моим движением он теряет остатки своей толерантности. Я поднимаюсь дюйм за дюймом, насаживая себя на его член. Всего несколько дней без занятий секса с ним, заставили тосковать мое тело. Я чувствую, как он растягивает и полностью наполняет меня. Это настолько чертовски хорошее ощущение, я упираюсь на руки по обе стороны от него, запрокидываю назад голову и с силой двигаюсь, пытаюсь вобрать его еще глубже, работаю в поте лица. Я ни на минуту не замедляюсь, пока меня не начинает бить крупная дрожь, от надвигающегося оргазма.

Я чувствую, что совсем уже близко, он удерживает меня внизу и притягивает к себе,

начиная жестоко с силой двигать бедрами (скорее всего для его раны это плохо), очередной раз толкнувшись вверх, я чувствую его горячее семя, разливающееся глубоко внутри, когда он кончает. Кажется, как будто это вечность рывками плюется в меня.

С трудом переведя дыхание, я улыбаюсь ему.

— Чувствуете себя лучше, мистер Абрамович?

— Намного лучше, — бормочет он, притягивая меня поближе и целуя.

— Я люблю тебя, медсестра Эванофф. Я действительно, на самом деле, абсолютно чертовски тебя люблю.

— Ну, — выдыхаю я. — Должна вам сказать, что вы мой лучший пациент, мистер Абрамович.

— Лучше бы, чтобы не было других, иначе они скоро окажутся в морге.

— Всегда ты и только ты, — шепчу я.

Я сворачиваюсь калачиком рядом с ним у противоположного, неповрежденного бока. И рассказываю ему все, начиная с самого ужасного момента, когда обнаружила Сергея, а он рассказывает мне о докторе, который наткнулся на него в переулке, когда он был почти что уже мертв. Потом про помощь брата Джека Идена, которую тот готов был оказать Александру Маленкову. Наконец, он сообщает, что его люди слышали, будто поползли слухи об исчезновении моего отца.

— И что говорят?

— Что дочь Никиты Эваноффа посещала ночной клуб Дмитрия Семенова за день до его исчезновения, но у них кроме этого ничего нет. Никто ничего не знает.

Затем я стала одеваться, потому что пришло время.

Неделю спустя

Я оглядываю улицу из своего окна, мужчина курит, одетый в черную кожаную куртку и черные брюки, прислонившись к фонарю через дорогу.

Вокруг него на земле валяется куча окурков. Я надеваю куртку, засовываю нож за пояс джинсов и возвращаюсь к окну. Он все еще там и выглядит так, словно его совершенно не интересует, что происходит вокруг, хотя взгляд острый, настороженный.

Я спускаюсь в фойе, выхожу на свежий утренний воздух и пересекаю дорогу. Он выпрямляется и бросает сигарету, улыбается мне, оголив желтые зубы от никотина. Его руки полностью покрыты татуировками. Он открывает пачку красного «Мальборо» и протягивает мне.

— Эта дрянь тебя когда-нибудь убьет, — говорю я.

— Было бы здорово, если бы меня убили сигареты, — не задумываясь отвечает он. Его голос похож на густой виски, или скорее обжигающую водку, с отчетливо слышимым акцентом, словно он только что прибыл из России.

— Что ты здесь делаешь?

Он пожимает плечами.

— Просто люблюсь видом.

— Да?

— Да, здесь красиво. Босс проявляет свое уважение и заботу к вам в моем лице.

Я вздыхаю.

— Мне казалось, что опасность миновала, — отвечаю я ему.

Он ухмыляется.

— Когда отрубаешь голову, хвост иногда продолжает дергаться... недолго.

— Скажи своему боссу, с сегодняшнего дня я не хочу, чтобы кто-то дежурил под моими окнами. Мы квиты. Я сделал то, что был обязан сделать, как врач, он ничего мне не должен, — говорю я, отворачиваясь от него.

— Хорошо, когда есть друзья. Возможно, когда-нибудь вам тоже понадобится помощь, а?

Я резко разворачиваюсь к нему, чувствуя, как нож впивается мне в поясницу.

— Лучше, чтобы никогда.

— Никогда — это всего лишь долгое время, мистер Айриш.

Прошел месяц

Мужчина опускается на стул напротив меня.

Я поднимаю на него глаза, у меня на лице не дрогнул ни один мускул, пока я делаю глоток латте.

— Привет, инспектор Стоун, — говорю я ему.

Он улыбается. У него приятная улыбка. И я задаюсь вопросом — есть ли у него жена и дети, чем он увлекается, когда не занимается своей работой, и не допрашивает подозреваемых в убийстве.

— Вы ходили по магазинам, как я погляжу, — отвечает он.

Я хотела приглядеть подарок на день рождения бабы, но будь я проклята, если позволю ему взглянуть на счет своих покупок. Для его следствия мои покупки не имеют значения. Я не отвожу от него взгляда, на моем лице не видно никакой реакции.

— Кормят здесь хорошо? — спрашивает он.

— Я особо не пробовала здесь еду, — глазами показываю на свой латте и тарелку с салатом.

Приходит официантка с меню. Он берет его, но даже не заглядывает внутрь.

— Какое здесь самое хорошее блюдо? — спрашивает он ее.

Она пожимает плечами и улыбается.

— Я вегетарианка, но говорят, что здесь все очень вкусно.

— Могу я заказать бургер?

— Простите, но мы не готовим бургеры, — с улыбкой отвечает она и настойчиво добавляет. — Не хотите взглянуть в меню?

— Как насчет сэндвича с сыром?

Если она на любой подобный ответ клиента, начнет закатывать глаза, то лишится своего места.

— Нет, этого мы тоже не делаем.

— Паста?

Она кидает на меня взгляд, как бы обращаясь за помощью или взывая к женской солидарности, но тут я ей ничем не могу помочь. Я испытываю легкое раздражение, которое не собираюсь ему показывать, поэтому насаживаю картофель на вилку и отправляю его в рот.

— Эм... в основном мы готовим блюда русской кухни. Это русское кафе.

— А что ест она? — спрашивает он, дергая головой в мою сторону.

— Красный картофельный салат, — говорит она, косясь на мою тарелку.

— Хммм... Неее. Принеси мне что-нибудь близко похожее на бургер или сэндвич с сыром, или хорошую пасту.

— Как насчет пельменей?

— А они похожи на бургер или сэндвич с сыром?

Девушка становится раздраженной. Она оборачивается и многозначительно оглядывает другие столики, которые тоже требуют ее внимания.

— Это больше похоже на мясо с пастой.

Он невинно улыбается.

— Отлично. Именно это я и буду есть.

— Что бы вы хотели выпить, сэр?

— Предпочел бы кока-колу.

— Благодарю вас. Я скоро вернусь. — Она быстро убегает.

Я опускаю вилку на стол, вытираю рот салфеткой и поднимаю на собеседника глаза, он внимательно наблюдает за мной своими серыми слезящимися глазами, может от этого он так часто моргает. У меня присутствует четкое ощущение, что под этим типажом рассеянного, даже неуклюжего Коломбо, на самом деле, скрывается очень острый ум.

— Исчезновение вашего отца, словно он испарился в воздухе, выглядит слегка забавным, — говорит он, взяв в руки солонку и, глядя на ее дно, как будто увидел там что-то жизненно важное.

— В самом деле? Почему?

— В основном, потому что это лишено всякого смысла.

— Да?

Он буравит меня своими слезящимися глазами.

— Помимо того, что это было преступление.

— Интересная мысль.

— Да, я думаю именно так. Это было настоящее преступление. Например, все камеры по периметру дома работали без перебойно за исключением камеры номер 9. — Он почесывает подбородок, затем достает маленький блокнот. Открыв, начинает листать страницы. — Эта камера перестала двигаться с 10.24 до 10.33 тем вечером. Сначала я подумал, что это глюк, но когда проверил саму камеру, обнаружил царапины и сколы краски по бокам. Знаете, словно кто-то специально ее заклинил палкой, чтобы она не вертелась кругом.

Я с интересом посматриваю на него.

— А потом еще кое-что — вашей бабушке получил неизвестный абонент, — он опять посмотрел на свои записи, — в 10.58 вечера. Немного странное время, не правда ли?

— Вы спросили ее, кто это был?

Он улыбается мне.

— Она сказала, что ошиблись номером.

Я улыбаюсь ему в ответ.

— Ну, вот видите.

— Есть еще одна аномалия в данном деле. Журнал телефонных звонков вашей бабушки показал, что единственный человек, который обычно звонил ей так поздно были вы, но в ту ночь ей позвонил джентльмен по имени Ной Абрамович около 11.30. Да, она утверждает, что он нажал не на ту кнопку. Затем у нее был еще один звонок в 2 часа ночи от неизвестного абонента, как и ранее. Тоже ошиблись номером. Как такое могло случиться?

— Ну, вероятность попадания молнии в человека — миллион к одному, но есть те, кто выживает после удара молнии, хотя все знают, что такое невозможно. Даже есть парень в США, в которого шесть раз ударяла молния, но он остался жив, — улыбаюсь я ему. — Мы живем в странном, но прекрасном мире, инспектор.

Мужчина смотрит на меня с горечью.

Я решила его спросить:

— Вы, конечно, не думаете, что моя бабушка имеет какое-то отношение к исчезновению отца?

Он полностью игнорирует мой вопрос.

— Вы единственная наследница, так?

— Понятия не имею, поскольку я не верю, что моего отца нет в живых, он пропал без вестей, мы не можем узнать содержание его завещания, пока не будет найдено его тело или не пройдет семь лет, когда будет считаться, что он погиб.

Он наклоняется вперед.

— Почему вам так хочется верить, твой ваш отец пропал, а не умер?

— Я его дочь. Я предпочитаю верить, что он до сих пор жив и здоров. Неужели это так трудно понять, мистер Стоун?

Официантка приносит ему колу. Он прихватывает соломинку губами и делает глоток в своей беспорядочной манере. Я почти чувствую к нему жалость.

Я беру свою сумочку и поднимаю пакеты.

— Я должна идти, но если что-нибудь прояснится, вы позвоните мне, не так ли, инспектор?

Он цинично улыбается.

— Еще бы, конечно.

— Желаю вам хорошего дня.

— И вы тоже позвоните мне, если что-то выясните, не так ли, мисс Эванофф?

— Конечно. Я хочу найти отца также, как и вы.

Он улыбается.

— Однажды, мисс Эванофф. Когда-нибудь вы совершите ошибку.

Я встаю и медленно ему улыбаюсь. Он ничего не может доказать, потому что у него нет тела и никогда не будет. Он никогда ничего не докажет.

— Я верю в карму. Если я сделала что-то неправильное, то я заплачу сполна.

— Удачи!

— Спасибо, и вам того же. — Я разворачиваюсь и выхожу из кафе, зная, что его глаза неотрывно наблюдают за мной, но я не испытываю ни малейшего страха.

Десять месяцев спустя

https://www.youtube.com/watch?v=tB54XUhA9_w

Мой первый маленький сын — мое все

Медсестра опускает ко мне в руки крохотное тельце. Я беру маленькую жизнь, которая была создана у меня в животе и наполнена моей неистовой любовью. Смерть и проклятие всем, кто попробует, хоть волосок выдернуть с его крошечной головки. Баба отказывалась говорить со мной об имени ребенка, таков обычай. Она считала, что заранее дав имя ребенку, его можно сглазить. «Никому не смей говорить». Сегодня первый день, когда я называю его по имени, которое выбрала своему сыну.

— О, посмотри, какой ты красавец, Сергей, — шепчу я. Не проходило и дня, что я не думала, не говорила или не молилась за своего Сергея. Слишком рано он ушел от меня. Сегодня в его честь, я называю своего первенца.

Сергей издает какой-то еле слышный звук, как будто соглашается со своим именем.

Дверь резко открывается, и врывается Ной. Он останавливается, сделав два шага в комнату. Выглядит бледным со спутанными волосами, а глаза совершенно дикие.

— Все кончено. Ребенок вышел. С тобой все в порядке? — тут же спрашивает он скороговоркой.

— Со мной все в порядке и все закончилось, — мягко отвечаю я ему.

На его лице отражается чувство вины.

— Я все пропустил.

— Как твоя голова? — интересуюсь я, с трудом сдерживая смех.

— Хорошо, — смущенно отвечает он.

Я улыбаюсь ему и морщусь нос.

— Мда... такой огромный боец мафии. Наемный убийца. Падает в обморок при виде крови.

Он стоит в дверях и смущенно потирает затылок.

— Они стали тебя резать. Никто меня не предупредил, что они собираются тебе резать. Я не ожидал этого!

Мое сердце готово лопнуть от любви к этому мужчине.

— Подойди, дурачок, и познакомься со своим сыном, — сдерживая слезы, говорю я.

Он быстро с нетерпением передвигается ко мне.

— Садись, — я передаю Сергея в его большие руки. Этот момент я запомню навсегда — нашего малыша в его ладонях. Выражение у Ноя становится таким умильно нежным, пока он замороженно смотрит на чудо, которое мы вместе сотворили.

— Он такой маленький. Это нормально? — с беспокойством спрашивает он.

— Извини меня. Попробуй вытолкнуть его из живота через свой член, тогда и говори, что он маленький, — отвечаю я.

Ной густо краснеет от моих слов, я впервые вижу, чтобы он так краснел.

Тут же я чувствую укол в сердце от своего сравнения. Он настолько ведет себя по-русски, когда дело касается беременной жены и рождения детей. Выглядит совершенно потерянным, не знающим что делать.

— Его рост восемь фунтов и две унции. Это хорошо, — подбадривая говорю я.

Сергей двигает головкой и зевает, по-настоящему зевает. *Оооо, мой сын сейчас зевнул.*

— Ты видела? Он зевнул, — вздохнув вскрикивает Ной.

Мы смотрим друг на друга, мы оба настолько глубоко и сильно любим этого маленького человечка, которого сами и создали, что выглядим, наверное, настоящими идиотами.

Он глубоко вздыхает.

— Прости... эээ... я потерял сознание.

Я смеюсь.

— Да, как же это произошло?

Он качает головой.

— Не знаю. Я могу видеть свою кровь, других людей, но я не могу бл*ть видеть твою. У меня от этого закружилась голова, и потом все померкло перед глазами.

— О, Ной.

Он наклоняется и нежно меня целует.

— Ты была просто восхитительна. Я так горжусь тобой. Я не могу поверить, что все пропустил.

— Ничего страшного, в следующий раз...

Он хмурится.

— В следующий раз? Ты хочешь снова через это пройти? — недоверчиво спрашивает он.

— Конечно. Сергею нужны братья и сестры. Я не хочу, чтобы он, как я, был единственным ребенком в семье.

— Нет, — решительно отвечает он. — Мне кажется, ты достаточно настрадалась. Я не могу даже подумать о других детях. Мы можем их усыновить. Ты же знаешь, сколько детей нуждаются в хорошем доме и семье.

— Ни за что. У нас будет четверо, может пятеро, и если ты захочешь, мы сможем усыновить еще одного-двух, но когда в следующий раз я пойду рожать, ты можешь стоять у моей головы.

— Мы еще поговорим об этом, — мрачно отвечает он.

Раздается стук в дверь и входит баба, неся накрытую тарелку с едой. Она морщится.

— Почему ребенка не пеленают? — тут же спрашивает она. — Сначала ты нарушаешь обычай, заранее покупая ему одежду и игрушки, а теперь не желаешь пеленать ребенка?

Я хихикаю.

— Мама меня не пеленала, и я выросла нормальной, не так ли?

— Это еще надо поглядеть, — говорит она, делая вид, что недовольна, но, на самом деле, сияет от радости.

— Где же мама? — спрашиваю я.

— Идет. Она столкнулась с доктором в коридоре и решила у него все расспросить.

В этот момент в комнату заходит мама.

— О, дорогая, какая ты молодец! — Она тут же идет в сторону Ноя, держащего ребенка.

— Ах, Боже мой. Он такой красавец.

— Да, он самый красивый мальчик в целом мире.

Эпилог

Ной Абрамович

Прошло полвека

https://www.youtube.com/watch?v=iQop_qs4xV4

Как долго я буду любить тебя?

Я приминаю землю вокруг посаженных саженцев помидор, поливаю и присаживаюсь на корточки. Время движется к полудню, и сицилийское солнце греет все сильнее мне в спину. Я натягиваю ковбойскую шляпу пониже на лоб и поднимаюсь в вертикальное положение. С трудом выпрямляя свою больную спину, направляюсь обратно к дому. Таша скоро уже будет дома. Иван, наш второй сын, повез ее на рынок за крабами к обеду.

Я прохожу мимо оливковой рощи, где Таши похоронила всех своих собак. Их было много. Даже Сергея. Она эксгумировала его тело и привезла сюда, чтобы похоронить рядом с собой.

Почти уже близко к дому я вижу нашу дочь, Татьяну (которая должна быть у себя в доме) бегущую ко мне, и я столбенею на месте. Потом какая-то сила подталкивает меня вперед, я бегу. Мы встречаемся у деревянных качелей, на которых любим сидеть с Ташей и смотреть на закат, ужиная и выпивая водку.

— Что случилось? — спрашиваю я, схватив ее за плечи. У нее глаза красные, она плакала.

— Мама, — выдавливают она, переводя дыхание.

У меня сердце останавливается от страха.

— Что? — резко требую я.

— Иван повез ее в больницу. Она поскользнулась на мокрой плитке на рынке и упала. — Ее глаза наполняются слезами. — Ах, папа, Иван нес ее на руках, потому что она не могла идти. Он пытался дозвониться до тебя, но ты не подходил к телефону.

— Я работал на огороде. — Я хватаю ее за руку и тяну к дому. — Давай, поехали в больницу.

— У тебя руки все в земле, папа.

Я опускаю взгляд на свои руки, да на них видна земля. Я мою руки на кухне, потом мы идем к ее машине. До больницы ехать почти сорок минут. Я постоянно звоню Ивану, но его телефон выключен.

— Вероятно, в больнице не разрешают пользоваться телефонами, — говорит Татьяна.

— Ты не можешь ехать быстрее? — прошу я свою дочь.

— Я и так еду быстро, насколько могу.

Внутри я чувствую холод. Я начинаю молиться про себя. *«Пожалуйста, не позволяй ей испытывать боль. Отдай эту боль мне. Я смогу выдержать ее лучше, чем она».*

Через тридцать минут мы останавливаемся у больницы и спешим внутрь. Мы спрашиваем на стойке регистрации, нам указывают, где могут быть мой сын и Таша. Мы бросаемся в травматологию, и я вижу ее на каталке. Она выглядит такой маленькой и ранимой на этой огромной кровати. Я кидаюсь к ней, и она улыбается мне сквозь боль.

— Моя жизнь, моя любовь, — шепчу я.

— Всего лишь вывих, но я попыталась их уговорить, чтобы они дали мне на всякий случай морфин, — говорит она с ухмылкой.

Слезы облегчения выступают у меня на глазах. О, Боже! Я даже не могу себе представить свою жизнь без моей Таши. Она все время поддразнивает меня, называя сильным и молчаливым. Я имею в виду, не тихим, а молчаливым, но когда я говорю ей прекратить, через пару минут начинаю чувствовать себя неудобно, так мне хочется услышать ее голос.

— Я подумал, что ты сломала ногу. Татьяна сказала, что Ивану пришлось нести тебя, — говорю я.

— Ты же знаешь, что Иван точно такой же, как и ты. Он даже хуже, чем ты в своей заботе обо мне. Я могла бы спокойно пойти сама, но он сказал, что мне нельзя двигаться. На самом деле, было даже как-то неловко. — Бормочет она себе под нос. — Люди, наверное, подумали, что я настолько стара, что даже не могу ходить или что-то в том же духе.

Я касаюсь ее лица, пробегаю подушечками пальцев по ее щекам.

— Тебе только семьдесят, у тебя даже нет морщин.

— Ты снова разглядывал семидесятилетних старух? — со смехом спрашивает она.

— Я не смотрел на других женщин с того самого дня, когда ты вошла в мой кабинет в своем сексуальном розовом кардигане.

— Ах, ты старый льстец. — Смеется она, отчего мое сердце начинает биться медленнее. *С ней все хорошо. С ней все будет хорошо.*

— Это правда. Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, и ты до сих пор прекрасна.

Она улыбается.

— А ты, Ной Абрамович, самый красивый ублюдок, которого я когда-либо встречала.

— Ты нарочно меня поддеваешь?

Она подмигивает.

— А как ты думаешь?

— Посмотрим, будешь ли ты так самоуверенна, как только я заберу тебя домой, нахальная девчонка.

— Эй, кто-нибудь перебинтуйте мне побыстрее эту чертову щиколотку, чтобы я смогла как можно скорее попасть домой, — ворчливо просит она, а потом заливается своим потрясающим красивым смехом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец

notes

Примечания

Гéнри Уй́льям Дáлглиш Кáвилл (англ. Henry William Dalglish Cavill, род. 5 мая 1983, Сент-Сейвьер, Джерси, Нормандские острова) — английский актёр. Известен по ролям в фильмах «Война богов: Бессмертные», «Средь бела дня», «Человек из стали», «Агент А.Н.К.Л.» и сериале «Тюдоры».

Парасейлинг — полет на водном парашюте

Люстры из ракушек (capiz shells) — перламутровые, разных оттенков и формы, в виде раковин, круглые, ромбы и т. д. нанизываются на нитку или леску и крепятся, можно каскадами можно нет, к люстре... Сейчас capiz shells очень распространено в декоре, могут использоваться не только в люстрах, но также в декоре стен, окон и т.д

желтые цветки цуккини

Десять бутылок стояло на стене, Десять бутылок стояло на стене, Одна из них упала,
Осталось только девять. — прим. пер. и так до 1

пирог с мясом, курицей и сыром

суп

библ. — воины исполины